

Индекс П8643

1
2019

РОССИЯ XXI 2019 1

РОССИЯ XXI

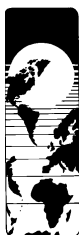
1.2019 январь-февраль

Теория и практика политических игр

Леонтий Бызов

Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет.
Три этапа трансформации общественного сознания» _____ **6**

Геоглобалистика

Владислав Голдин

Северный морской путь в арктической политике России:
исторический опыт, современность и перспективы _____ **32**

Страницы истории

Алексей Волвенко

Власть и казачество в эпоху «Великих реформ»
Александра II (1860–1870-е гг.): историографические
заметки (окончание) _____ **60**

Пути духовных исканий

Андрей Юрганов

Религиозно-философская концепция добра и зла в русском модернизме ___90

Ярлыки и мифы

Ольга Заиченко

Между «большим страхом» и «великими надеждами». Россия в восприятии германской элиты накануне и во время отечественной войны 1812 года: национально-патриотический дискурс _____116

Татьяна Филиппова

Культура, революция, война. «Культурное измерение» кризиса 1917–1922 годов в современной российской историографии _____144

Актуальный архив

Анна Быкова

Революционеры, не ювелиры: к вопросу о начале русско-ирландских дипломатических отношений _____168

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постагыйный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

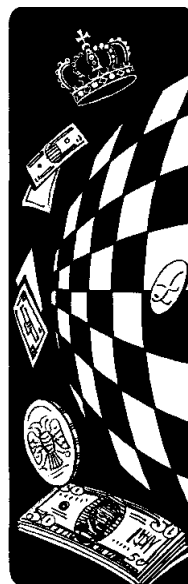
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые.

Никколо Макиавелли

Справедливость наших суждений
и наших поступков – не более
как удачное совпадение нашего
интереса с общественным.

Клод Адриан Гельвеций

Леонтий Бызов

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

ТРИ ЭТАПА ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

УДК
324

В статье, основанной на результатах исследований ИС РАН и ВЦИОМ, показана эволюция идейно-политических предпочтений россиян за последние четверть века. Прослеживается переход от советского типа массового сознания к западническому, к умеренно-государственническому в «нулевые». Автор выявляет перспективы дальнейшей динамики на основании вектора массового общественного запроса.

The article, based on the results of research of is RAS and VTSIOM, shows the evolution of ideological and political preferences of Russians over the past quarter century. The transition from the Soviet type of mass consciousness to the Western one to the moderate-state one to the "zero" is traced. The author reveals the prospects of further dynamics on the basis of the vector of mass public demand.

Ключевые слова: ценности; массовое сознание; общественный запрос; консерватизм; либерализм; западничество; перемены; социальная справедливость.

Key words: values; mass consciousness; public inquiry; conservatism; liberalism; Westernism, changes; social justice.

E-mail: leontiy13@mail.ru.

Период последней четверти века Новой России с точки зрения ценностных ориентаций и идейно-политических предпочтений отчетливо делится на три этапа.

Общее обоснование этапов ценностных трансформаций

В первом из них («либерально-демократическом»), начавшемся еще в ходе «перестройки», наблюдался сначала при общественном консенсусе («Перемены требуют наши

сердца!»), а вскоре при значительном общественном расколе, спровоцированном началом радикальных экономических преобразований, явный интерес большей части общества к ценностям демократического развития страны, ориентации на политический и экономический опыт ведущих стран Запада. Он связан с именами Б.Ельцина, Е.Гайдара, еще раньше – М.Горбачева. Этот период заканчивался постепенно, рейтинг «демократов» падал с 1992 года, с начала радикальных рыночных реформ. Огромное влияние на развитие событий в стране оказал силовой разгон системы советов осенью 1993 года, но окончательным завершением этого периода следует считать дефолт, произошедший в августе 1998 года, после чего основная часть населения определенно повернулась лицом к ценностям порядка и сильного государства, что послужило началом **второго** этапа ценностных трансформаций. Как будет показано ниже, оценки всего первого периода и важнейших событий того времени неоднозначны, что говорит о наличии ценностного раскола.

Второй этап («умеренно-консервативный») вынес наверх общественного мейнстрима таких «многовекторных» политиков, как Е.Примаков, а в дальнейшем – В.Путин и Д.Медведев, способных обеспечивать в обществе широкий компромисс между реформаторскими и консервативными силами. В этот период формировался общественный консенсус вокруг сочетания ценностей порядка, сильного государства, развития рыночной экономики и постепенной модернизации общества, ориентированной на пример стран Запада. В «нулевые» имел хождение популярный лозунг «догнать Португалию» по уровню ВВП на одного жителя страны. Данный период также завершался постепенно, поэтапно – от «Мюнхенской речи» В.Путина в 2007 году, ориентированной на ужесточение политики в отношении Запада, ряда репрессивных акций 2012–13 гг., вплоть до начала **третьего** этапа, связанного с событиями 2014 года. В отношении этого периода и связанных с ним событий существует общественное согласие.

Третий этап («радикально-консервативный») определился присоединением Крыма, военным участием в событиях на Украине, резким усилением консервативных, охранительных настроений в обществе, разрушением ранее сложившегося баланса между реформаторами и консерваторами, формированием нового, «посткрымского» консенсуса и одновременно новым глубоким расколом на «консервативное большинство» и «либеральное меньшинство», поляризацией и радикализацией общественных настроений, доминированием среди них антизападничества, клерикализацией идеологической сферы. Этот этап продолжается и поныне, во многом воспроизводя ценности и настроения последних десятилетий советского периода, когда велась ожесточенная «холодная война» между СССР и странами Запада. Насколько долго продлится этот этап, предмет дискуссий среди экспертов и политологов, но данные социологических опросов пока не позволяют сделать сколько-нибудь точный прогноз о перспективах существенного разворота доминирующих общественных ценностей, даже при повышении общего градуса недовольства в результате сложившегося в стране положения дел и стремления многих (свыше 50% россиян) к переменам. На место довольно симметричному балансу с сильным умеренным центром пришла явно асимметричная конфигурация, в которой резко усилились радикалы со всех политических флангов. Оценки этого периода и событий, с ним связанных, снова далеки от единомыслия.

Каждый из перечисленных периодов при этом сопровождался пересмотром общественных оценок многих значимых исторических событий и процессов, это происходило отчасти под влиянием государственной пропаганды, а отчасти в силу более глубинных изменений пластов массового сознания. Подобные исторические «зигзаги» не имеют чисто российской специфики, все быстрые, революционные процессы изменения общественного строя всегда сопровождались своими «термидорами» и «реставрациями», так как за быстро меняющимися политическими и социальными реалиями никогда не следуют столь же быстрые изменения сознания, культуры, ценностей. Эти сферы гораздо более консервативны. Сегодня, в период ценностной противофазы периода «перестройки» и «рыночных реформ», поддержанных в свое время с огромным воодушевлением, общественное сознание либо вовсе не хочет вспоминать события четвертьвековой давности, либо вспоминает их с сугубо негативным знаком. В русле общественного мейнстрима находятся такие консервативные деятели русской истории, как Николай I, Александр III, Иосиф Сталин, Леонид Брежнев. Общественное мнение

ищет выхода из многих негативных тенденций дня сегодняшнего, ориентируясь при этом на их исторический опыт. Модернизация общества протекает нелинейно, и пример России последних четверти столетия – тому яркое подтверждение.

**Ценностные трансформации
и процесс модернизации**

В современных концепциях модернизации главными детерминантами развития считаются не только и даже не столько достижения в материальном производстве (рост среднедушевого ВВП), но, главное, изменение базовых культурных ценностей¹. Это касается и «парадных» пластов сознания – своего рода представлений об общественном идеале, и более операциональных установок. Речь идет, прежде всего, о росте самостоятельности индивида по отношению к обществу, о его эмансипации. Эта главная общая тенденция проявляется во многих более частных сдвигах: в росте способности самостоятельно планировать и обеспечивать свою жизнь, в открытости изменениям (инновациям), в индивидуализации жизненных целей и т.д. Социокультурная модернизация сопряжена с постепенным формированием новых мировоззренческих характеристик, которые связаны с ценностями, в первую очередь, бытового поведения (хотя, конечно, они дают проекцию и на публично-политическое поведение). Постепенно модернизируется та часть ментальности, которая является наиболее глубокой и слабо рефлексированной в результате воздействия на индивида внешней среды. Именно такие глубинные изменения мировоззрения делают процессы модернизации устойчивыми и необратимыми. В России они происходят крайне медленно.

Развитие России в новое время происходит в противоборстве двух тенденций – модернизации и контрмодернизации [2,3]. Со времен первых Романовых российская элита осознает отсталость России от Западной Европы и сознательно стремится эту отсталость преодолеть, выборочно заимствуя не только организационные – регулярная армия, секуляризированная церковь, парламент и др., но и культурно-ментальные – религиозная и этническая толерантность, трудовая этика и др. западно-европейские ценности и институты. В то же время имманентной характеристикой модернизации российского общества является стремление сохранить свою самостоятельность по отношению к Западу – цивилиза-

¹ Эта часть статьи подготовлена при участии Ю.Латова.

ционную самобытность, которая чаще всего ассоциируется с архаичными (традиционными) чертами национальной культуры. Такое стремление сочетать передовые западные технологии и традиционный «русский дух» в долгосрочном плане, возможно, является наиболее результативным², но в среднесрочном аспекте ведет к разнонаправленности и даже заторможенности культурно-ментальных изменений. В результате социокультурная модернизация в России (как, впрочем, и в других странах догоняющего развития, для которых типичны аналогичные проблемы) часто демонстрирует гетерогенность (анклавность) и неустойчивость (обратимость). Однако, как нам представляется, не следует и абсолютизировать традиционализм современной России, который в большей степени базируется на архетипической матрице, чем на реальных жизненных ценностях. Массовое сознание было и остается крайне противоречивым, и отыскать в нем какие-то типы в чистом виде представляется весьма затруднительным.

Так, в современной России, безусловно, встречаются люди, соответствующие и модели «человека модерна», и модели «человека традиции», и, что чаще всего, сочетающие в разных пропорциях элементы обеих этих моделей [1,11,17,18]. Весь вопрос в том, что из этих элементов и насколько преобладает, а также каков вектор изменений в этой сфере. Чем крупнее городские поселения, тем сильнее в них обычно представлены группы населения с культурными ценностями модерна, а в авангарде модернизации находятся, как принято считать, жители столиц-мегаполисов [10]. Анализируемые ценности самодостаточности/зависимости и инициативы/традиционности мы будем трактовать при этом как элементы поляризации «модернистов – традиционалистов»: индивидуалист-модернист самодостаточен и инициативен, в то время как коллективист-фундаменталист зависим и традиционен. Человек российский оказался, таким образом, промежуточным типом между модернизированным и традиционным типами личности. Это подтверждает, что процесс социокультурной модернизации находится в современной России еще в состоянии транзита. Следует отметить, что *в суждениях россиян о жизненных целях коллективистские цели выражены гораздо сильнее, чем индивидуалистические*. В пользу каждой из пяти самых распространенных индивидуалистических ценностей высказа-

² Опыт «новых индустриальных стран» показывает, что успеха достигают именно те страны догоняющего развития (Южная Корея, Турция, Мексика и др.), которым удается модернизироваться, сохраняя отличные от Запада особенности национальной культуры (за рубежом это называют «модернизацией в обход модернити»).

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

лись в среднем в 1,7 раза меньше респондентов (лишь 24,4%), чем в пользу каждой из аналогичных коллективистских ценностей (41,0%). Ранги иерархии этих элементов жизненного успеха тоже однозначно указывают на невысокую популярность в общественном сознании россиян индивидуалистских ценностей. Однако на практике современное российское общество весьма далеко от коллективизма, напротив, оно крайне индивидуализировано и атомизировано. И это результат не столько реформ 1990-х, сколько отдаленное следствие «революции ценностей» 1970-х годов, когда идея общности начала быстро замещаться стремлением отгородиться от этой общности и выстроить свой индивидуальный мир. Разговоры о коллективизме, якобы присущем россиянам, – это скорее «мечты о несбыточном», чем констатация социальной реальности. В то же время сопоставление результатов опросов в 2003 г. и в 2017 г. позволяет сделать вывод о *явной, хотя и достаточно постепенной, тенденции к «деколлективизации» представлений о жизненном успехе городских жителей России*. Таким образом, *по критерию жизненных целей подтверждается ожидание, что в долгосрочном периоде, по мере модернизации экономик городов и образа жизни горожан, в сознании россиян будет повышаться уровень приверженности индивидуалистическим социокультурным ценностям*. Конкретно по критерию представлений о жизненном успехе это происходит не столько за счет роста индивидуалистских ценностей, сколько за счет падения популярности коллективистских ценностей³. Таким образом, парадное сознание, возможно, будет постепенно приходить в соответствие реальным жизненным установкам.

Но вернемся к сравнительному анализу этапов трансформации Новой России. Сейчас в поле нашего рассмотрения первый – либерально-демократический.

Ценности и социальная база либерально-демократического этапа

После долгих лет советской власти, с ее культом сильной государственности в ущерб индивидуальным свободам, в обществе возник спрос на реформы как демократической направленности, так и в направлении рыночной экономики. Сегодня общество активно отрицает ценности той эпохи. Глядя на результаты опроса вол-

³ Применительно к России, впрочем, наблюдается не столько рост популярности достижительных ценностей, сколько статусно-потребительских целей.

ны 7 (2014 г.), в которых реформаторское общество 1990-х предстает практически с одним жирным минусом, можно предположить, что россияне вообще негативно относятся и всегда относились к любым реформам и консервативны по своей ментальности (см. табл.1). Ниже по тексту в табл.6–7 будет показано, насколько различаются эти цифры в наиболее значимых группах общества.

События первого периода реформ ⁴	Скорее положительно	Скорее отрицательно
1. Победа Б.Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г.	27,8	47,9
2. Либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг.	27,4	49,9
3. Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1990-х годах	25,8	56,2
4. Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	18,5	45,1
5. Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	38,1	25,7
6. Первая чеченская война (1994–1996 гг.)	5,8	80,9
7. Избрание Б.Ельцина Президентом России в 1996 г.	17,5	56,8

Таблица 1. Отношение россиян к важнейшим событиям первого этапа

Однако реформы конца 80-х начала 90-х, хотя и были неожиданными для большинства, пользовались на своей первоначальной стадии очень высоким уровнем общественной поддержки. Согласно первым исследованиям общественного мнения в самом конце 80-х годов, в начале перемен доля тех, кто не принимал реформы изначально, составляла немногим более 20–25%, но вектор этих реформ виделся по-разному.

⁴ Здесь и ниже использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РНФ». Опрос проводился дважды в год, 9 волн по 4000 опрошенных в период 2014–18 гг. Опрос 7 волны Мониторинга РНФ (рук. М.К.Горшков). Октябрь 2017 г.

Условно говоря, был консервативный сценарий реформ, связанный с идеей совершенствования советского строя, и радикальный, нацеленный на его полный слом. Большая часть общества в начале реформ хотела примерно того же что и сейчас – сочетания государственного социализма с личными экономическими и социальными свободами, и именно в этом состоял магистральный запрос на перемены. Но начавшиеся реформы стали приводить к общественному расколу. Факторы, предопределившие этот раскол общественного мнения, появились примерно с 1988–89 гг., а уже в 1990 году отношение к идеям перемен вслед за разразившимся масштабным экономическим кризисом стало стремительно меняться не в лучшую сторону. Да и сегодня одни, вспоминая то время, видят энтузиазм и небывалый общественный подъем тех лет, другие – пустые прилавки магазинов и распадающуюся великую страну, обесцененные сбережения и разгул криминальной преступности [5].

Главной социальной базой реформ 1990-х годов на их первоначальном этапе стали массовая научно-техническая интеллигенция бывшего СССР, культурная и научная элита страны, а также зарождающийся, хотя и в скрытых рамках «теневой советской экономики», бизнес-класс, тесно связанный со вторым эшелом партийных и комсомольских органов. Желание перемен объединило все активные слои общества. Перемены назрели, причем не сразу, не вдруг, они копились на протяжении, как минимум, последних 10–15 лет советской власти. Тот социальный «костюм», который был вполне по росту вчерашнему крестьянину, составлявшему общественное большинство в первые десятилетия советского строя, стал нестерпимо жать обществу горожан уже не в первом, а во втором и третьем поколении хорошо образованных людей. Теперь они ориентировались вовсе не на коллективизм, коммуну, а на потребительские ценности, на обустройство своего индивидуального мира, частной жизни, на свой дом, дачу, семью, свой собственный жизненный успех. На поверхности факторов, определявших недовольство тогдашним советским режимом и стремление к переменам, выделялся дефицит товаров и услуг. В последние десятилетия советской власти возник сложный синтез советского мировоззрения и традиционного крестьянского сознания, архаичного по сути. Ю.Левада в свое время, возможно не совсем точно, определил этот синтез как «феномен советского человека»[11], однако это уже был совсем не тот советский человек, который творил историю в 20-е и 30-е годы. Это были советские

государственники, а не последователи коммунистических идей. Во многом эта идеология и этот тип сознания актуальны и в дне сегодняшнем.

Позднесоветский человек хотел потреблять «как на Западе», читать любые книги и смотреть любое кино, иметь социальные гарантии, любить свою страну и ею гордиться, работать в меру, не на износ, оставляя силы на самое главное – свою частную жизнь, ее обустройство. На этом фоне идея строительства коммунизма, идея «общего блага», идея жертвы ради счастья будущих поколений оказалась просто не востребована, к ней общество потеряло интерес, а в качестве «живого идеала» все в большей степени воспринималось современное западное потребительское общество. В какой-то период времени эта идея овладела массами (по нашим оценкам [7] – до 35% опрошенных выступали за то, чтобы Россия стала «такой же страной, что и страны Запада»).

Идея социальной справедливости

Важной составляющей первоначального этапа реформ стала **идея социальной справедливости**. На фоне медленного, но неуклонного снижения уровня жизни большинства сло-

ев населения в позднесоветский период особое раздражение стали вызывать блага и привилегии, которыми пользовалась советская и партийная номенклатура. Массовому сознанию все это представлялось в превеличественном гипертрофированном виде, но «антиноменклатурные» выступления действовали безотказно. Этим объясняется и популярность раннего Б.Ельцина, бросившего вызов партийным привилегиям. Однако реформы конца 1980-х и начала 1990-х годов очень скоро вышли за пределы линии на социальную справедливость и, напротив, особенно с 1992 г., привели к глубочайшей поляризации общества, когда миллиардные состояния делались почти мгновенно, а основная часть общества прозябала в глубокой нужде. Борис Ельцин, поддержавший и даже прикрывший собой реформы Е.Гайдара, начал стремительно терять популярность. Как следствие, его главной опорой стали приближенные к нему круги постсоветской бюрократии, и к концу 90-х годов отрицательное отношение к нему и его деятельности на посту президента заложило своего рода основу нового общественного консенсуса. Сегодня, когда снова растет запрос на общественные перемены и идеи социальной справедливости, данный консенсус остается политически актуальным. Сегодняшние политики, такие как Алексей Навальный, успешно разыгрывают эту карту, опираясь на массовые настроения, особенно

среди молодежи. Стремление к восстановлению принципов социальной справедливости направлено против коррумпированных властей, миллиардеров, всего класса государственной бюрократии.

**Идея демократизации
и европейского выбора**

Еще одна идея реформ – «**гласность, демократизация**», постепенно перетекшие в идею политического плюрализма и многопартийности, отмены цензуры и прочих обременитель-

ных ограничений, свободные выборы. Это не было требованием большинства, но было важно активному меньшинству, засидевшемуся во времена застоя. Однако политическая «оттепель» быстро переросла в политический «пожар», что во многом и предопределило последовавший катастрофический сценарий. Свободные выборы в 1989–1991 гг. при утрате правящей партией функции кадрового управления в стране стали непосредственной причиной резкого усиления центробежных сил в стране, в конечном счете, ее и обрушивших. А вполне жизнеспособная идея самоуправления через систему избранных советов была похоронена событиями 1993 года, когда были распущены первые и последние в новейшей истории России демократические Советы всех уровней, которые в период 1990–93 гг. стали средоточием реальной низовой активности масс при всей своей внешней безалаберности. Спрос на демократию быстро упал, в результате чего общество вскоре получило доминирование «партии власти», несколько эрзац-партий, единственной целью которых являлось поддержание республиканского фасада при фактически монархическом правлении «двора», вялое и бессильное правительство, во многом одиозная представительная власть, в которой наиболее заметными оказываются разного рода политические клоуны. Сегодня мы видим медленное, робкое возвращение массового спроса на политическую демократию, но это пока тенденция на вырост, она никак не сказывается непосредственно на электоральных процессах дня сегодняшнего. В обществе сохраняется глубокий страх перед политической демократией, по опыту рубежа 1980-х и 1990-х способной разрушить привычную стабильность.

И, наконец, идея **западничества, европейского выбора**, вхождения страны (СССР, потом России) в число стран современной западной цивилизации. Она тоже имела два важных аспекта: создание современной рыночной экономики, «как на Западе», и политическое сближение с Западом, разоружение, окончание холодной войны. Кроме ограничен-

ной группы городских либералов, «русских европейцев», сохранившихся и до нынешнего дня (не более 10%), эта идея получила в свое время и более или менее массовую поддержку слоев населения, рассчитывавших на быстрое установление в стране потребительского рая или хотя бы на элементарное наполнение товарами пустых прилавков при поддержке стран Запада. Обе эти идеи тоже если и не провалились, то вскоре оказались сильно задвинуты с первых рядов в последние. Развитие рынка уже в последующие времена натолкнулось на непреодолимые препятствия и культурного, и экономического характера. Общество и экономика оказались не готовы к последовательному рынку без основательной государственной поддержки. А «медовый месяц» отношений с Западом, растянувшийся на полтора десятилетия, постепенно перерос в новое издание «холодной войны», опирающееся на «консервативное большинство» уже нынешнего российского общества. Российские западники столь сильно перегнули канат в свою сторону, что маятник столь же сильно сдвинулся в сторону противоположную, минуя исконную «золотую середину». Что же касается «русских националистов», то большая их часть после начала гайдаровских реформ примкнула к левой оппозиции, образовав по пропагандистскому штампу того времени «красно-коричневый блок». Большая часть националистов выступала против распада СССР, за «возрождение России как великой державы», то есть они выступали как типичные «национал-патриоты». Лишь небольшая часть интеллектуалов продолжала отстаивать идеи «русских без коммунизма и СССР», предложенные в свое время А.Солженицыным, но массовой поддержкой они не пользовались, а сам А.Солженицын по возвращении в 1994 году был встречен весьма прохладно общественным мнением.

**Идея радикальных
экономических реформ**

Если в первый период реформ их поддерживали почти 55% населения, то после 1991 г. эта цифра сократилась более чем в два раза, до 25%.

Реформы как таковые оказались зажатыми между двумя тенденциями и связанными с ними политическими силами – теми, кого пугали и не устраивали происходящие события, – и теми, кто, напротив, стремился их еще ускорить и радикализировать. Собственно говоря, именно это и произошло в 1991–92 гг., когда в ноябре 1991 года была принята программа «шокоотерапии», а с начала 1992 г. она начала быстро реализовываться. Летом 1991 г. вокруг идеи о

необходимости радикальных реформ объединилась значительная часть общества, напомним, что в ноябре того же года за них проголосовали даже «Коммунисты России». Однако, вместо демократического сценария преобразований, был избран антидемократический. Новая власть России стала быстро ограничивать проявления демократического подъема 90-х, работу демократически избранных по всей стране Советов. А Верховный Совет РФ – тот самый, который в свое время привел к власти Б.Ельцина и поддержал его курс на радикальные экономические преобразования, – вскоре стал главным врагом, «мешавшим» реформаторам в Кремле проводить их реформы. Не станем подробно вспоминать все этапы развития памятного противостояния между Кремлем и Белым Домом, важно то, что уровень поддержки Б.Ельцина и Е.Гайдара к осени 1993 года упал до крайне низкого уровня, правда, не вызывал доверия и Верховный Совет, руководимый Р.Хасбулатовым, постоянно подвергавшийся атаке ведущих СМИ. Система Советов, которая номинально существовала и в советские времена, но реально лишь прикрывала власть КПСС, в 1990–91 гг. стала первым для новейшей России опытом реальной демократии. Та же модель реформ, которую начали реализовывать в 1992 г., вернула принятие решений в предельно узкий круг, подбираемый чаще всего по принципу фаворитизма, и само понятие демократии стало восприниматься как ругательное. Общество начало быстро выкручивать на проложенную в истории авторитарную колею, а демократический порыв ушел в песок. Обществу, брошенному на произвол судьбы государством, пришлось самоорганизовываться по праву сильного, и последствия этого ощутимы и сегодня. Таковым оно и подошло ко второму этапу реформ – 1998–2014, когда на первый план выдвинулись идеи порядка и социальной справедливости, а ценности демократии постепенно уходят на второй и третий план.

Как во многом справедливо отмечает Р.Симонян [16], «в массовом сознании 90-е годы остаются периодом, когда в России был совершен коррупционный прорыв, но не было прорыва модернизационного. Невроз идентичности, вызванный примитивизацией экономики, отсутствием за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации производства, не мог не привести к определенной ущербности общественной психологии. Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов, закрепивших нерешенные проблемы и комплексы ущемленности, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости и т.п.

Невозможность "вхождения в Европу", продемонстрированная постсоветским периодом, создала ложное самопредставление этноса о роковой его неспособности к модернизации, вечном отставании». Но все же это мнение нам представляется излишне категоричным. Ведь, как будет показано ниже, самые успешные для нашей страны «нулевые», особенно их первая половина, не были отрицанием 90-х. Общественный консенсус тех лет включал в себя и многие завоевания той эпохи, включая и рыночную модернизацию, осуществлявшуюся в те годы значительно осторожнее, чем в 90-е, и соответственно принятую массовым сознанием. Радикальное же отрицание, правда в большей степени на словах, опыта тех лет, – это уже примета последующей эпохи, 10-х годов нынешнего века, во многом менее успешной и, напротив, демонстрирующей негативные последствия разворота в сторону, противоположную описанной Р.Симоньяном.

Распад СССР и его оценки

Еще один ключевой момент, проложивший грань между «старой» и «новой» Россией, – распад Советского Союза. Отношение к этому событию имеет два несовпадающих аспекта: это распад СССР, великого государства, державы исторической «Большой России», с одной стороны, и ликвидация социалистических завоеваний, создание рыночной, конкурентной среды, сопряженной с олигархическим строем. Можно предположить, что сегодня люди больше переживают о втором аспекте, чем о первом, так как события на Украине, сетования на засилье мигрантов из республик Закавказья и Средней Азии – все это немного охладило пыл сторонников восстановления СССР в его прежнем виде. А вот ностальгия по социалистическим завоеваниям, по относительной социальной справедливости повышает свою актуальность. Около 45% опрошенных считают распад СССР бедой или даже катастрофой, а 42% относятся положительно или даже видят в этом какие-то позитивные стороны. Раскол массового сознания налицо. В.Путин в первые годы своего правления поддерживал баланс между обоими лагерями, восстанавливая какие-то символы СССР и называя его распад главной геополитической катастрофой века. При негативном, в целом, отношении к распаду СССР общества наиболее активные группы – молодежь и либеральное меньшинство – относятся к нему скорее позитивно или, по крайней мере, нейтрально.

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

В декабре 1991 года СССР прекратил свое существование. Как Вы относитесь к этому событию? (см. табл.2)

Варианты ответа	2011	2017
Это катастрофа мирового значения	14	19
Это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР	36	26
В этом есть и хорошие, и плохие стороны	29	32
Благодаря этому создались условия для возрождения России и республик бывшего СССР	6	6
Это положительное событие мирового значения	3	3
Затруднились ответить	12	14

Таблица 2. Отношение россиян к процессам распада СССР

Только 25% молодежи до 25 лет (против 50% оценивающих распад СССР скорее позитивно) считают распад СССР бедой или даже катастрофой. Такой же точки зрения придерживаются 27% против 54% опрошенных с либеральной системой ценностей. Мнение молодежи и либеральной части общества резко контрастирует с мнением старшего поколения и особенно его консервативно ориентированного сегмента (56% считают бедой или катастрофой, а 32% видят в распаде СССР позитивные стороны) (см. табл.3).

Распад СССР	Бедя или катастрофа	Относятся позитивно или видят позитивные стороны
Молодежь	25	50
Средний класс	36	45
Консерваторы	56	32
Либералы	27	54

Таблица №3. Оценка современной российской молодежью процесса распада СССР

Реформы начала 90-х годов в целом по-прежнему воспринимаются обществом негативно, однако лишь старшим поколением и консервативной частью общества – резко негативно. Среди молодежи до 30 лет при более чем 50% затруднившихся дать оценку реформам 22% относятся к ним с одобрением и только 20% – негативно. Как и в отношении СССР, жизнь в условиях постсоветской экономики – это данность, к которой привыкли, и альтернативы ей не видят (см. табл.4).

Теория и практика политических игр

Реформы начала 90-х	Относятся одобрительно или скорее одобрительно	Относятся негативно или скорее негативно
Молодежь	22	20
Средний класс	26	28
Консерваторы	17	49
Либералы	31	21
Всего	21	39

Таблица 4. Отношение к распаду СССР отдельных групп общества

По данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2004 г. (проект «Граждане Новой России»), уже к началу 2000-х годов многие из тех, кто на волне реформаторского подъема 1990-х годов первоначально поддержал реформы, стал пересматривать свою тогдашнюю точку зрения. Если реформы поддерживали в середине 1992 г. около 32% опрошенных, то в 2004 г. лишь менее 15% видели в реформах больше плюсов, чем минусов. Сегодня эта цифра немного возросла – до 21%, скорее всего за счет молодежи и части среднего класса, для которых 90-е годы – это уже слишком далекое прошлое, не вызывающее сильных эмоций. Общественное мнение страны так и не приняло либеральных гайдаровских реформ, не признало за ними общественно значимых целей. Согласно результатам опроса 2011 г., почти 70% россиян считали, что целью этих реформ была власть и собственность. Эти настроения не изменились и в нынешнее время.

О целях экономических реформ «Ельцина–Гайдара» спорят до сих пор. С каким из нижеприведенных суждений Вы согласны? (2011 г.) (табл.5)

30,1	Целью этих реформ было спасение страны от экономического краха, голода, распада
68,9	Целью этих реформ был захват власти и перераспределение собственности
1,0	Не ответили

Таблица 5. Цели реформ Ельцина–Гайдара в восприятии современных россиян

На наш взгляд, главная причина неуспеха либеральной альтернативы лежит в политической плоскости, в процессах 1991–93 гг., когда либеральная и демократические альтернативы разошлись в разные стороны,

а власть ради ускоренного (и совсем не бескорыстного) проведения рыночных реформ вполне сознательно обрушила демократический консенсус, найденный в более ранний период реформ. Выбор заведомо антидемократического сценария расколол этот консенсус и уже в последующие годы по закону маятника привел к формированию консервативного, антилиберального большинства. Этот «синдром девяностых» чрезвычайно силен среди старших групп россиян и гораздо менее значим для современной молодежи, в принципе если и не готовой поддерживать продолжение реформ в той или иной форме, то, по крайней мере, и не готовой отвергать их с ходу. Оценка событий последней четверти века обозначает огромный ценностный раскол между провластным большинством и либеральной оппозицией. Мнения о многих событиях носят прямо противоположный характер. Современные либералы остаются в значительной своей части сторонниками тех процессов, которые происходили в 1990-е, а к событиям последнего периода нынешней путинской эпохи относятся более сдержанно, хотя и далеко не однозначно негативно. Но и оценочных «мостов» в восприятии истории большинством и либеральным меньшинством тоже немало. Принципиальные различия касаются полярной оценки событий августа 1991 г. и курса на либерализацию цен в 1992 г. В то же время и разгон Верховного Совета и «обвальная» приватизация оцениваются равно негативно и теми, и этими. Сегодня, задним числом, именно разгон Верховного Совета в октябре 1993 г. кажется тем роковым моментом, который предопределил развитие антидемократических процессов в последующие десятилетия: систему фаворитизма, власть «двора», составляющего близкое окружение первого лица, бесконтрольное обогащение приближенных к власти, непрозрачный механизм принятия решений при фактическом параличе конституционных институтов, представляющих законодательную и судебную власть. По мнению исследователя постсоветских процессов Дэвида Саттера [9], который на радиостанции «Свобода» в октябре 2018 года выступил с интервью «Как умирала демократия», «это был конец русской демократии. Потому что, когда Ельцин упразднил Верховный совет, а потом, естественно, использовал армию против народных избранников, это был конец разделения властей в России. Без разделения властей невозможно иметь демократическую систему. Ельцин показал, что в России не существовал менталитет, который абсолютно необходим для демократической системы, – это умение пойти на компромисс ради сохранения демократической системы. Любая демократия основывается на конфликтах интересов, это состояние концен-

трированного конфликта. Ее выживание возможно только из-за того, что все, кто участвует в системе, все-таки ценят демократию выше частной победы в данный момент. Мы видели в России 1993 года, что этого базового менталитета, желания сохранить для всех возможность решить споры согласием и компромиссом, этого не было». Демократия стала принимать все более фасадные формы, а исполнительная власть получила возможность «все поделить» в предельно узком кругу через систему залоговых аукционов, создав модель «капитализма для избранных». Право в очередной раз отступило перед силой, проложив дорогу административному волонтаризму последующей эпохи.

В следующих таблицах приводятся оценки событий первого этапа реформ двумя группами, выделяющимися на общем консервативном фоне – либералами и молодежью до 25 лет. Для удобства читателя в качестве фона вновь приводится распределение ответов всеми опрошенными.

За последние 25 лет в стране произошло много разных событий. Ниже приведены некоторые из них. Как Вы могли бы их оценить?

См. табл. 6, 7.

Все опрошенные

События	Скорее положительно	Скорее отрицательно
1. Победа Б.Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г.	27,8	47,9
2. Либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг.	27,4	49,9
3. Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1990-х годах	25,8	56,2
4. Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	18,5	45,1
5. Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	38,1	25,7
6. Первая чеченская война (1994–1996 гг.)	5,8	80,9
7. Избрание Б.Ельцина Президентом России в 1996 г.	17,5	56,8

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

Либеральное меньшинство

События	Скорее положительно	Скорее отрицательно
1. Победа Б.Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г.	41	29,3
2. Либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг.	35,7	35,5
3. Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1990-х годах	29,3	43,6
4. Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	18,2	36,7
5. Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	43,1	20,4
6. Первая чеченская война (1994–1996 гг.)	5,5	75,3
7. Избрание Б.Ельцина Президентом России в 1996 г.	19,6	47

Таблица 6. Отношение либерального меньшинства к знаковым событиям 90-х годов XX века

Молодежь

События	Скорее положительно	Скорее отрицательно
1. Победа Б.Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г.	27	26
2. Либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг.	32	25
3. Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1990-х годах	30	32
4. Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	17	27

События	Скорее положительно	Скорее отрицательно
5. Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	40	16
6. Первая чеченская война (1994–1996 гг.)	6	67
7. Избрание Б.Ельцина Президентом России в 1996 г.	18	41

Таблица 7. Отношение молодежи 10-х годов XXI века к знаковым событиям 90-х годов XX века

Из последней таблицы видно, что российская молодежь склонна намного более амбивалентно относиться к событиям 90-х, которых она не видела, чем те, кто их пережил в сознательном возрасте. Молодые люди скорее не поддерживают, чем поддерживают, разгон Верховного Совета (17% поддерживают; 27% – нет), но при этом другие действия властей Новой России – такие, как либерализация цен и приватизация, – не вызывают ни однозначной поддержки, ни однозначного осуждения. Падение доверия к реформаторам и проводимым ими реформам послужило первопричиной ценностной трансформации 90-х, формированию запроса на умеренный государственный курс. Этот курс связан с именами Е.Примакова и В.Путина.

Переход к государственническому курсу

18 лет назад, в конце 2000 года, автор этих строк опубликовал статью «Первые контуры постпереходной эпохи» [6], в которой попытался предсказать основные доминанты наступающей эпохи тогда еще молодого президента В.Путина. Хочется вернуться к некоторым важным тезисам той статьи, тем более что в ней было верно предсказано, что новый режим весьма устойчив, причем не в силу тех или иных личных качеств В.Путина (персоналистский режим), не в силу работающих институтов, которые и тогда были слабы, а в силу сформировавшегося социального и ценностного баланса. Он воспринимался как исторический компромисс между объективной необходимостью продолжения рыночных реформ и неприятием их значительной частью общества.

В первые годы существования режима сформировалась двухсекторная экономика с успешно развивающимся частным бизнесом и мощными государственными корпорациями. Одновременно возникла и ценностная конструкция, привязанная к сформировавшемуся в обществе архетипическому сознанию. По мнению исследователя архетипов Н.Матросовой, «архетипическое сознание явилось прасознанием человечества, своеобразным синтезом реального и сакрального миров. Оно рождает устойчивые ментальные образования – архетипы, хранящие опыт поколений. Проявления этой исходной универсальной формы сознания человечества могут быть различными» [13]. В данном случае сформировалась власть, воспринимаемая обществом как традиционная, «должная».

Об этом же пишет известный социолог С.Белановский, называя данный феномен «народным легизмом», различая его с «державным легизмом». **«Народный легизм – это идея о том, что сильный правитель способен устранить любую несправедливость, о которой сможет узнать. Народ понимает, что это непростая задача, но тешит себя надеждой, что когда-нибудь это произойдет. Державный легизм представляет собой менее изученное явление, основная идея которого – культ военной силы, способной противостоять всему миру, "защитить от любого агрессора" и даже распространять по миру всему свое геополитическое "влияние".** Возможно, причиной психологической укорененности этой идеологии и являются две мировые войны, прокатившиеся по территории страны» [4]. По сути, речь идет о левом и правом популизме, каждый из которых имеет корни в архетипическом сознании народа, а в их основании многовековой коллективный опыт, сформировавший то, что называется национальной «матрицей». На момент своего формирования путинский режим опирался скорее на конструкцию державного легизма, тогда как справедливым не считался никогда. Это признают и публицисты либеральной ориентации.

Характерна в связи с этим позиция общественного деятеля либеральной ориентации Юрия Самодурова: «Вопрос о нелегитимном переходе в начале 1990-х в руки кучки лиц "заводов, газет, пароходов" все равно встанет в политическую повестку дня и будет решаться, как бы ни возражали против этого люди, считающие себя сегодня либералами в сферах политики и экономики...» [15]. Однако дефицит соци-

альной справедливости компенсировался в «нулевые» быстрым ростом доходов срединных, наиболее массовых слоев общества. Сформировался социальный контракт: вы не мешаете нам жить и зарабатывать как можем, мы не вспоминаем про Ваши состояния и их источники.

Сразу отметим, что не 2000-ый год, год первого избрания В. Путина, стал годом перелома от десятилетия великих потрясений к десятилетию стабильности. Эпоха Путина возникла на хорошо подготовленной почве. Уже тогда, в 2000 году, пришлось отмечать, что «за последние годы российское общество претерпело существенные перемены, настолько существенные, что можно говорить о новом качественном состоянии массового сознания. В период 1998–2000 гг. в России стали складываться предпосылки для коренной трансформации политического режима, сформировавшегося в 90-е годы. После периода «революционной смуты» в умах, массовое сознание в значительной степени вернулось в свое «спокойное» традиционное состояние. Это свидетельствовало о сформировавшемся общественном запросе на стабильность и порядок, а также на развитие общества в русле общенациональной парадигмы [11]. Тогда, в далеком 1998 году, сразу после дефолта, именно этот запрос обеспечил беспрецедентную поддержку правительству Е.Примакова, а уже в 1999 – В.Путину. И сегодня порядок и стабильность входят в число важнейших достижений эпохи. Но уже как воспоминание о прошлом, о «золотых» «нулевых». За окном россиянин больше не видит ни порядка, ни стабильности.

Приход В.Путина был воспринят обществом как долгожданное завершение затянувшегося перманентного перехода. Давно прошли «500 дней», еще годы, а итог этих лет завершился дефолтом 1998 года. Переход («транзит») к западной демократии не удался. И как альтернативу этой мечте общество поддержало власть, но не любую власть, а такую, которая бы соответствовала национальным архетипическим представлениям о том, какой должна быть русская власть. Такую власть страна увидела в новом молодом президенте страны и в выстраиваемой им политике: удалении от власти олигархата, наведении элементарного порядка в работе государственных органов, в постепенно выстраиваемой вертикали власти. Сформировалась массовая потребность в формировании сильной и эффективной власти, стоя-

щей над частными, региональными и корпоративными интересами. Общество 1990-х стало восприниматься как бессубъектное, где нет субъектов национальных интересов, а политика государства обслуживает интересы отдельных групп влияния, часто делая это весьма беззащитно. Подобное отсутствие власти, олицетворяющей высшие государственные интересы, в русской традиции отождествляется со смутой. Запрос на преодоление смуты привел к формированию «постпереходного» общества, объединенного общенациональной субъектностью, характеризующегося ликвидацией противостояния общества и власти. При этом нам представляется, что не столько принятие новых порядков большинством населения, сколько формирование общенационального ценностного синтеза, определяло завершение революционных процессов в обществе. Глядя с позиций дня сегодняшнего, при поддержке В.Путина на президентских выборах на уровне 76%, мы видим, что с объемом поддержки по-прежнему, по крайней мере на начало 2018 г., было все в порядке, а вот что касается ценностного синтеза, то здесь было далеко не все так однозначно. Общество оставалось сильно поляризованным, а власть часто действовала вопреки интересам общества и нации, в пользу одной из групп сформировавшегося общественного противостояния.

Но в чем-то при В.Путине, казалось бы, окончательно атомизированная генерация скорее лишь формально российских граждан стала приобретать черты политической нации, вкусившей от общего успеха «корпорации по имени Россия». Мы бурно радовались, хоть в чем-то «утирая нос» странам Запада, вроде бы далеко ушедшим вперед, выигрывая «тендер» на проведение Олимпийских игр, испытывая современное вооружение, которого «нет там», опуская батискафы на дно Ледовитого океана. Все это совсем не похоже на «мрачные девяностые», когда все валилось из рук и каждый норовил скорее «подтолкнуть падающего», чем протянуть ему руку помощи. Однако и это было понятно сразу, эти изменения носили недостаточно устойчивый характер. Не было или почти не было главного – действенных субъектов национального развития, не назначенных сверху, «по долгу службы», а произрастающих из недр самого общества.

В этих условиях даже отсутствие определенной четкой политической линии, движение по инерции приводит к усилению национально-государственной субъектности. И общество это чувствовало, отве-

чая властям достаточно высоким уровнем доверия и оптимизмом в отношении близкого и более отдаленного будущего страны. Таким образом, решение задачи формирования национальной субъектности зависело, в первую очередь, от силы инерции, формирования класса государственной бюрократии, которая, независимо от своих моральных качеств и субъективных устремлений, заинтересована в развитии страны, сохранении ее суверенитета. Но именно это, забегая вперед, в конечном счете не оправдалось. Хищная государственная бюрократия начала становиться все большим барьером на дальнейшем пути России к построению современного общества. Почему же это произошло?

(Продолжение следует)

Библиографический список

1. Андреев А.Л. Российский менталитет и проблема модернизации // Мониторинг общественного мнения. 2010. №3. С.119–141.
2. Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: Институт философии РАН, 1994.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т.1.
4. Белановский С. Стратегическая альтернатива. URL: <https://belan.livejournal.com/269083.html> (дата обращения – октябрь 2018 г.)
5. Бызов Л. Взгляд в будущее и прошлое через призму современных общественных противоречий. Общественные науки и современность. №4, 2018, С.3–21.
6. Бызов Л. Первые контуры постпереходной эпохи. СОЦИС, 2001. №4.
7. Бызов Л., Львов Н. Перестройка: политическое сознание и социальные отношения // Век XX и мир. 1989. №3. С.5–19.
8. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М.К.Горшков и др.]; отв. ред. М.К.Горшков, В.В.Петухов. – М.: Весь Мир, 2018. – 384 с.
9. Жигалкин Ю. 25 лет после расстрела парламента. Как умирала демократия. URL: <https://www.svoboda.org/a/usa-today-eltsin-supreme-soviet/29503555.html> (дата обращения – 4 октября 2018).
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000, 339 с.
11. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. №5. С.3–23.

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

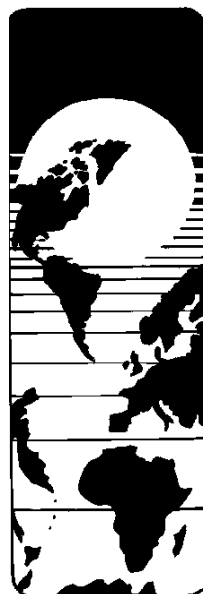
12. Левада Ю. Человек советский. Публичная лекция // Полит.Ру. 2004 г. 15 апреля.
13. Матросова Н.К. Архетип как форма ориентирующего сознания. Вестник СПбГУ, сер.17. 2013. вып.1. 38 с.
14. Межуев В.М. Российская модернизация и культура // Философские науки. 2011. №1. С.18–31;
15. Самодуров Ю. Блог Ю.Самодурова на «Эхе Москвы», 3 августа 2018 г. URL: <https://echo.msk.ru/blog/samodurov/2252000-echo/> (дата обращения – 5 августа 2018 г.).
16. Симонян Р. Х. Россия после реформ: истоки формирования массового сознания. ПОЛИС. Политические исследования. 2013. №5. С.100–111.
17. Тихонова Н.Е. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации // Terra economicus. 2011. Т.9. №2. С.5–19.
18. Тихонова Н.Е. Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики России // Общественные науки и современность. 2012. №2. С.38–52; №3. С.5–21.

Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения.

Л.И. Мечников

Есть два признака благополучия
государства: богатство и доверие
к государству.

Демосфен

Владислав Голдин

**СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ
ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКЕ РОССИИ:**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ,
СОВРЕМЕННОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
910.4(98)(09)(045)

Статья посвящена историческому прошлому, современности и перспективам развития Северного морского пути и его роли в арктической политике России. Автор раскрывает наиболее значимые вехи в освоении этой морской магистрали, анализирует динамику ее развития в постсоветский период и, в частности, международное судоходство и транзит по ней, характеризует современное состояние, процессы, проблемы, вызовы и риски для Севморпути. Оцениваются перспективы развития Северного морского пути, его значение для дальнейшего освоения российской Арктики, отечественного и международного судоходства, его место в арктической политике России.

The article is devoted to the past, present day and future of the Northern Sea Route development and its role in the Arctic policy of Russia. The author discovers the most significant landmarks in the exploration of this maritime artery, analyses the dynamics of its development in Post-Soviet period and, in particular, international shipping and transit via the Northern Sea Route, characterizes the contemporary situation, processes, problems, challenges and risks. The paper evaluates the perspectives of the Northern Sea Route development, its significance for the further exploration of the Russian Arctic, national and international shipping, its place in the Arctic policy of Russia.

Ключевые слова: Северный морской путь; Арктика; освоение; развитие; исторический опыт; современность; перспективы; арктическая политика.

Key words: the Northern Sea Route; the Arctic; exploration; development; historical experience; present day; perspectives; the Arctic policy.

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Северный морской путь (СМП), его современное состояние и перспективы вызывают сегодня живой интерес и дискуссии в России и в мире. Это обусловлено комплексом причин. Во-первых, СМП неразрывно связан с Арктикой, которая превратилась в важный международный регион в конце XX – начале XXI в. Развитие же ее во многом зависит от коммуникаций, важнейшей из которых является Севморпуть. Во-вторых, климатический фактор, потепление, происходящее в последние годы и десятилетия в Арктике. «Тающая Арктика» оказывает мощное влияние на мир и мировую геополитику, ибо открывает широкие возможности для использования морских коммуникаций, и это активизировало сторонников «интернационализации» Северного морского пути.

Вместе с тем в оценках современного состояния и перспектив Севморпути даже в нашей стране присутствуют полярные суждения: от обоснования целесообразности его всемерного развития и реализации связанных с этим масштабных программ, формирования нового «арктического мифа» и превращения нового «великого освоения» Арктики и СМП в национальную идею России в XXI в. до суждения о том, что делать это невыгодно и нецелесообразно.

Целью статьи является анализ проблем, связанных с оценкой результатов развития Северного морского пути в постсоветский период, оценкой его современного состояния, определением места и роли СМП в российской арктической политике, выявлением возможных перспектив этой морской магистрали.

В начале XXI в. появилось немало публикаций, в т.ч. обобщающего характера и книжного формата, посвященных проблемам, тенденциям развития и будущему Северного морского пути. При этом авторы высказывают разные точки зрения, касаясь его состояния, возможностей [14; 10; 18], роли и места в арктической политике России, в глобальной экономике и геополитике и перспектив развития [8; 17; 15; 1].

Экскурс в прошлое

Размышляя о современных проблемах, полезно обратиться к историческому опыту. Поэтому кратко перелистаем страницы прошлого в освоении и развитии СМП. Идея возможности прохода из Европы и Атлантического океана в Азию и Тихий океан северным (арктическим) путем, вдоль берегов Евразии, появилась в XVI в., в эпоху великих географических открытий. Впервые подобное

предположение было высказано в 1525 г. русским дипломатом Дмитрием Герасимовым, составившим и первую карту берегов Северного Ледовитого океана и Московии, и первый проект Северного морского пути, который на протяжении нескольких веков именовался Северо-Восточным проходом. В Москве возникли замыслы организации морской экспедиции, а царь Иван IV назначил награду тому, кто пройдет этим путем к берегам Индии и Китая [3, с.41; 4, с.10].

Путь на «златокипящую» Мангазею, основанную русскими в 1601 г., стал первой арктической морской магистралью из Белого моря в Карское, но спустя менее чем два десятилетия царь Михаил Федорович запретил торговым людям добираться морским путем из Архангельска в Мангазею, опасаясь угрозы проникновения в этот регион иностранцев.

Но героическая эпопея освоения русскими арктических вод вдоль побережья Сибири и в направлении Дальнего Востока продолжалась. В 1648 г. экспедиция помора С.И.Дежнёва прошла из устья р.Колымы вдоль Чукотского полуострова и вышла из Северного Ледовитого океана в Тихий, доказав наличие пролива между Азией и Америкой, впоследствии названного Беринговым. Выдающимся свершением стала работа Первой и особенно Второй Камчатской экспедиций, именуемой также Великой Северной экспедицией, в XVII в., когда были обследованы и освоены огромные территории и морские акватории от Европейского до Тихоокеанского Севера.

Основоположником арктической геостратегии России стал М.В.Ломоносов, пророчески писавший в своем сочинении «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Азию»: «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке» [7, с.498]. В дальнейшем русские шаг за шагом осваивали Арктику и Северо-Восточный проход.

Из иностранцев ярко вписал свое имя в его освоение шведский (финский) исследователь Н.А.Э.Норденшёльд, впервые осуществивший в 1878–1879 гг. сквозное плавание по нему (с зимовкой в пути). В 1914–1915 гг. сквозное путешествие по Северному морскому пути совершила русская экспедиция под руководством Б.А.Вилькицкого.

Выдающимся достижением стал в 1932 г. поход ледокольного парохода «А.Сибиряков», который впервые сумел пройти Севморпуть за одну навигацию, 64 дня. Одним из его последствий стало создание Главного управления Северного морского пути при Совнарком, своего

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

рода «суперведомства», призванного «проложить окончательно морской путь от Белого моря до Берингова пролива, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания на этом пути». Развернулась колоссальная по масштабам работа по освоению Арктики и превращению Севморпути в постоянно действующую магистраль, выдающиеся достижения и издержки которой вызывают большой интерес и дискуссии исследователей [5; 1, с.9, 10]. Были созданы мощный ледокольный флот, основу которого составили атомные ледоколы, портовая и вся иная инфраструктура, кадровый потенциал и многое другое. В 1987 г. был достигнут максимальный объем грузоперевозок по СМП (6,6 млн. т.), который был превзойден лишь в 2016 и 2017 гг.

Исторический опыт убеждает о том, что Северо-Восточный проход/Северный морской путь осваивался на протяжении нескольких веков жителями России, и главный вклад в его развитие был сделан в советскую эпоху. История освоения и развития СМП сложна, драматична, а нередко и трагична, но именно она является ныне важным аргументом в пользу принадлежности его России. Добавим, что в условиях сильного государства, каким был СССР, этот вопрос и не оспаривался кем-либо.

В лихие 90-е

Распад СССР, резкое ослабление государственности, ломка прежних экономических отношений поставила под угрозу само функционирование Севморпути. Происходила быстрая деградация СМП и всей его инфраструктуры, шел отток работавших здесь людей. Объем перевозок сократился до 1,6 млн. т. в 2000 г. или более чем в 4 раза по сравнению с пиком 1987 г. [21].

Вместе с тем в эти годы активно обсуждалась программа развития Северного морского пути как международной магистрали. Это стало реакцией на мурманскую инициативу советского лидера М.С.Горбачёва (от 1 октября 1987 г.) об открытии Севморпути для международного судоходства.

Правила плавания по СМП, утвержденные в СССР 14 сентября 1990 г., открывали доступ иностранных судов к Севморпути и установили разрешительный порядок судоходства в этих водах, который осуществлялся под контролем российских навигационных служб. Правила были введены в действие с 1 июля 1991 г., за несколько месяцев до распада СССР, и воспользоваться ими в советский период зарубежные

судоводители не успели, тем более что это было и совершенно новым для них и рискованным делом. Эти Правила действовали до 2013 г., когда им на смену пришел новый документ.

В 1993–1998 гг. была осуществлена международная исследовательская программа развития СМП (INSROP), в которой были три главных страны-участника, осуществлявших и финансирование программы, – Норвегия, Япония и Россия, а в работах участвовали около 470 ученых и специалистов из 14 стран. Были проведены международные конференции в Токио и Осло, издано 167 научных докладов и опубликован обобщающий труд. Результаты реализации INSROP убеждали в целесообразности развития СМП как международной магистрали и в ее конкурентоспособности в сравнении с южными маршрутами [13, с.26–32].

В 1997–1998 гг. был осуществлен международный проект Европейской комиссии по транспорту ARCDEV – «Арктический демонстрационный рейс» с участием европейских и российских промышленных, транспортных и научных организаций. В рамках проекта в 1998 г. были совершены экспериментальные рейсы российского и финского танкеров с газовым конденсатом в сопровождении ледоколов с полуострова Ямал в Европу, что доказало возможность круглогодичной навигации и транзита в западной части СМП [13, с.33–35].

Севморпуть стал в 90-е гг. доступен для плавания иностранных судов при условии соответствия требованиям, предъявляемым Администрацией СМП. Завоз топлива и продуктов в пункты российской Арктики осуществляли в эти годы более десяти иностранных танкеров и рефрижераторов. Вместе с тем коммерческий транзит иностранными судами по Севморпути пока не развивался. Была осуществлена проводка по СМП только одного иностранного судна («Астролябия» под флагом Франции) [22]. Общее состояние СМП к концу XX в. было плачевным, и требовались срочные меры по исправлению ситуации.

Надежды на возрождение

В начале XXI в. в России возрождается интерес к Арктике и к Севморпути как ведущей морской артерии региона. Это было обусловлено как внутренними, так и внешними факторами: возрастанием роли и значения Арктики в мировой политике и превращением ее в важный международный регион, претензией России на приращение арктического континентального шельфа, необходимостью разработки, добычи и транспортировки природно-сырьевых ресур-

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

сов здесь, что требовало и развития коммуникаций, в первую очередь СМП. Принципиальные позиции в отношении сохранения национальной юрисдикции и обеспечения национальных интересов России на Севморпути были закреплены в «Концепции судоходной политики Российской Федерации» (одобрена 22 июня 2000 г.) и в «Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 г.» (утверждена 27 июня 2001 г.).

В 2000 г. в России развернулся процесс разработки проекта Концепции развития Северного морского пути, рассчитанной на период до 2015 г. В обсуждаемом проекте Концепции в 2007 г. указывалось, что ее базовая идея состоит в том, что в процессе комплексного развития СМП и его использования на коммерческой основе к 2015 г. будет создана самокупаемая, экономически эффективная арктическая морская транспортная система под контролем государства. Предполагалось, что общий объем грузоперевозок по СМП мог бы превысить 35 млн. т. в 2020 г., а объем транзитных перевозок в обозримой перспективе ожидался не более 0,5 млн. т. [11, с.14, 16].

В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденных президентом РФ 18 сентября 2008 г. и опубликованных в марте 2009 г., значилось «использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации», а в числе стратегических приоритетов государственной политики было названо «использование Северного морского пути для международного судоходства в рамках юрисдикции Российской Федерации и в соответствии с международными договорами Российской Федерации» [14].

В это время происходили положительные подвижки в использовании Севморпути для международных транзитных перевозок. Летом 2009 г. суда немецкой судоходной компании Beluga Group совершили первый транзитный переход по СМП, доставив из южнокорейского порта Ульсан груз в сибирский Новый Порт, а затем дошли до Амстердама [17, с.127–129]. Летом 2010 г. два судна этой компании вновь совершили переход с грузом по СМП, доставив партии оборудования в Новый Порт: одну из шведского порта Норркёпинг, а другую из Роттердама.

В сентябре 2010 г. сухогруз ледового класса «Nordic Barents» совершил переход из норвежского Киркенеса в китайский порт Ляньюнган с грузом в 75 тонн железорудного концентрата за 17,5 дней, что было на 45% времени меньше, чем через Суэцкий канал, сэкономив при этом

180 тыс. долларов на расходах на бункеровочное топливо. Ранее эти поставки в КНР шли через Суэцкий канал или мыс Доброй Надежды [18, с.70–71].

Этот рейс датского судна стал первым, совершенным нероссийским судном с нероссийским грузом между двумя зарубежными портами. Он доказал возможность того, что этот маршрут может стать постоянно действующим, а СМП может быть международной коммерческой торговой трассой, успешно и выгодно используемой иностранцами.

Карта Севморпути

В целом в 2010 г. транзит по СМП совершили 4 судна, в т.ч. 3 иностранных, с ледокольным сопровождением. Перспективы интенсивного освоения Арктики и добычи здесь углеводородов, начало использования СМП в качестве международной магистрали, процесс потепления климата и активного таяния льдов вызывали растущий энтузиазм специалистов и журналистов.

На втором международном форуме «Арктика – территория диалога» в сентябре 2011 г. в Архангельске важное заявление о перспективах СМП как международной магистрали сделал В.В.Путин, в ту пору глава российского правительства. Он указал, что видит будущее Севморпути как международной транспортной артерии, способной составить конкуренцию традиционным морским линиям и по стоимости услуг, и по безопасности, и по качеству [23].

В 2011 г. продолжал быстро увеличиваться транзит по СМП. По нему прошло уже 34 судна, а объем перевезенного груза составил 820 тыс. т. Общий объем грузоперевозок по СМП составил в 2011 г. 3111 тыс. т. [24]. В навигацию 2012 г. трассу Севморпути транзитом прошли 46 судов под флагами 8 стран. Объем транзитных перевозок

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

возрос до 1,26 млн. т. Общий объем грузопотока по СМП составил в 2012 г., по одним данным, 3876 тыс. т., а по другим – 3914 тыс. т. [18, с.72–73; 24; 25].

Это вселяло оптимизм. При этом акцентировались преимущества Севморпути по сравнению с другими маршрутами: более короткий путь, большая экономия времени и горючего, а также перспективы освоения с его помощью богатейших в сырьевом отношении регионов арктической России, разработка в первую очередь месторождений нефти и газа с последующим вывозом по СМП танкерами, что могло оказаться выгоднее газо- и нефтепроводов, отсутствие рисков, связанных с пиратством, и др.

Предстояло закрепить наметившиеся позитивные тенденции, продолжить наращивать объемы грузоперевозок по СМП, в т.ч. международного транзита, и принять меры для всемерного развития Севморпути и его инфраструктуры.

Государственные решения о Севморпути

В 2012–2013 гг. в России был принят ряд государственных документов о Северном морском пути. Разработка национальных и международных проектов освоения недр Арктики, заинтересованность международного сообщества в транзитных перевозках грузов из Европы в Азию обусловили необходимость совершенствования правового регулирования судоходства по СМП как национальной транспортной коммуникации России в составе трансконтинентального Евразийского морского транспортного коридора.

В июле 2012 г. был принят Закон о Северном морском пути (полное наименование – Закон № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути»). Он вступил в силу в январе 2013 г.

Новая редакция ст. 14 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» гласила: «Плавание в акватории Северного морского пути, исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации Российской Федерации, осуществляется в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и

издаваемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами». В пункт 1 ст.4 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» и в статьи 2 и 5 Кодекса торгового мореплавания РФ (КТМ) были внесены понятия «ледокольная и ледовая проводка судов» в акватории СМП.

В Кодекс торгового мореплавания была включена новая статья (5.1), определявшая границы акватории СМП: «1. Под акваторией Северного морского пути понимается водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации и ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар» [26]. В соответствии с этим определением протяженность СМП составляет около 5600 км.

Севморпуть

17 января 2013 г. Министерство транспорта РФ во исполнение Закона № 132-ФЗ утвердило Правила плавания в акватории СМП взамен

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

принятых в 1990 г. Организация плавания судов должна была осуществляться учреждаемой Администрацией СМП. В акватории Севморпути действовал разрешительный порядок плавания судов. Выдача разрешений осуществлялась Администрацией СМП на основании заявления судовладельца, представителя судовладельца или капитана судна, которое оформлялось в электронном виде.

В соответствии с Правилами плавания в акватории СМП осуществлялось при обязательной лоцманской (ледокольной, ледовой лоцманской) проводке судов, информация о которой содержалась в разрешениях на плавание. Администрация СМП могла в отдельных случаях разрешить проход судну без ледокольной проводки, если категория его ледового усиления отвечала соответствующему типу ледовых условий во время прохода. Сегодня действуют эти Правила с изменениями на 9 января 2017 г. [27].

Выдача разрешений на плавание судов в акватории СМП осуществлялась при условии выполнения судном требований, касающихся безопасности мореплавания и защиты морской среды от загрязнения с судов, предоставления документов, удостоверяющих наличие страхования или иного финансового обеспечения гражданской ответственности за ущерб от загрязнения либо другой причиненный судном ущерб. Размер платы за ледокольную проводку судна, ледовую лоцманскую проводку судна в акватории СМП определялся в соответствии с законодательством Российской Федерации об естественных монополиях с учетом вместимости судна, его ледового класса, расстояния, на которое осуществляется проводка этого судна, и периода навигации.

Анализируя практику удовлетворения заявлений на разрешение плавания по СМП, заметим, что в 2013 г. поступило 656 заявлений и было выдано 635 разрешений, в том числе 127 судам под иностранным флагом; 83 судам было отказано, среди них – 18 иностранным. В 2015 г. поступило 730 заявлений и было выдано 715 разрешений на плавание в акватории СМП, в том числе 126 судам под иностранным флагом [27; 9, с.12; 25¹].

20 февраля 2013 г. президентом России В.В.Путиным была утверждена Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. СМП характеризовался в ней как «единая национальная транспортная маги-

¹ Письмо получено по электронной почте в САФУ из Администрации СМП по запросу автора.

страль России в Арктике». Предусматривались ее модернизация, развитие инфраструктуры и использование для международного судоходства [12, с.48–60].

15 марта 2013 г. распоряжением правительства России была создана Администрация Северного морского пути. Цели ее определялись следующим образом: организация плавания судов с акватории СМП, обеспечение безопасности мореплавания и защиты морской среды от загрязнения с судов в акватории СМП [30; 31].

Итак, в 2013 г. в России появился, казалось бы, специальный орган, призванный заниматься СМП. Но анализ его целей, задач и функций рождал вопросы в отношении его правомочности и возможностей и сразу породил критику. Отмечалось, что создана организация, призванная лишь собирать заявки и давать разрешения на проход по акватории СМП, без полномочий решать все остальные вопросы, связанные с деятельностью флота в Арктике, проведением спасательных работ в случае необходимости и др. Ставился вопрос о важности создания единого центра управления СМП, с полномочиями, утверждаемыми правительством, и подчиняющегося ему. К современному состоянию этой проблемы обратимся в дальнейшем.

Оптимизм и проблемы

Рост общего объема грузоперевозок и международного транзита по СМП часто воспринимался как необратимая тенденция и порождал оптимистические прогнозы в России и за

рубежом. Так, Морской институт Республики Корея полагал, что на СМП в 2030 г. будет приходиться четверть всех торговых перевозок между Азией и Европой. «Цифра в 10 млн. т. абсолютно нормальная, может быть и больше», — заявил премьер-министр РФ Д.А.Медведев на саммите Баренц-региона в Киркенесе в июне 2013 г., оценивая международную составляющую грузоперевозок по СМП [32].

Но последующие события развивались по более противоречивому сценарию. В 2014 г. произошло резкое падение транзита по Севморпути и масштабов его международного использования. Объем международных перевозок по СМП составил 274 тыс. т., или почти в 5 раз ниже показателя, достигнутого в 2013 г. Но это произошло на фоне общего роста объема перевозок по СМП. В 2015 г. транзит сократился в 7 раз, составив 39,6 тыс. т., и, несмотря на увеличение его объема в 2016 г. до 214513 т., он вновь сократился в 2017 г. — 194 тыс. т. [33–35].

Это заставило специалистов размышлять над причинами произошедшего, выявляя комплекс факторов, обусловивших спад международных перевозок по Севморпути. Тем более, что происходил неуклонный рост объема общего грузопотока по СМП: в 2017 г. он составил 10691 тыс. т., превысив уровень 2013 г. в 3 раза [24].

На развитии СМП как международной магистрали негативно сказалось усиление конфронтации в мире, что вылилось в санкции против России в связи с событиями в Украине и в ее ответные санкции. Произошло свертывание международных проектов, в т.ч. нефте- и газодобычи в Арктике, поставок зарубежного оборудования для добычи углеводородов. Под санкции попали банки, финансировавшие развитие инфраструктуры СМП. Все это вело и к снижению активности зарубежных грузоотправителей и судоходных компаний в отношении использования Севморпути.

Падение цен на нефть на мировом рынке также негативно сказалось на развитии СМП как международной магистрали, ибо ранее дороговизна нефти и, соответственно, топлива делали относительно выгодными транзитные перевозки по Севморпути, позволяли экономить значительные топливные и финансовые ресурсы. Падение цен на нефть нивелировало значимость этого фактора в пользу традиционных маршрутов.

Существует и ряд других серьезных проблем, которые сказываются на развитии Севморпути как международной магистрали и требуют решения. Речь идет прежде всего о сезонности навигации (по чистой воде – до 3 месяцев, судами ледового класса – до 5 месяцев), но и в это время условия плавания сложные и нередко требуется ледокольное сопровождение. При проводке атомных ледоколов навигация осуществляется круглогодично, но не в восточном секторе. Россия имеет самый мощный ледокольный флот в мире, в том числе атомные ледоколы, но он требует обновления и увеличения, чтобы избежать задержек судов в связи с ожиданием ледоколов. Важнейшим принципом транспортировки грузов является их своевременная доставка. Сегодня СМП нередко не выполняет его. Это обусловлено и климатическими условиями, капризами погоды и потерей времени при ожидании караванной проводки атомными ледоколами.

Нуждается в модернизации вся инфраструктура СМП: порты, техническое, навигационное, коммуникационное, поисково-спасательное, медицинское обеспечение и др. Недостатком СМП является его непригодность к контейнерным перевозкам.

Актуальными остаются транспортно-логистические проблемы, ибо без современной логистики развивать СМП невозможно. Дискуссионной проблемой являются тарифы и сборы при движении по Севморпути, ибо зарубежные пользователи считают их либо неправомерными, либо завышенными, особенно в сравнении с альтернативными (южными) морскими маршрутами.

Развитие СМП и его перспективы связаны с необходимостью повышения эффективности управления. Администрация Севморпути решает лишь вопросы, связанные с регулированием и контролем движения судов по акватории СМП, а комплекс иных проблем (политика его развития, инфраструктура, переговоры с зарубежными партнерами, обеспечение судоходства и его безопасности, тарифы и др.) разбросан по различным министерствам и ведомствам.

Сложной и дискуссионной темой являются правовые вопросы функционирования СМП и взаимоотношения в связи с этим с другими государствами и иностранным бизнесом. Этот комплекс вопросов актуализировался сегодня в условиях конфронтации, что влияет и на масштабы международного судоходства по СМП.

Открыв возможность международной навигации по СМП, Россия столкнулась с проблемами международно-правового порядка, которые резко обострились по сравнению с советским периодом, когда никто не подвергал сомнению вопрос о принадлежности Севморпути, и он развивался как внутренняя магистраль СССР. Но, когда на смену ему пришла слабеющая в 90-е гг. Россия, в мире стали популяризироваться идеи «интернационализации» СМП.

Россия определяет Севморпуть как свою исторически сложившуюся национальную транспортную коммуникацию, открытую для прохождения иностранных судов, соблюдающих установленные ею Правила плавания в его акватории. Она использует статью 234 Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.), которая позволяет прибрежным государствам устанавливать национальные законы и правила для судоходства в покрытых льдом районах в пределах своей исключительной экономической зоны для предотвращения или контроля загрязнения окружающей среды. Многие иностранные государства выступают за придание СМП международного статуса, т.е. за изъятие его из национальной юрисдикции России и открытие для свободного мореплавания.

Касаясь СМП как международной транспортной артерии, следует заметить, что, учитывая ограниченность ее протяженности действующими российскими официальными документами, о чем уже шла речь

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

выше, для включения территорий Баренцева, Печорского и Белого морей, а также Берингова моря, используются такие термины, как Северный морской транспортный коридор или Евро-Азиатский морской транспортный путь. Возможно, что существующее толкование протяженности Севморпути будет изменено в обсуждаемом ныне Законе «О развитии Арктической зоны РФ» с тем, чтобы СМП мог считаться полноценной международной магистралью под юрисдикцией России.

Таким образом, существуют очевидные достоинства использования и развития Севморпути, в т.ч. как международной магистрали, и в то же время серьезные проблемы, требующие решения, различные подходы к СМП в России и за рубежом. Анализируя современные процессы, укажем, что делали в последние годы и делают российские власти для развития СМП.

Что делается и что делать

В июне 2015 г. главой правительства России Д.А.Медведевым был утвержден Комплексный проект развития Севморпути. Вопросы СМП входят в повестку каждого заседания Морской коллегии и Президиума Госкомиссии по вопросам развития Арктики.

В соответствии с поручением президента России от 17 сентября 2015 г. Министерство по развитию Дальнего Востока совместно с Аналитическим центром правительства России и рядом других организаций развернуло работу по созданию финансово-экономической модели развития СМП в качестве конкурентного транспортного коридора глобального значения.

На втором Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2016 г. прошла стратегическая сессия под названием «Новая экономическая модель СМП», в которой участвовали китайские, японские и некоторые другие иностранные представители. Среди главных драйверов СМП были названы транспортировка минеральных ресурсов и организация контейнерной судоходной линии на основе государственно-частного партнерства между Мурманском и Петропавловском-Камчатским со строительством 7 контейнерных судов класса ARC8 вместимостью 5 тысяч TEU каждый с вводом в эксплуатацию с 2023 г. Для реализации главной части проекта превращения СМП в конкурентный глобальный транспортный коридор предполагалось привлечь

114,5 млрд. рублей инвестиций (до 50% из них от иностранных партнеров) [36; 37].

Указанный документ должен был быть подготовлен к 1 июля 2016 г., но этот процесс затянулся.

Российское руководство прилагает усилия для решения существующих проблем в развитии СМП. Это касается прежде всего ледокольного флота, и в первую очередь атомного, ибо старые ледоколы выходят из эксплуатации, и из 10 построенных в России ныне работают 4 атомных ледокола, что явно недостаточно [24].

Для улучшения ледокольной проводки судов и обеспечения круглогодичной эксплуатации СМП строятся три новых атомных ледокола проекта 22220 (или ЛК-60Я). Они должны вступить в эксплуатацию в 2019–2021 гг. В результате на СМП в 2022 г. должны работать 5 атомных ледоколов. Для дальнейшего развития СМП в условиях увеличивающихся потоков грузоперевозок потребуется, согласно оценкам, как минимум, еще 2 атомных ледокола проекта 22220. В планах «Росатома» закладка в начале 20-х гг. принципиально нового атомного ледокола: ледокола-лидера мощностью 120 МВт, способного преодолевать лед толщиной более 4 м, прокладывать коридор в 40 м, обеспечить круглогодичную проводку по восточной части СМП. Срок его эксплуатации должен составлять 40 лет. Контракт на строительство ледокола этого нового класса планируется подписать не позднее 2019 г., а сдача его планируется в 2027 г. В планах строительство 3 таких ледоколов (стоимость головного из них оценивается в 98,6 млрд. рублей). Прорабатываются разные варианты их финансирования: из средств «Росатома» при поддержке государства и (или) в альянсе с добывающими компаниями [38; 39; 40; 41].

В 2015–2017 гг. были построены три линейных дизель-электрических ледокола и строятся еще несколько. А в перспективных планах «Росатома» строительство еще одного ледокола нового типа – многофункционального оффшорного ядерного ледокола.

Развитие судоходства в Арктике требует и строительства различных типов судов ледового класса, способных самостоятельно работать здесь. Реализуется масштабная государственная судостроительная программа сроком до 2030 г., а также программы компаний, работающих на Севморпути. Свой флот имеет, например, «Норникель». В рамках реализации программы «Ямал СПГ», где головной компанией выступает «Новатэк», идет строительство в Республике Корея 15 газозводов к 2020 г. [2, с.58–59]. Несколько газозводов уже находятся в строю и доставляют

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

сжиженный природный газ (СПГ) в КНР. В дальнейшем туда ежегодно планируется поставлять 3 млн. т. СПГ [6, с.118]. Свой флот строят компании «Роснефть» и «Газпромнефть».

Важным направлением развития инфраструктуры СМП является строительство и реконструкция портов и портового хозяйства, ибо именно порты имеют ключевое значение, но в то же время являются и самым слабым звеном инфраструктуры. Из портов, расположенных в акватории СМП, лишь новый построенный порт Сабетта (в Ямало-Ненецком округе, на западном побережье Обской губы Карского моря) и, в известной мере, Дудинка считаются в основном соответствующими современным требованиям. В разных стадиях строительства находится несколько портов.

Порт Сабетта

Требуется восстановление, капитальный ремонт и модернизация всех портов акватории СМП, особенно в восточном секторе. Речь идет в первую очередь о модернизации основных портов – Игарки, Диксона, Тикси, Певека, Провидения, Дудинки и др. Надо создавать новые портовые или транспортно-логистические комплексы, рейдовые оборудованные терминалы, прежде всего, в Харасавее, Варандее, Печенге, а также в Мурманске и Архангельске. Большой объем работ планируется выполнить в рамках реализации «Стратегии развития морской транспортной инфраструктуры в России до 2030 года» (от 28 сентября 2012 г.) [42]. Важной задачей является подведение железнодорожных магистралей к портам Арктической зоны России и включение их в транспортную систему страны, евроазиатского и мирового пространства.

Требуется совершенствование навигационно-гидрографического обеспечения. Так, в акватории СМП работают сегодня 6 контрольно-корректирующих станций морской дифференциальной подсистемы глобальных навигационных систем ГЛОНАСС/GPS. До 2020 г. должна быть создана сеть подобных станций вдоль традиционных трасс СМП.

Для обеспечения безопасности Арктики и СМП к 2016 г. были созданы 10 новых комплексных аварийно-спасательных центров экстренной помощи Министерства по чрезвычайным ситуациям. Переоснащаются морские спасательно-координационные центры системы Государственной аварийной и спасательно-координационной службы Российской Федерации, подведомственные Федеральному агентству морского и речного флота в Мурманске и Владивостоке.

31 августа 2017 г. правительство России одобрило Государственную программу развития Арктики до 2025 г. с выделением на нее более 190 млрд. рублей бюджетных ассигнований на период с 2018 по 2025 г. Одной из ее подпрограмм является «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике», в соответствии с которой предполагается ассигновать на ее реализацию 35,4 млрд. рублей (4,5 – на 2018–2020 гг. и около 31 млрд. – на 2021–2025 гг.) [38; 39]. Это большие деньги, но лишь малая часть требуемого. Согласно одной из экспертных оценок, только для строительства 10 ледоколов по программе «Росатома» и с учетом инфраструктуры (в т.ч. расширения проливов и установок систем наведения) потребуется 450–500 млрд. рублей [43].

В одном из интервью Д.О.Рогозина, до лета 2018 г. занимавшего должность заместителя премьера и возглавлявшего Морскую коллегию и Президиум Госкомиссии по вопросам развития Арктики, прозвучало, что требуются триллионы рублей для широкомасштабной реконструкции СМП и реализации всех необходимых программ. И это действительно так. Источники для этого – не только средства федерального бюджета, но и частные российские капиталовложения, в т.ч. в рамках программ государственно-частного партнерства, а также международные инвестиции, с которыми сегодня стало очень сложно.

Ранее автор уже касался темы совершенствования управления СМП. В последние 1,5–2 года она вышла на новый раунд дискуссий и принимаемых решений. Президент России В.В.Путин заявил в речи на открытии четвертого Арктического форума в Архангельске в марте 2017 г., что поручил правительству проработать вопрос о создании единой структуры, ответственной за комплексное развитие СМП и прилегаю-

щих к нему территорий, включая инфраструктуру, гидрографию, безопасность, менеджмент и все необходимые сервисы [10, с.5].

В связи с этим развернулась острая дискуссия и звучало много разных предложений. В конечном итоге, 5 июля 2018 г. на заседании правительства России состоялось обсуждение и одобрение законопроекта о «О внесении изменений в Федеральный закон "О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с ним «Росатом» приобретает полномочия получателя и главного распорядителя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, государственного заказчика государственных программ в области развития и устойчивого функционирования СМП, инфраструктуры морских портов СМП, а также обеспечения навигации и круглогодичной проводки по СМП, и др.

Вместе с тем в законопроект заложен принцип «двух ключей» и определен перечень вопросов, которые должны утверждаться Минтрансом в согласовании с «Росатомом». Ряд полномочий в области управления и функционирования СМП закреплён за правительством. Этот законопроект был внесен правительством в Госдуму и в июле 2018 г. был одобрен ее депутатами в первом чтении [44; 45; 46]. С его принятием будет понятна новая конфигурация управления СМП, а последующая практика покажет ее эффективность.

Перспективы Севморпути

Оценивать перспективы будущего СМП сложно, ибо здесь присутствует ряд факторов: природно-климатический, политический, финансово-экономический и др.

Начнем с одного из самых непредсказуемых – природно-климатического. При наличии большой литературы и прогнозов однозначно предсказать будущее трудно. Большинство исследователей полагает, что основополагающим будет воздействие антропологического фактора и сохранится тенденция к потеплению и таянию льдов, что создаст хорошие условия для развития СМП, увеличения возможностей и сроков плавания судов без ледокольного сопровождения и, соответственно, роста объемов грузоперевозок. Но другие ученые полагают, что, согласно природно-климатическим циклам, заканчивается период глобального потепления и в 2020-е гг. начнется новый цикл оледенения,

что крайне осложнит жизнь и работу людей в Арктике, и в т.ч. судоходство по Севморпути.

Важную роль в развитии СМП будет играть и политический климат, характер международных отношений в мире, ибо полоса конфронтации и новой «холодной войны» уже негативно сказалась на нем как международной магистрали. К сожалению, нет особых оснований полагать, что политическая погода в мире в ближайшие годы улучшится, а это заставит Россию тратить большие средства на оборону, в т.ч. своих арктических рубежей, что уже реально происходит. Но, с другой стороны, именно существование Севморпути помогает в укреплении обороноспособности Русской Арктики.

Это важно, ибо в последнее время со стороны Запада, и уже не только политиков, но и военных, все чаще звучат претензии на Севморпуть, требования его «интернационализации». Достаточно вспомнить нашумевшие заявления, сделанные в США весной 2018 г., главнокомандующим войсками НАТО в Европе К.Скапаротти и командующим Береговой охраной США П.Цукунфтом о том, что СМП должен быть транспортным коридором, открытым для всего мирового сообщества [47; 48]. В силу этого исключать конфликты в Арктике в перспективе не приходится, особенно если будет происходить процесс потепления, таяния и исчезновения льдов, что откроет новые возможности перед флотом НАТО.

Политика теснейшим образом связана с экономикой и финансами. А будущее Севморпути во многом зависит от инвестиций, которые нужны для его развития. Российских средств для реализации задуманного обновления СМП и его инфраструктуры будет явно недостаточно. Уже одно строительство ледокольного флота и в целом судов, приспособленных к плаванию в условиях Арктики, потребует огромных финансовых расходов. Тем более что российские власти сегодня ставят вопрос о перевозке углеводородов по Севморпути только судами отечественного производства. Вероятно, не меньшие, если не большие, средства нужны будут на создание новой портовой инфраструктуры. И этот перечень необходимых огромных финансовых расходов можно продолжить.

Решение проблемы иностранных инвестиций во многом связывается с привлечением финансовых ресурсов стран, которые не участвуют в антироссийских санкциях. Это прежде всего страны Азии, в первую очередь КНР, но, зная прагматизм китайцев, которые не вложат ни юаня, даже несмотря на существующие межгосударственные соглашения, если это не обещает скорейшую прибыль, надеяться на большие китай-

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

ские инвестиции в инфраструктуру СМП вряд ли приходится. Речь скорее может идти о другом – росте объемов китайских перевозок по Севморпути, что может дать известные средства для его развития.

В последние годы в этом отношении происходят известные подвижки. Настойчивые призывы России и президента В.В.Путина к китайскому руководству с призывом сотрудничать на Севморпути дают определенные результаты. 20 июня 2017 г. Государственное океанографическое управление и Национальный комитет по развитию реформ КНР опубликовали совместную работу «Концепция морского сотрудничества в рамках инициативы "Один пояс, один путь"», где появился третий морской экономический коридор – через Северный Ледовитый океан в Европу, и СМП играет здесь главную роль.

7 июля 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с премьером России Д.А.Медведевым заявил, что КНР готова развернуть сотрудничество с Россией на СМП для совместного создания «Ледяного Шелкового пути» [6, с.109, 112, 118].

В январе 2018 г. Китай официально объявил о намерении развивать инициативу «Полярный Шелковый путь» в Арктике, создавая морские торговые пути и укрепляя торговые отношения со странами региона. Пресс-канцелярия Госсовета КНР обнародовала 26 января первую Белую книгу об арктической политике Китая, где говорилось, что он является заинтересованной стороной в делах Арктики. «Полярный Шелковый путь» должен быть частью широкомасштабной китайской программы «Пояс и путь» [49].

Северный морской путь позволит Китаю быстрее доставлять грузы в Европу морем, экономить на топливе и др. Учитывая, что 90% китайских товаров доставляются по морю, развитие арктического Шелкового пути сулит КНР серьезную экономию и рост прибыли. КНР тесно работает с Россией в проекте «Ямал СПГ» и получает большие поставки российского СПГ, доставляемого по Севморпути, объемы которого будут только расти. Возможно, что этот положительный опыт будет стимулировать китайское государство и бизнес к новым проектам в Арктике и на СМП.

Но идеализировать ситуацию не следует. Китайцы не спешат, а тщательно прорабатывают вопросы освоения морских просторов Арктики. Напомним, сколько радужных прогнозов появилось еще в 2013 г., когда китайский контейнеровоз «Yong Sheng» впервые прошел арктическим путем из Азии в Европу. Эксперты полагали тогда, что Севморпуть может стать новой «золотой водной магистралью» и окажет поддержку

процветанию торговли Китая и Европы [50]. Звучали прогнозы, что КНР может перевозить к 2020 г. через СМП от 5 до 15% своих внешне-торговых товаров, а к 2025 г. – возможно, даже до 20% [51; 52]. Но все эти прогнозы не оправдались. Китайцы учитывали не только достоинства, но и недостатки, риски СМП, и даже летом 2017 г. по нему прошло всего 6 китайских судов.

Китайский контейнеровоз «Yong Sheng»

Не следует забывать и о другом. У КНР существуют планы развития своего флота, в т.ч. ледокольного, чтобы перевозить не только собственные грузы, но и товары других азиатских стран в Европу, используя трассы, лежащие и за пределами СМП, прежде всего в период отсутствия или минимума льда в Арктике. В связи с этим КНР в перспективе может стать конкурентом России в сфере арктических перевозок.

Вряд ли следует питать иллюзии и в отношении роста грузоперевозок через Севморпуть ряда других азиатских стран, с которыми Россия ведет сотрудничество в тех или иных вопросах, касающихся Арктики и СМП. Это Япония, Республика Корея, Сингапур и др., ибо одно дело – выполнение российских заказов и получение прибыли, а другое – практическое использование СМП для перевозки своих грузов, и тем более вложение средств в развитие его инфраструктуры.

Напомним, например, громкое заявление, которое сделала в конце февраля 2016 г. спецпредставитель Японии по вопросам Арктики К.Сираиси в ранге посла, находясь в Москве. Она указала, что Япония хочет использовать СМП и ей интересно участвовать в его развитии,

ибо это самый быстрый способ доставки товаров из Европы в Японию. Посол предположила, что Севморпуть может обеспечивать до 40% товарооборота Японии в Европу [53]. Но слова остались словами, а железнодорожные маршруты и морской путь в Европу через Индийский океан выглядят для японского бизнеса более привлекательными.

Вряд ли следует питать в перспективе особые надежды на быстрый рост объемов международного транзита по СМП и получение за счет этого значительной прибыли. Поэтому главная ставка делается Россией на увеличение грузоперевозок по Севморпути в результате освоения природных ресурсов Арктики, которая расценивается как важный стратегический резерв страны.

1 марта 2018 г., выступая с посланием Федеральному собранию РФ, президент В.В.Путин заявил, что Северный морской путь станет «ключом к развитию русской Арктики, регионов Дальнего Востока». Он подчеркнул, что перед Россией стоит задача сделать его «по-настоящему глобальной, конкурентной транспортной артерией» и увеличить к 2025 г. грузопоток по СМП до 80 млн. т. в год [54]. Реализация этой задачи была поставлена и в Указе президента от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», первом после инаугурации В.В.Путина [55].

Эта амбициозная задача многих тогда повергла в шок, учитывая тот факт, что в приводившихся ранее расчетах и прогнозах содержались на порядок более скромные цифры. Достижение этой цели требовало увеличения грузопотока по СМП почти в 7,5 раз в сравнении с 2017 г. Поэтому встал вопрос, как этого можно достичь. Очевидно, что главным образом за счет перевозки добываемых в Арктике природных ресурсов.

В сообщении министра энергетики А.В.Новака на заседании правительства в конце октября 2018 г. говорилось, что около 50 млн. т. грузов из планируемых 80 будет приходиться на перевозку СПГ и конденсата, добытого на Ямале и Гыдане [56]. Заметим, что Россия планирует решить и другую важную задачу – вхождение в четверку ведущих мировых производителей СПГ, вместе с США, Катаром и Австралией. Для этого планируется наращивать объемы его производства на Ямале (где находится, по оценкам, 80% российского производства газа и 15% мирового) и Гыданском полуострове. В 2019 г. планируется запустить третью и четвертую линии завода в рамках проекта Ямал СПГ и довести его мощность до 17,4 млн. т. в год, а в 2022/2023 гг. ввести в строй первую линию завода «Арктик СПГ-2» на Гыдане, чтобы завершить его

вывод на полную мощность (19,8 млн. т.) в 2025 г. В последующее 5-летие планируется запустить еще 5 линий по производству СПГ, строить завод по проекту «Арктик СПГ-3». В дальнейшем считается возможным создание СПГ-завода мощностью 7,5 млн. т. на базе Штокманского месторождения с тем, чтобы довести общий объем производства СПГ в России до 83 млн. т. в 2035 г. по сравнению с нынешним объемом в 21 млн. т. [57; 58; 59; 60].

Время покажет возможность осуществления этих масштабных планов, учитывая необходимость привлечения огромных капиталовложений, в т.ч. зарубежных, что может быть непростой задачей, имея в виду санкционную политику Запада против России. К тому же российский СПГ выступает конкурентом американского, будучи дешевле его, а США уже развернули сегодня серию торговых войн против своих конкурентов.

Кроме СПГ, по Севморпути перевозится нефть с Новопортовского и Пайяхского месторождений, добывается нефть и с Приразломного месторождения в Печорском море. В целом же на российском арктическом шельфе открыто 20 крупных нефтегазовых месторождений и бассейнов. Разведанные запасы нефти здесь составляют 7,7 млрд. т., а газа – 77 млрд. кубометров. При этом предстоит разведать более 90% арктического шельфа и 53% территории на суше [61]. Все это создает большие перспективы и для увеличения объемов грузоперевозок углеводородов по Севморпути. Помимо этого, по СМП осуществляются большие перевозки угля, металлов и др.

В ноябре 2018 г. Минтранс во исполнение указа президента по увеличению грузопотока по СМП до 80 млн. т. разработал проект сводного плана развития маршрута, который стал предметом обсуждения. Отмечалось, что он не всегда достаточно детален, ряд добывающих и инфраструктурных проектов уже пересмотрен и не учитываются все потребности в ледоколах [60].

Действительно, быстрое развитие ледокольного флота в условиях планируемого взрывного роста грузопотока по Севморпути является одной из самых сложных задач. Необходим и в целом мощный рост отечественного судостроения для Арктики, учитывая ставящуюся правительством России задачу обеспечения перевозки нефти и СПГ с российских месторождений только на судах отечественного производства. Развитие судостроения, несомненно, даст мощный импульс для металлургии и целого ряда других отраслей российской промышленности, но потребует и огромных капиталовложений.

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Особая ставка делается на строящийся мощный судостроительный комплекс «Звезда» на Дальнем Востоке, который планировалось полностью ввести в строй в 2024 г. Согласно некоторым источникам, уже сейчас запущен ряд его объектов, а полная сдача его возможна даже в 2020 г. Новая судовой верфь загружена заказами уже до конца 2020-х гг., и среди них строительство 3 атомных ледоколов «Лидер», 15 газозывозов для завода Арктик СПГ-2, ледовых танкеров и др. [62; 63; 64].

Еще одна важная задача, которая стоит на повестке дня и может дать мощный прирост объемов перевозок по Севморпути, – это открытие здесь движения контейнеровозов. Поэтому каждый новый проход контейнерного судна по СМП вызывает повышенный интерес СМИ и экспертов. Так было и с проходом в конце августа – начале сентября 2018 г. судна «Vanta Maersk», принадлежащего мировому лидеру в морских контейнерных перевозках датской компании «Maersk Line», который проследовал из южнокорейского Пусана до Санкт-Петербурга.

Таким образом, на повестку дня поставлены амбициозные задачи, и Россия прилагает большие усилия для развития Северного морского пути на качественно новой технологической основе, что призвано способствовать и развитию Арктики как важнейшей стратегической базы России в XXI в.

Библиографический список

1. Ананьев Д.А. История освоения Северного морского пути в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. №3. С.5–14.
2. Арктические ведомости. 2017. №1(20).
3. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4-х томах. Т.1. М.: Морской транспорт, 1956. 392 с.
4. Булатов В.Н. Русский Север. Книга четвертая: Свет Полярной звезды. Архангельск: ПГУ, 2002. 272 с.
5. Булатов В.Н. КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1918). М.: МГУ, 1989. 155 с.
6. Ван Шучунь, Чжу Янь, Еремин В.Л. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути // Свободная мысль. 2017. №6. С.109–120
7. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 11 томах. Т.6. М.,Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 690 с.
8. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск: САФУ, 2013. 281 с.
9. Морской флот. 2016. №2. 12 с.
10. Орлова О. Арктика – территория диалога // Морской флот. 2017. №2. С.4–6.

11. Пересыпки В.И., Яковлев А.Н. Будущее Северного морского пути // Транспорт Российской Федерации. 2007. №11. С.12–17.
12. Правовой статус Арктики и других морских пространств. Владивосток: ДВФУ, 2015. 440 с.
13. Проблемы Северного морского пути. М.: Наука, 2006. 581 с.
14. Российская газета. 2009. 27 марта.
15. Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015». Мурманск: МГТУ, 2015. 261 с.
16. Селин В.С., Истомин А.В. Экономика Северного морского пути: исторические тенденции, современная ситуация, перспективы. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2003. 201 с.
17. Тулупов Д.С. Арктическая геополитика России, Норвегии и Дании в конце XX – начале XXI века. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. 164 с.
18. Тчуди Ф.Х. Создание рентабельной судоходной системы на Северном морском пути // Арктические ведомости. 2012. №4. С.68–81.
19. Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 336 с.
20. Østreng, W., Eger, K.M., Fløistad, B.; Jørgensen-Dahl, A., Lothe, L., Mejlænder-Larsen, M. Wergeland, T. Shipping in Arctic Waters: A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages. Springer, 2013. 414 p.
21. URL: https://ruxpert.ru/Северный_морской_путь (дата обращения: 15.10.2018).
22. URL: http://flot.com/editions/nh/6-1.htm?sphrase_id=355568 (дата обращения: 30.10.2018).
23. URL: <http://severnash.ru/3022-sevmorput-dolzhen-stat-mezhdunarodnoy-transportnoy-magistralyu-putin.html> (дата обращения: 31.08.2018).
24. URL: https://ruxpert.ru/Северный_морской_путь (дата обращения: 18.11.2018).
25. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2015/03/01/1372205.html> (дата обращения: 31.10.2018); URL: <https://fedstat.ru/indicator/51479> (дата обращения: 20.10.2018).
26. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=133277&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7509806916236654> (дата обращения: 1.11.2018).
27. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902396546> (дата обращения: 21.11.2018).
28. URL: <http://project1911.tilda.ws/page56271.html> (дата обращения: 10.11.2018).
29. URL: <https://www.mintrans.ru/file/45439> (дата обращения: 13.02.2019).
30. URL: <https://rg.ru/2013/03/25/sevmorput-site-dok.html> (дата обращения: 31.10.2018).
31. URL: <http://www.nkra.ru/> (дата обращения: 31.10.2018).
32. URL: <http://www.imperiyanews.ru/details/7406abc9-69d9-4050-b605-6fba437d6618> (дата обращения: 13.11.2018).
33. URL: <https://cont.ws/post/1406452> (дата обращения: 31.07.2018).
34. URL: <http://static.rareearth.ru/custom/1143.jpeg> (дата обращения: 07.08.2018).
35. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/administraciya_sevmorputi_podvela_itogi_deyatelnosti_v_2017_godu.html (дата обращения: 07.08.2018).
36. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/X3y4mormNx81gc91hySpXpAARKVKArqR.pdf> (дата обращения: 12.10.2018).
37. URL: <http://mt.riafan.ru/blog/43601734337/Sevmorput-kak-transportnyy-koridor-globalnogo-znacheniya> (дата обращения: 12.10.2018).

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

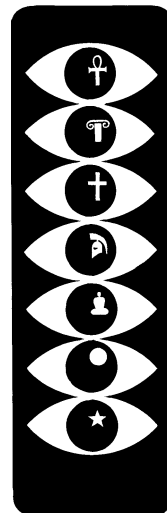
38. URL: https://www.znak.com/2017-11-08/putin_peredal_rosatomu_pravo_kurirovat_razvitiye_sevmorputi (дата обращения: 20.07.2018).
39. URL: https://www.znak.com/2017-10-27/mintrans_i_rosatom_vstupili_v_sorevnovaniya_za_vliyanie_na_sevmorput_na_konu_35_mlrd (дата обращения: 25.07.2018).
40. URL: <https://ria.ru/economy/20181025/1531457919.html> (дата обращения: 21.11.2018).
41. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/россия-ищет-деньги-чтобы-заменить-ледокол-ленин-на-лидера/> (дата обращения: 21.11.2018).
42. URL: http://www.rosmorport.ru/media/File/State-Private_Partnership/strategy_2030.pdf (дата обращения: 15.09.2017).
43. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/06/2018/5b2cbcf79a794777ed047268> (дата обращения: 11.07.2018).
44. URL: <http://government.ru/activities/selection/301/33189/> (дата обращения: 12.07.2018).
45. URL: <http://portnews.ru/news/261096/> (дата обращения: 21.11.2018).
46. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/gosduma_v_pervom_chtenii_odobrila_zakonoproekt_o_nadelanii_rosatoma_funkciyami_operatora_smp.html (дата обращения: 21.11.2018).
47. URL: <http://новости-мира.ru-an.info/новости/почему-сша-не-выиграть-спор-с-россией-за-геперборею/> (дата обращения: 17.08.2018).
48. URL: <https://tehnovar.ru/78282-ssha-potrebovali-otkryt-severnuyu-morskoy-put-dlya-amerikanskogo-flota.html> (дата обращения: 17.08.2018).
49. URL: <http://новости-мира.ru-an.info/новости/китай-включил-северный-морской-путь-в-сферу-своих-интересов/> (дата обращения: 21.11.2018).
50. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1026/c31518-8966788.html> (дата обращения: 30.10.2018).
51. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3113737/> (дата обращения: 11.10.2018).
52. URL: <http://rest24.mypage.ru/> (дата обращения: 11.10.2018).
53. URL: http://www.ng.ru/economics/2016-03-01/1_japan.html (дата обращения: 17.06.2018).
54. URL: <http://tass.ru/info/4999806> (дата обращения: 12.07.2018).
55. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 12.07.2018).
56. URL: <https://ria.ru/economy/20181025/1531457919.html> (дата обращения: 21.11.2018).
57. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/русский-сжиженный-газ-доказал-преимущество-перед-американским/> (дата обращения: 21.11.2018).
58. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/русский-сжиженный-газ-пришел-в-китай-по-севморпути/> (дата обращения: 21.11.2018).
59. URL: <http://pro-arctic.ru/06/09/2018/news/33698> (дата обращения: 21.11.2018).
60. URL: <https://energybase.ru/processing-plant/lng-arctic-2> (дата обращения: 21.11.2018).
61. URL: <https://ria.ru/economy/20160525/1439399879.html> (дата обращения: 21.11.2018).
62. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/мегастройка-судоверфь-звезда-на-дальнем-востоке-завершится-раньше-срока/> (дата обращения: 21.11.2018).

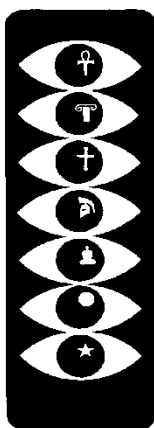
Общество и в самом деле есть договор.
<...> Это союз не только между
живущими, но между живущими,
умершими и еще не родившимися.

Эдмунд Берк

Любуясь, как реформа преображала
русскую старину, не доглядели, как
русская старина преображала реформу.

В.О.Ключевский

Алексей Волвенко

**ВЛАСТЬ И КАЗАЧЕСТВО
В ЭПОХУ
«ВЕЛИКИХ РЕФОРМ»
АЛЕКСАНДРА II
(1860–1870-е гг.)**

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*

УДК
94(47)081

В статье продолжен критический анализ историографии взаимоотношения власти и казачества в эпоху «Великих реформ» Александра II (1860–1870-е гг.). Исследование охватывает труды советских историков, историков-эмигрантов, а также представителей современной российской и зарубежной историографии. В рассмотренных произведениях разбираются действия центральной власти по разработке и продвижению правительственного курса, который эволюционирует от внедрения основ «гражданственности» на казачьих землях в 1860-х гг., до возвращения к доминированию милитаристских принципов в укладе казачьей жизни в 1870-х годах. В статье указаны возможные новые перспективные темы в изучении казачьей истории не только эпохи «Великих реформ», но и всей II половины XIX века.

In article the critical analysis of a historiography of relationship of the power and the Cossacks during an era of “Great reforms” of Alexander II (the 1860–1870th) is continued. The research covers works of the Soviet historians, historians emigrants and also representatives of a modern Russian and foreign historiography. Actions of the central power for development and advance of a government policy which evolves from introduction of bases of “civic consciousness” on the Cossack lands in the 1860th, before return to domination of the militaristic principles in way of the Cossack life in the 1870th years understand the considered works. In article possible new perspective subjects in studying of the Cossack history not only an era of “Great reforms”, but also all the II half of the 19th century are specified.

Ключевые слова: историография; казачьи войска; «Великие реформы»; Александр II; правительственная политика; Военное министерство.

Key words: historiography; Cossack troops; “Great reforms”; Alexander II; government policy; Ministry of Defense.

E-mail: avolvenko@mail.ru

* Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2018. №6. С.104. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 16-01-50018-ОГН.

О специфике освещения советской историографией истории казачества II половины XIX – нач. XX вв. мы писали в первой части статьи. Напомним, что для нее были характерны следующие тенденции: повышенное внимание к социально-экономическим вопросам развития казачества и особенно аграрным, к военным действиям казаков, к их участию в классовой борьбе и социальному расслоению внутри самого казачества с акцентом на революциях начала XX в. и гражданской войне. Взаимоотношения власти и казачества в позднейший период не являлись особо проблематичными для советских историков. О направленности, качестве и периодизации советских исследований по истории казачества в целом можно получить представление из отдельных современных публикаций [63]. Поэтому мы сразу перейдем к обзору наиболее важных, с нашей точки зрения, работ советских историков, в которых рассматриваются вопросы правительственной политики 1860–1870-х гг. в отношении казачества. Начнем с исследований, посвященных военной истории России, в том числе военным преобразованиям 1860–1870-х годов.

П.А.Зайончковский и другие

Классической работой в этом смысле остается монография известного советского историка П.А.Зайончковского «Военные реформы 1860–1870 годов в России» [22]. Неболь-

шой сюжет о реформах в казачьих войсках он начинает с утверждения о том, что «стремления Военного министерства реорганизовать устройство казачьих войск в духе буржуазных преобразований не привели к каким-либо существенным результатам» [22, с.81]. П.А.Зайончковский упоминает о программе реформ в виде «Главных оснований новых войсковых положений» 1862 г.¹ и приводит из программы объемную цитату с акцентом на идею замены принципа поголовности казачьей воинской повинности на службу «охо-

П.А.Зайончковский

¹ Под этим названием П.А.Зайончковский подразумевает «Соображения... о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках» (см. первую часть статьи). Однако, судя по всему, историк не был знаком с оригиналом данного документа, поэтому о его содержании, как и о названии, он черпал сведения из вторичных источников.

чих» людей, на свободном входе и выходе из казачьего сословия, на постепенном введении личной поземельной собственности и т.д. Однако, по его мнению, программа «не была реализована из-за противодействия реакционных казачьих элементов, распространявших слухи о стремлении Военного министерства упразднить казачье сословие» [22, с.81]. К числу все же произошедших изменений в казачьих войсках в 1860-х гг. П.А.Зайончковский отнес упразднение Новороссийского, Башкирского и Азовского войск и образование Семиреченского войска, а также уменьшение срока службы для Донского, Кубанского и Терского войск. По данным историка, такие меры в итоге привели к «сокращению численности иррегулярных войск (с 1862 по 1869 г. приблизительно на 100 тыс. человек, не включая офицеров)» [22, с.82]. П.А.Зайончковский кратко затрагивает вопросы перевооружения в казачьих войсках, в том числе пишет и о низкой огневой подготовке в драгунских и казачьих полках в начале 1870-х годов [22, с.209]. В то же время для подтверждения особенной важности железнодорожного строительства на юго-востоке России он привлекает высказывание военного министра Д.А.Милютин о том, что «именно юго-восток занят многочисленными казачьими населенными местами, источником лучшей в свете легкой конницы, которая, при нынешнем ведении войны, приобретает особенное значение» [22, с.123]. Центральное место в книге занимает процесс подготовки общеимперского устава о всеобщей воинской повинности 1874 года. Наиболее значимое и ценное упоминание о казачестве в этом процессе П.А.Зайончковский делает, отсылая к известной записке Д.А.Милютин «О главных основаниях личной военной повинности» от 7 ноября 1870 г., в которой утверждается, что «казачье сословие должно быть оставлено при своих порядках отправления военной повинности» [22, с.305]. Каких-либо других значимых высказываний о казачестве в книге П.А.Зайончковского больше не имеется. Разбирая источники и литературу по теме, советский историк показывает свое знакомство с многотомными «Историческими очерками деятельности военного управления в России...» и «Столетием Военного министерства» [22, с.368]. В связи с этим возникает вопрос: почему так ничтожно мало он написал о казачестве? Конечно, исчерпывающий ответ на данный вопрос мы вряд ли когда-нибудь получим. Как нам представляется, это произошло по причине слабости историографической традиции в изучении казачества эпохи «Великих реформ» Александра II.

Данное предположение в полной мере можно применить и к работе другого известного советского специалиста по истории военного дела,

русской армии и флота Л.Г.Бескровного. В его монографии «Русская армия и флот в XIX веке» отмечается лишь то, что с 1862 по 1871 гг. Военное министерство произвело «радикальную перестройку казачьих войск». Вывод Л.Г.Бескровного, характеризующий изменения среди казачества в указанный период, был также лаконичен: «Итогом преобразований должно было явиться приближение иррегулярных войск к регулярным. В последующие годы этот процесс продолжался. Численный состав казачьих войск был в общем стабильным» [8, с.64]. Широкая постановка темы в книгах П.А.Зайончковского и Л.Г.Бескровного подразумевает привлечение, прежде всего, общероссийского материала и невозможность равнозначного внимания ко всем аспектам рассматриваемой проблемы. Детализация, в нашем случае имеющая отношение к истории казачьих войск, должна была стать уделом скорее конкретно-исторических исследований, выполненных преимущественно на региональном уровне. Их количественное и качественное накопление с одновременной «реабилитацией» внутренней политики царизма как объекта изучения, проводимой П.А.Зайончковским, В.Г.Чернухой и др. в 1970–1980-х гг., могло привести к появлению работ по истории правительственной политики в отношении казачества, в том числе и в эпоху «Великих реформ». Однако этого в советский период так и не произошло.

Конечно, было бы неверно утверждать, что в советской историографии не было конкретно исторических работ казачьей тематики или, как это сложилось в советском краеведении, обобщающих исследований по истории региона, в котором казаки прежде доминировали или являлись значительной частью среди местного населения, а казачьи властные структуры долгое время заменяли гражданские институты управления. Но их было мало, тем более, если говорить о работах, иллюстрирующих взаимоотношения власти и казачества в 1860–1870-е годы. Из того, что все-таки было написано по этому поводу, на наш взгляд, наиболее своеобразной по выводам является книга Н.Л.Янчевского «Разрушение легенды о казачестве» [65]. Биографию автора книги, истоки его концепции и влияние на донскую историографическую традицию подробно изучил известный современный историк Н.А.Мининков [39]. Поэтому мы сразу акцентируем внимание на оценке Н.Л.Янчевским правительственной политики в отношении казачества (донского) во II половине XIX века. По его мнению, самодержавие было заинтересованно «в сохранении казачества, как системы колониальной политики, а также для несения полицейской службы». В связи с этим власти подошли к организации системы управления в казачьих областях таким образом, «чтобы эта

вооруженная сила содержалась не только за счет казачества, но и за счет неказачьего населения».

В. Коссак. «Кровавое воскресенье в Петербурге 9 января 1905 года» (фрагмент)

Н.Л.Янчевский был убежден в том, что имперское правительство сознательно «создавало условия для перекладывания общественных и военных расходов на "иностранное" население путем взимания "посаженной" платы за усадьбу, сдачи в аренду земли и всяких других поборов» [65, с.66]. Каких-либо конкретных данных, свидетельствующих в пользу такого утверждения, историк не привел, что, конечно, придает его словам определенную тенденциозность. По версии Н.Л.Янчевского, правительство и казачье дворянство являются творцами «казачьей кастовой идеологии». С ее помощью они «смягчали классовый антагонизм внутри казачьей системы», а также «внушали казачеству, что оно по отношению к остальному крестьянству и вообще иностранному населению является особым привилегированным сословием». Объединяющей идеей казачества, его «историческим фундаментом», как считал Н.Л.Янчевский, являлись «сочетание военного и гражданского управления, служебная иерархия не только на службе, но и в быту, воспитание, а также фальсифицированная история казачества» [65, с.67]. Спекулятивность выводов Н.Л.Янчевского снижает ценность книги, но оставляет простор для проверки его оригинальных высказываний, начатой Н.А.Мининым.

Концепция Н.Л.Янчевского, реализованная в духе теории М.Н.Покровского о торговом капитализме и с акцентом на взаимосвязи истории и идеологии, оказалась не востребовавшей. В советском краеведении, рассматривающем проблемы развития того или иного региона после отмены крепостного права и до 1917 г., постепенно утверждался экономический детерминизм, основанный на своеобразном прочтении марксизма. В таких исследованиях казачество не являлось предметом отдельного изучения, а анализировалось исключительно во взаимодействии с коренным не казачьим населением и т.н. иногородними [33]. Наш взгляд, «классической» работой, в этом смысле, является книга И.П.Хлыстова «Дон в эпоху капитализма 60-е середина 90-х годов XIX века: очерки из истории Юга России» (1962). В ней главным игроком выступает капитализм, а местная и центральная власть вынуждены постоянно подстраиваться под его требования, в том числе в проведении т.н. «буржуазных» реформ 1860–1870-х гг. на Дону. И.П.Хлыстов последовательно разбирает содержание узловых для казачьей истории понятий как «войсковая собственность на землю», «станичные земли» [58, с.17, 23]. Он показывает, как распространяющаяся среди казаков капиталистическая земельная аренда приводит к разорению казачьих семей, к противопоставлению интересов казачьей верхушки и беднейшего казачества и т.п. [58, с.257–273].

Выйти за рамки такого подхода удалось О.И.Сергееву в монографии «Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.» (1983) [47]. Возможно, этому способствовал сам предмет изучения – Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска. В советской историографии об этих войсках писали мало, поэтому О.И.Сергееву потребовалось представить историю Дальневосточного казачества комплексно, в разных сферах его существования, а не только в социально-экономической плоскости. Правительственную политику в отношении Забайкальского и Амурского казачьих войск в 1860–1870-х гг. (Уссурийское войско было образовано в 1889 г.) О.И.Сергеев рассмотрел в контексте расширения Российского имперского пространства, военного строительства и укрепления обороноспособности дальневосточных границ с учетом фактора внешнеполитического взаимодействия с соседними странами. Основной массив данных по этому поводу он заимствовал из «Столетия Военного министерства» [47, с.60–61, 95, 97 и др.]. Вместе с тем, О.И.Сергеев привлек новые, в том числе, архивные источники для характеристики казачьего переселения на Дальний Восток, осветил проблемы входа и выхода из казачьего сословия, перевода казаков из одно-

го войска в другие войска [47, с.67–71]. О.И.Сергеев является едва ли не единственным в советской историографии автором, который описал жеребьевую (конскрипционную) служебную систему, действующую среди забайкальских казаков с 1872 года. Ссылаясь на мнение войсковой администрации, он отметил главный недостаток такой системы, а именно «несостоятельность казаков неслужилого разряда к платежу... за освобождение от службы денежного сбора» [47, с.84].

Завершить обзор советской историографии мы хотели бы диссертационным исследованием К.П.Краковского, посвященного судебной реформе в Земле войска Донского [32]. Несмотря на то, что кандидатская диссертация К.П.Краковского является юридической по профилю, в ней впервые разбирается деятельность донского кодификационного комитета в начале 1860-х гг. по подготовке проекта судебной реформы на Дону. Специфика фактологического материала, привлекаемого К.П.Краковским, хотя и ограничивает возможности его использования при стандартном подходе к историописанию, но в тоже время обязывает современных историков непременно ссылаться на данную диссертацию при изучении преобразовательного процесса 1860–1870-х гг. в Донском крае.

**Эмигрантская историография.
Мнения Н.Н.Головина
и А.А.Керсновского**

Эмигрантская историография о проблеме влияния «Великих реформ» на казачьи войска России если и упоминает, то весьма кратко, в основном пересказывая сведения, добытые еще

в дореволюционный период. В произведениях, написанных за рубежом самими казаками, к сожалению, не встречаются не только новые источники (что вполне объяснимо), но и какой-либо иной ракурс во взгляде на взаимоотношения власти и казачества в 1860–1870-х годах. Тем не менее мы хотели бы отдельно выделить произведения таких эмигрантских историков, как Н.Н.Головин и А.А.Керсновский, специализирующихся на истории русской армии, которые рассматривали казачью тематику в контексте военной истории. Так, Н.Н.Головин при описании правительственной политики в отношении казачьих войск в 1860–1870-х гг. свел ее содержание к проблеме перехода казачества к военной системе, организованной на основе «Положения о военной службе Донского войска» и «Устава о воинской повинности Войска Донского» 1874 и 1875 гг. соответственно. В интерпретации Н.Н.Головина эти документы получили название «Казачьи уставы». Он считал, что «уставы» «предъ-

являли к населению большие требования, нежели "общий Устав" (имеется в виду общеимперский «Устав о воинской повинности» 1874 г. – *А.В.*). В то же время и «Положение», и «Устав» оказались, по его мнению, вполне «приспособленными к быту и историческим традициям казачества» [19, с.12]. Утверждение же Н.Н.Головина о «сходстве между казачьими уставами и германскими законоположениями об обязательной воинской службе» вообще является уникальным в историографии. Данное сходство он увидел в «чрезвычайно внимательном распределении тягот военной службы по возрастным слоям», указав даже на совпадение числа таких

Н.Н.Головин

возрастов. Казалось бы, после такого наблюдения Н.Н.Головин должен был поставить вопрос о причинах такого явления, однако он ограничился только констатацией отсутствия «какого-либо взаимного заимствования» [19, с.21]. Вопрос у Н.Н.Головина возник лишь по поводу неиспользования «казачьего опыта в общем уставе...», раз на всю Империю распространялась идея всеобщей воинской повинности». Ответ на свой вопрос он нашел в «глубокой демократичности» традиций и «общественных навыков» казаков по сравнению с остальной Россией, делавшей только «первые шаги по этому пути» после отмены крепостного права. В связи с этим «сотрудникам» Александра II было трудно «отрешиться от влияния устаревших идей», в том числе рекрутского Устава 1831 г., который оказался «ближе для составителей Устава о воинской повинности 1874 г., чем опыт всеобщей службы казаков» [19, с.22–23]. Последнее мнение Н.Н.Головина вряд ли соответствует фактам, но вполне согласуется с определенной линией в историографии по идеализации казачьего наследия.

А.А.Керсновский писал о «большом внимании» Военного министерства, проявленном по отношению к казачьим войскам в 1860–1870-е годы. По мнению историка, роль казачества в армии «после сокращения вдвое регулярной кавалерии вообще сильно повысилась». А.А.Керсновский упоминает о мерах по подготовке офицерского состава и повышению тактического уровня казачьих частей. Предполагалось,

что этого можно было достичь «путем соединения регулярных и казачьих полков в одной дивизии». А.А.Керсновский утверждал, что казаки встретили такую реформу с недовольством, «считая, что их поместили "на задворках русской конницы" (их полки были четвертыми в дивизии)» [27, с.189].

Как мы уже отмечали, эмигрантская историография ничего принципиально нового в изучение правительственной политики в отношении казачества в царствование Александра II не привнесла. И даже оригинальная интерпретация Н.Н.Головина, кроме повода для возможного сравнительного исследования военного законодательства с участием казачества, не стала чем-то большим в теоретико-методологическом плане.

А.А.Керсновский

Современная российская историография

В постсоветский период количество исследований по казачьей тематике растет из года в год, они уже с трудом поддаются систематизации² [48].

В этой ситуации, чтобы избежать возможных упреков в неупоминании той или иной статьи, книги, диссертации и не превратить дальнейший обзор в библиографический список с комментариями, мы будем применять следующий критерий для отбора значимых для нас работ. Он подразумевает присутствие в текстах новых сведений и, соответственно, использование их авторами ранее не опубликованных, преимущественно архивных материалов, наличие (или хотя бы декларирование) теоретического обоснования в оценках и в полученных выводах.

О качественной периодизации исследований о политике властей по отношению к казачеству в 1860–1870-х гг. в современной исторической литературе пока говорить рано. Слишком мал ее объем. Поэтому сначала мы предпочли бы упомянуть об обобщающих работах по истории

² И.Ю.Юрченко подсчитал публикации казачьей тематики, вышедшие с 1981 по 2012 гг., определив их число в 2475 к 2012 году [64, с.7].

казачества. В них, очевидно, должны концентрироваться последние достижения в историографии в освещении интересующего нас вопроса. Среди таких, как правило, многотомных или объемных произведений, написанных авторскими коллективами, выделяются в сер. 1990-х гг. «История казачества Азиатской России в 3-х тт.» (1995), «Казачий Дон: Очерки истории» (1995), «Донские казаки в прошлом и настоящем» (1998), во втором десятилетии XXI века – «История кубанского казачества» (2013), «Очерки истории и культуры казачества Юга России» (1914) и пр. [24; 20; 26; 25; 41]. Детальный критический анализ «Истории казачества Азиатской России» в 2007 г. осуществил С.М.Андреев, и его выводы мы полностью разделяем [5, с.26–29]. Главная же заслуга второго тома этого издания заключается в том, что в нем показывается деятельность местных комитетов по пересмотру казачьих законоположений начала 1860-х гг., а также приводятся мнения некоторых высокопоставленных чиновников о проектах казачьих реформ. Донской историк Р.Г.Тикиджьян, являясь одним из авторов разделов, посвященных истории Донского войска II половины XIX в., сразу в двух упомянутых выше изданиях – «Казачий Дон...» и «Донские казаки...»³ – попытался объяснить преобразования среди донского казачества 1860–1870-х гг. с точки зрения популярной в российской историографии теории модернизации [20, с.134–158]. Однако из текстов данных разделов понять, как же конкретно при помощи модернизационного концепта выстраивается логика авторского нарратива, не представляется возможным. Это наше наблюдение в полной мере относится и к последней книге Р.Г.Тикиджьяна «Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет» (2013), по крайней мере, к той ее части, в которой описывается донское казачество II половины XIX века [51, с.80–92]. Тем не менее Р.Г.Тикиджьяну принадлежит ряд других исследований конкретно-исторической тематики, которые удачно раскрывают различные стороны казачьей жизни пореформенного периода [52; 50 и др.].

Кубанский историк О.В.Матвеев, специализирующийся на военной истории казачества, также стал автором разделов (глав) по истории Кубанского войска во II половине XIX – начале XX вв. в двух вышеупомянутых обобщающих книгах – «История кубанского казачества» и «Очерки истории и культуры казачества Юга России». Этим разделам

³ *Справедливости ради надо отметить, что в соавторах Р.Г.Тикиджьяна значатся такие известные донские историки как А.П.Скорик, В.П.Трут, Е.И.Демешина, Н.С.Коршиков и др.*

присущ единый авторский замысел и идейная преемственность. О.В.Матвеев сделал упор на характеристике этносоциального статуса кубанского казачества и на его изменении в пореформенный период. Он также описал эволюцию военно-административного устройства Кубанского казачьего войска, развитие казачьей социально-экономической сферы в условиях окончания Кавказской войны и последующей колонизации Западной части Кавказского хребта. Для О.В.Матвеева было важно показать процесс образования Кубанского казачьего войска, его «политический» подтекст, сопровождавшийся сопротивлением части казачества. Однако при таком подходе у О.В.Матвеева практически не осталось места для разъяснения замыслов и действий властей, в том числе по продвижению идей «Великих реформ» среди кубанского казачества [25, с.215–230]. Автор раздела о Терском казачьем войске в «Очерках истории и культуры казачества Юга России» Н.Н.Великая почти такое же отсутствие анализа правительственной политики в 1860–1870-х гг., только по отношению к терским казакам, объяснила «слабостью реформационных процессов» в Терской области⁴. Н.Н.Великая утверждает, что использовала теорию модернизации для «оценки степени "продвинутости" казаков региона по этому пути (т.е. по пути развития общества от аграрного к индустриальному, от сословного к гражданскому. – А.В.) во II половине XIX – начале XX в.» [13, с.231]. Подводя итоги, она, с одной стороны, констатирует, что «в пореформенный период власти приступили к окончательной ликвидации "духа особости" в государстве, который исходил от казачества» [13, с.232]. С другой стороны, по ее мнению, «казачество в меньшей степени, чем другие сословия оказалось охвачено реформами». Более того, Н.Н.Великая считает, что «правительство сохраняло у казачества отличное от других земледельцев страны землепользование и управление, особый круг обязанностей». Таким образом, заключает исследователь, «казачество оказалось если не в стороне от модернизационных процессов, то весьма мало ими затронутым»⁵ [13, с.242]. Опыт использования теории модернизации

⁴ Кроме того, Н.Н.Великая отметила, что «влияние реформ 60-70-х гг. XIX в. на развитие терского казачества до сих пор слабо изучено» [13, с.231, 237].

⁵ В «Очерках истории и культуры казачества Юга России» также находится глава И.В.Торопицына об Астраханском казачьем войске и наша работа, посвященная Донскому казачьему войску [43, с.190–214, 242–260]. Однако в исследовании И.В.Торопицына мы не обнаружили каких-либо новых данных по интересующей нас теме, а критический разбор нашего текста предпринят в упомянутой коллективной статье «Открытия и достижения современной историографии донского казачества второй половины XIX в.».

Р.Г.Тикиджьяном, Н.Н.Великой и др. применительно к истории казачества II половины XIX – начала XX в., на наш взгляд, пока не дает основания считать данную теорию эффективной, по крайней мере, в отношении анализа преобразовательного процесса 1860–1870-х гг. в казачьих войсках. Может быть, некоторым исключением в этом смысле следует считать докторскую диссертацию Н.Б.Акоевой, а также другие ее работы, но предметом ее изучения является казачья повседневность во II половине XIX – начале XX веков [3].

Воспоминания военного министра Д.А.Милютин, опубликованные на рубеже XX–XXI вв., безусловно следует отнести к разряду источников. Д.А.Милютин неоднократно обращался к казачьей тематике, опираясь на свою память и на сохраненные документы, раскрывая различные перипетии казачьей правительственной политики⁶. Профессиональные комментарии к каждому тому, выполненные авторами-издателями под руководством профессора Л.Г.Захаровой, вполне можно расценить как определенный вклад в историографию рассматриваемого нами вопроса. Конечно, комментарии не представляют собой цельного нарратива, но раскрывают детали подготовки того или иного важного документа, мнения императора Александра II, позиции отдельных министерских чиновников по каким-либо важным казачьим проблемам [15, с.494, 503].

Если обратиться к конкретно-историческим исследованиям по истории взаимоотношения власти и казачества в эпоху «Великих реформ», то, пожалуй, первыми, кто оценили ее содержание и значение, стали Н.В.Самарина и А.Т.Топчий. Как профессиональные историки они состоялись в советское время, тогда же ими был накоплен определенный багаж сведений, ставший актуальным в начале 1990-х годов [45; 54; 55 и др.]. Благодаря публикациям Н.В.Самариной и А.Т.Топчия в историографию «вернулись» такие сюжеты, как деятельность местных комитетов по пересмотру войсковых положений и столичного Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений, предложения Военного министерства по реформированию казачества в начале 1860-х гг., перечень преобразований, реализованных в казачьих войсках в 1860–1870-х гг. с их кратким обзором и пр. [46; 56 и др.]. Но в целом в казачковедческой литературе в 1990-е гг. доминировала иная тематика, связанная с этносоциальной характеристикой казачества, военной истори-

⁶ О взглядах Д.А.Милютин на казачество смотри нашу статью «Д.А.Милютин и казачество» [15].

ей, военно-административными, аграрными преобразованиями, эволюцией казачьего самоуправления и т.д. В таких работах упоминание о различных эпизодах из истории казачества 1860–1870-х гг. находилось в прямой зависимости от конкретных исследовательских приоритетов того или иного автора [2; 23; 30; 31; 36; 37; и др.].

В конце XX – начале XXI вв. рассматриваемая нами тема в основном разрабатывалась в диссертационных исследованиях (и не только исторического профиля), реализованных в виде научных статей и монографий. Как мы уже отмечали выше, в 2016 г. В.В.Батыров, И.А.Гордеев и О.Е.Чуйков подвели предварительные итоги достижений современной историографии в области изучения истории донского казачества II половины XIX в., и, как они утверждают, описали традиционные и альтернативные концепции, выдвигавшиеся историками после 2000 года [7, с.687]. С их оценками мы полностью согласны и не считаем нужным повторять их здесь. Единственное исключение мы сделаем для одного из героев статьи – молодого ростовского историка А.Ю.Перетьяко, который отличается высокой публикационной активностью и к настоящему времени издал ряд статей, не учтенных В.В.Батыровым и др. в 2016 году.

Среди работ специалистов, внесших наибольший вклад в историю отдельных казачьих войск (не донского) или казачества в целом, по интересующему нас периоду, в первую очередь, необходимо выделить диссертации и монографии А.Н.Малукало (2003), Т.К.Махровой (2003), А.Ю.Соклакова (2004), Е.В.Годовой (2005), Э.В.Бурды (2006) А.М.Дубовикова (2006), С.М.Андреева (2007), С.В.Колычева (2008), Д.В.Бобылева (2010), Д.В.Колупаева (2011), А.А.Голик (2015) и др. [35; 38; 49; 17; 12; 21; 5; 29; 10; 28; 18 и др.].

Общим местом для этих историков являются следующие аспекты исследовательской деятельности. Первое – это привлечение новых архивных материалов, в основном, из местных, а также и из столичных архивов, особенную ценность представляют впервые опубликованные ими сведения из дел Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва). В этом архиве сосредоточен, пожалуй, главный массив документации, относящийся к казачьей правительственной политике Российской империи. Второе – активное использование дореволюционной литературы по истории казачества, наиболее часто «Столетие Военного министерства...» и произведений М.П.Хорошхина, а также периодической печати.

Практически все упомянутые историки пишут о двойственности и противоречивости правительственной политики в отношении казачьих войск в эпоху «Великих реформ». Так, по мнению Т.К.Махровой, власти, с одной стороны, «пытались сохранить казачество в качестве военно-полицейской опоры самодержавия, не меняя кардинально его правового и социального положения, с другой, – намеревались распространить на казачьи общины все демократические перемены, произошедшие в результате реформ в статусе крестьянского населения империи» [38, с.119]. А.Н.Малукало считает, что такая политика напрямую связана с известной речью Александра II перед депутатами Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений (1866), который «указал на необходимость максимального развития гражданских начал при сохранении боевого потенциала войск» [35, с.26]. Оригинальное объяснение противоречивости казачьей политики предложил Д.В.Колупаев на примере истории Сибирского казачьего войска. Для него правительственный курс по отношению к казакам складывался из «сосуществования и противоборства двух тенденций... в попытках превратить воинские подразделения Сибирского казачества в разновидность кавалерийских формирований и в стремлении сохранить основы казачьего уклада жизни, быта и службы». Столкновение двух тенденций (на этот раз имперской и земской) Д.В.Колупаев рассмотрел также и в особенностях казачьего самоуправления на землях Сибирского казачества [28, с.25].

Наиболее полно концепцию неслужилого казачества или войсковых граждан на основе конскрипции, а также ее внедрение в положения о воинской повинности некоторых казачьих войск разобрал А.Ю.Соклаков. По его мнению, власти надеялись, что отказ от принципа всеобщности казачьей службы в пользу конскрипции будет «в максимальной степени способствовать сближению системы комплектования казачьих войск с рекрутской системой комплектования регулярной армии, сокращению расходов на содержание казачьих частей в мирное время и уравниванию казачества в правах с остальным населением империи» [49, с.150–151]. Однако А.Ю.Соклаков оставляет нерешенным вопрос, насколько оправдались подобные властные ожидания. Возможно, данное обстоятельство связано с небольшим количеством привлекаемых А.Ю.Соклаковым первоисточников [49, с.152–159]. Кроме того, за пределами его внимания оказались дискуссии среди влиятельных чиновников как внутри Военного министерства, так и за его пределами по поводу казачьего служебного порядка.

Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений.
Фотография помещена в «Столетия Военного министерства...»⁷

Почти все перечисленные выше историки, так или иначе, затрагивали деятельность Петербургского Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений. Ими был определен круг вопросов, которыми занимался комитет, механизм его финансирования, выявлены фамилии депутатов, представляющих казачьи войска в комитете, дана оценка итогам его деятельности и т.д. Но дебаты, проходившие на заседаниях комитета, разбор конкурирующих записок по планируемым преобразованиям в казачьих войсках, доводы в пользу принятия окончательного решения по реализации той или иной реформы вновь оказались не востребованными в историографии. У современных историков не хватает логики в обосновании поведения властей по отношению к казачеству, а некоторые сделанные ими выводы кочуют из одной работы в другую без должного критического осмысления. Последнее обстоятельство во многом зависит от теоретического подхода, с которым автор обращается к исследуемому материалу. В этом смысле ни одна из рассмотренных нами диссертаций не отличается оригинальностью, а встречающиеся в

⁷ См. библиографический список в журнале *Россия XXI*, 2018, №6. Пункт 27. *Столетие Военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк*. СПб., 1902–1911. Т. XI. Ч. I. С. 446.

них утверждения об использовании «теории локальных культур» О.Шпенглера и А.Тойнби, различных вариаций теории модернизации и прочих методологических новаций, по крайней мере, применительно к казачьей истории II половины XIX в. носят скорее декларативный характер.

На наш взгляд, отдельной оценки требуют результаты научной деятельности ростовского историка А.Ю.Перетяцько. После защиты кандидатской диссертации на тему «Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX века» и выхода одноименной монографии в 2014 г. [42] А.Ю.Перетяцько обратился к изучению других аспектов истории иррегулярных войск и донского казачества. Предметом его интереса стали аграрная история донского казачества, территориально-административные изменения, сфера образования и общественно-политическая ситуация на Дону в середине – II половине XIX в., а последние публикации историка связаны с экономической стороной казачьей службы и хозяйствования⁸. При всем разнообразии и, как нам представляется, спорной проработанности некоторых сюжетов из-за скромности источниковой базы, статьи А.Ю.Перетяцько плотно насыщают нарратив по истории Дона и донского казачества пореформенного периода. При этом историк использует в своих работах как классический сравнительно-исторический метод [43], так и актуальные теоретические конструкции. Например, развернувшиеся дискуссии между «казакоманами» и «прогрессистами» в начале 1860-х гг. о необходимости преобразования донского казачества он рассмотрел через призму теоретической схемы нациестроительства М.Хроха. А.Ю.Перетяцько пришел к выводу, что «именно в это время на Дону активно шла фаза А национального движения⁹, складывалась база для формирования казачьей национальной идентичности». Более

⁸ См. актуальный список публикаций А.Ю.Перетяцько: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=765870.

⁹ Согласно концепции М.Хроха нация формируется на основе этнической группы только как результат процесса «национального движения». Этот процесс в разных регионах протекает по схожему сценарию и состоит из трех фаз: в фазе А происходит исследование характерных черт, в том числе и исторических, этнической группы и их закрепление в массовом сознании; в фазе В начинается агитация, призывающая представителей этнической группы осознать себя как единый народ, причем в первой полуфазе эта агитация, как правило, не приводит к заметным успехам; наконец, в фазе С национальное движение становится по настоящему массовым [61, с.124–125].

того, по его мнению, сама фаза А к началу XX в. казачеством была уже «успешно пройдена» [44].

В статье «Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его, нужен ли ему этот порядок: местные предпосылки реформ 1860–1870 гг. на Дону» А.Ю.Перетягко отказался от объяснения преобразований в Донском войске 1860–1870 гг. с точки зрения их зависимости от логики проводимых центральной властью «Великих реформ» [79; 80]. Он попытался «проследить региональные предпосылки этих преобразований и понять, были ли они необходимы донскому казачеству». А.Ю.Перетягко выделил «важнейшие местные донские факторы, которые делали необходимым проведение серьезных реформ». К ним он отнес: неразработанность ресурсов Земли Войска Донского; замкнутость Донского войска; неэффективность системы управления Землей Войска Донского; спорную боеспособность донских казачьих частей; субъективные настроения в Военном Министерстве. Окончательный вывод А.Ю.Перетягко заключался в следующем: «реформы были необходимы донскому казачеству по внутренним, а не внешним причинам», а гражданская их направленность обуславливалась «личным решением военного министра Д.А.Милютин» [80, с.1415]. Безусловно, было бы ошибкой отрицать наличие в преобразованиях 1860–1870 гг. местных предпосылок, но отдавать им приоритет при объяснении «природы» реформаторского процесса, как нам представляется, было бы еще большей ошибкой. Явным промахом также следует считать и причисление А.Ю.Перетягко последнего т.н. «фактора» к местным предпосылкам. Вообще же наличие каких-либо проблем на местах или на окраинах не обязательно приводит к оперативному реагированию центральных властей именно на них, имперский центр может быть озабочен решением других, в том числе, стратегических задач. Если же дело доходит до своеобразной борьбы интересов, то и в ней центральная власть обычно побеждает. Утверждать обратное, конечно, можно, но в таком случае аргументация должна быть основана на широкой и убедительной источниковой базе. В своей же статье А.Ю.Перетягко ограничился анализом в основном публицистических произведений современников.

Работы А.Ю.Перетягко, а также других историков показывают, что эффективное изучение казачьей правительственной политики, особенно в годы «Великих реформ», требует привлечения, прежде всего, новых ар-

живных материалов, иллюстрирующих деятельность профильного Военного министерства, а также других ведомств и органов власти. Однако их доступность для абсолютного большинства казачеvedов, представляющих регионы, является проблемной с экономической точки зрения.

Зарубежная историография в англоязычном варианте

Обращаясь к зарубежным трудам по истории казачества, мы, в первую очередь, будем иметь в виду западную англоязычную историографию¹⁰.

О ее достижениях писали современные российские историки М.С.Гатин, Г.Удо, И.Ю.Юрченко и др., анализируя публикации на немецком и французском языках [16; 57; 64]. Об англо-американской историографии подобных обзорных статей нет, хотя именно ей, на наш взгляд, принадлежат наиболее значимые исследования, затрагивающие проблематику взаимоотношений власти и казачества в эпоху «Великих реформ». Приблизительно до 1970-х гг. для западной историографии о казачестве были характерны следующие виды работ: описания путешественников, побывавших в казачьих краях, различные труды, содержащие вольные пересказы уже изданных русскоязычных текстов по истории казачества, а также публикации научно-популярного характера, в том числе по военной тематике [11; 6; 74; 66; 85; 75 и др.].

Аналитические труды на более разнообразной источниковой основе, включая данные из российских архивов, появляются ближе к последней четверти XX века [70; 69; 82; 71; 72 и др.]. Среди них особое место занимает книга американского историка Р.Макнила «Царь

Обложка книги Р.Макнила «Царь и казаки, 1855–1914»

¹⁰ История казачества разрабатывается и в других странах, особенно в Казахстане, а также в Китае, Японии и др., однако проблематика взаимоотношений власти и казачества во II пол. XIX в. оказалась за пределами внимания национальных историографий указанных стран [1; 62; 9; 55].

и казаки, 1855–1914» [76]. Она стала в определенном смысле классической работой, являясь научным ориентиром для современных зарубежных историков. Кроме того, книга Р.Макнила более точно соответствует заявленной нами теме, акцентируя внимание на вопросах, ранее невосстребованных в историографии. Так, например, Р.Макнил предлагает рассматривать взаимоотношение власти и казачества еще и через призму двух устойчивых мифов в общественном сознании того времени. Это миф об особых отношениях царя и казачества и миф свободного казака, подразумевающий «природную» тягу казачества к свободе [76, с.1–22].

Рассуждая о причинах преобразований 1860–1870-х гг. среди казачества, Р.Макнил отмечает, что иррегулярные войска разделили ответственность за поражение в Крымской войне. Таким образом, они стали ассоциироваться с отсталостью и примитивностью и поэтому потребовали перемен. Историк пишет о дороговизне содержания иррегулярных частей, ссылаясь на упомянутый нами высочайший доклад от 15 января 1862 г. и на выступление Д.А.Милютин 22 февраля того же года на заседании Комитета Министров. Д.А.Милютин согласился на сокращение казачьих войск из-за экономии государственных финансов, подточенных Крымской войной. Но «фундаментальной» предпосылкой реформирования казачества, по мнению Р.Макнила, являлась распространенная в правительственных кругах «вера в то, что казаков было слишком много для удовлетворения военных потребностей государства» [76, с.28]. Вопрос, что делать с таким количеством казачества, особенно актуализировался на закате Кавказской войны, делавшей ненужным содержание большого числа казачьих частей в уже умиротворенном крае. Перемещать же массы казачества, особенно донских, к европейским границам Империи было проблематичным и затратным делом из-за отсутствия на начало 1860-х гг. достаточной системы коммуникации и, в первую очередь, железных дорог [76, с.29]. Как считает Р.Макнил, данное обстоятельство повлияло на решение властей внедрить жеребьевую систему в казачью службу. Эта мера, наряду с предоставлением права свободного выхода из казачьего сословия, должна была привести к уменьшению казачьего населения, однако этого, как утверждает американский исследователь, не произошло. Отказ от конскрипции Р.Макнил связывал не с ее низкой результативностью, а с изменением взглядов Военного министерства под влиянием итогов франко-прусской войны на проблему необходимого количества казачьих частей для ар-

мии. Нетрудно заметить, что в этом утверждении историк следовал дореволюционной традиции. Очевидно, что соответствующие тома «Столетия Военного министерства» вдохновляли Р.Макнила на раскрытие и других сюжетов, в том числе посвященных земской реформе на Дону, сопротивлению уральцев в середине 1870-х гг. и пр. В постановке же вопроса о финансовом положении казачьих войск в пореформенный период Р.Макнил вообще открыл новую страницу в истории изучения российского казачества¹¹.

Шейн О'Рурк из Великобритании и американец Пол Хайнеманн разрабатывали историю донского казачества практически одновременно во второй половине 1990-х годов. В итоге Шейн О'Рурк в 2000 г. выпустил книгу «Воины и крестьяне. Донские казаки в поздней имперской России», а Пол Хайнеманн в 1999 г. защитил Phd диссертацию на тему «В защиту анахронизма. Казачий вопрос на Дону (1861–1914)» [77; 84]. Однако если Шейна О'Рурка больше интересовала внутренняя эволюция этносоциального облика донского казачества и его властных институтов, достигшего своего «национального» воплощения во Всевеликом войске Донском (1918–1920)¹², то Пол Хайнеманн предпочел осветить ряд проблем в истории донского казачества во взаимосвязи с правительственной политикой. Наиболее выразительно это получилось у него в 3-й главе под названием «Казачий вопрос(ы) на Дону». По мнению П.Хайнеманна, «казачий вопрос» интерпретировался в центре и на Дону по-разному. Описывая точку зрения Санкт-Петербурга, американский историк, отчасти повторяя наблюдения Р.Макнила, подчеркивает, что Военное министерство стремилось как можно лучше интегрировать неуклюжую казачью социально-административную систему в общеимперское пространство. Как утверждал Хайнеманн, достигнуть этого министерские чиновники планировали за счет уменьшения «централизованности» казачьей военной службы. Под «централизованностью» историк понимал вовлечение всего казачества в процесс отбывания

¹¹ Четвертая глава книги под названием «Financing An Anachronism», посвящена освещению проблемы – действительно ли казаки были выгодны Российской империи с экономической точки зрения [78, с.154–219].

¹² В 2007 г. Шейн О'Рурк опубликовал вторую книгу, в которой рассмотрел историю всех казачьих войск России [85]. Ему принадлежит словарная статья «Казаки» в «Критическом словаре русской революции, 1914–1921» [36, с.495–501] и статья «Как отработывался механизм репрессий: высылка терских казаков в 1920 году» в журнале «Отечественная история» [63].

воинской повинности. «Казачий вопрос» на Дону, по мнению П.Хайнеманна, формулировался и обсуждался преимущественно казачьей «интеллигенцией». Для нее важными темами являлись в 1860-х гг. необходимость приобщения казаков к «гражданственности», а в 1870 – нач. 1880 гг. борьба за земство на Дону. Однако, несмотря на оживленные и даже временами ожесточенные дебаты между разными группами казачьей интеллигенции и вовлеченностью в этот процесс периодической печати, разрешение «казачьего вопроса», как считает Хайнеманн, оказалось абсолютно вне контроля наиболее активной части донского общества¹³ [77, с.117–193]. Работами Ш.О’Рурка и П.Хайнеманна, конечно, не исчерпывается современная западная историческая литература о российском казачестве. Зарубежные историки продолжают обращаться к казачьей тематике как в узкоспециальных исследованиях, так и в обобщающих публикациях [67; 86; 68; 73 и пр.], но изучение положения казачества в 1860–1870-х гг. не пользуется у них особой популярностью.

Итоги

Вынесенная в заголовок статьи тема, возможно, сформулирована излишне широко, поэтому для ее историографического анализа мы выбрали такой угол зрения, который подразумевает, прежде всего, акцент на исследованиях правительственной политики в отношении казачества и реакции самого казачества на действия властей в эпоху «Великих реформ» Александра II. Тем не менее даже при выставленных ограничительных рамках был найден существенный задел в историографии, раскрывающий различные аспекты взаимодействия власти и казачества. В содержательном отношении накопленный историками материал оказался неравномерен. Но и в таком объеме данных все же присутствуют определенные пробелы. К их числу следует отнести скудность информации по личностям, ответственным за разработку и внедрение преобразовательных планов. В проанализированных нами исследованиях почти всегда упоминаются военный министр Д.А.Милютин, начальник Главного управления иррегулярных войск

¹³ К сожалению, о других работах Пола Хайнеманна известно крайне мало, мы обнаружили только одну его статью «*The Last Cossack Rebellion? The Campaign to Implement the Zemstvo on the Don*» [80].

Н.И.Карлгоф, отдельные генерал-губернаторы и атаманы, в подчинении которых находились казачьи войска, иногда приводятся принадлежащие им красноречивые цитаты, иллюстрирующие то или иное важное событие. Однако их позиции по конкретным вопросам реформирования казачества, как правило, не детализировались. Более того, непосредственные авторы программных документов или проектов, обычно являющиеся чиновниками среднего звена Военного министерства и войсковых администраций, вообще не известны. Данное обстоятельство напрямую связано с другим историографическим пробелом: отсутствуют сюжеты, освещающие дебаты вокруг той или иной реформы, которые связаны с ее проектированием и непосредственным воплощением в жизнь и/или подведением промежуточных итогов¹⁴. Можно констатировать, что историки опираются преимущественно на уже опубликованные законодательные документы, добросовестно пересказывая их содержание, за что, конечно, не стоит упрекать. Продолжает оставаться невыясненной мотивация властей в принятии решений по важным вопросам как текущей казачьей политики, так и по планируемым кардинальным преобразованиям. На наш взгляд, требуют уточнения причины перехода Военного министерства в 1860-х гг. к казачьему курсу с «гражданским» акцентом. Мы убеждены в том, что «гражданская альтернатива» казачьего развития изучена пока недостаточно хорошо. Если же и далее отмечать возможные перспективы в казачьих исследованиях, то ожидает своего изучения тема, обозначенная еще Р.Макнилом, а именно: механизмы функционирования войсковых экономик, а также финансовые аспекты казачьей службы, основы которых закладывались в 1860–1870-х годах. Насколько нам известно, А.А.Перетягко уже активно работает в этом направлении и у него есть первые результаты [81 и др.].

Реакция казачества на политику властей в эпоху «Великих реформ» Александра II описана преимущественно на примере истории Донского и Уральского казачьих войск. Очевидно, что география исследования этого явления должна быть расширена. В свою очередь, казачье отношение к преобразованиям необходимо рассматривать среди разных

¹⁴ Исключением является статья С.М.Андреева «Несостоявшийся проект: «Положение о Сибирском казачьем войске» 1863 года», посвященная дебатам членов сибирского кодификационного комитета, представителей от станичных обществ и чиновников войсковой администрации по ключевым вопросам проекта положения о Сибирском казачьем войске [4].

представителей казачества, а не только его элиты. Для этого следует активно привлекать материалы периодической печати и особенно источники личного происхождения¹⁵. К их выявлению должна привести кропотливая архивная эвристика и тщательный источниковедческий анализ. Кстати, классических источниковедческих работ, посвященных основополагающим документам по истории казачества 1860–1870-х гг., существует крайне мало. Но еще меньшее количество публикаций приходится на сравнительные исследования, в которых одна и та же сфера жизнедеятельности казаков или одно и то же действие правительства разбираются на примере нескольких казачьих войск, объединенных не только по региональному признаку. Применение сравнительного метода разнообразит исследовательские подходы к изучению истории казачества как на закате Российской империи, так и на всем протяжении ее существования. Как мы выяснили, в историографии казачества II половины XIX в. использование каких-либо теоретических моделей не является обязательным условием. В то же время трудно себе представить современные работы по истории казачества позднеимперского периода, в которых не использовалась бы терминология модернизационного концепта. Однако, на наш взгляд, теория модернизации не является достаточно эффективным средством для анализа правительственной политики по отношению ко всем казачьим войскам дореволюционной России, не отличающимся гомогенностью в развитии. Гораздо более продуктивным, как нам представляется, выглядит применение к казачьей истории аналитических конструкций, характерных для методологии изучения империй. В любом случае теоретическое осмысление исследовательского инструментария «казаковеда» и уже накопленного материала по истории казачества остается актуальной задачей, требующей разрешения.

Библиографический список

1. Абдиров М.Ж., Актамбердиева З.С. Семиреченское казачье войско: из истории военно-казачьей колонизации Жетысу 1867–1917 гг. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2011. 362 с.

¹⁵ *О.М. Морозова убедительно продемонстрировала, насколько продуктивным является использование неопубликованных источников личного происхождения для реконструкции общественно-политических взглядов донского дворянства накануне отмены крепостного права и в пореформенный период [42, с. 4–65].*

2. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность Оренбургского казачества во второй половине XIX – начале XX века. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1997.
3. Акоева Н.Б. Влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Майкоп, 2012. 500 с.
4. Андреев С.М. Несостоявшийся проект: «Положение о Сибирском казачьем войске» 1863 года // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В.Ремнева. Омск, 2005. С.523–547.
5. Андреев С.М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 2007. 489 с.
6. Ауский С. Казаки. Особое сословие. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 446 с.
7. Батыров В.В., Гордеев И.А., Чуйков О.Е. Открытия и достижения современной историографии донского казачества второй половины XIX в. // Былые годы, 2016. 41(3). С.675–687.
8. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
9. Бижигитова К.С. Аграрные отношения в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX – начале XX вв. (проблемы землеустройства, землепользования и взаимоотношений с казахским населением). Алматы, 2001. 134 с.
10. Бобылев Д.В. Подготовка казачьих офицерских кадров в России в системе военного образования во второй половине XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Оренбург, 2010. 218 с.
11. Брезье Ив. Казаки. Исторический очерк. М.: Воениздат, 1992. 235 с.
12. Бурда Э.В. Терское казачество в системе российского управления со второй половины XVIII до конца XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нальчик, 2006. 208 с.
13. Великая Н.Н. Терское казачье войско во второй половине XIX – начале XX вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С.231–242.
14. Волвенко А.А. Д.А.Милютин и казачество // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. №40(2). С.398–411.
15. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М.: Студия «ТРИТЭ», Рос. Архив, 1999. 558 с.
16. Гатин М.С. Проблема происхождения казачества в современной немецкой историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. №8. Казань, 2016. С.100–102.
17. Годова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Оренбург, 2005. 252 с.
18. Голик А.А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851–1917 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2015. 209 с.
19. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т.1. 211 с.
20. Донские казаки в прошлом и настоящем. Под общ. ред. Ю.Г.Волкова. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1998. 504 с.

21. Дубовиков А.М. Уральское казачество и его роль в системе Российской государственности (середина XVIII – XIX вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2006. 62 с.
22. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: Издательство Московского университета, 1952. 375 с.
23. Ивченко И.В. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С.13–31.
24. История казачества азиатской России. Вторая половина XIX – начало XX века. Екатеринбург: НИСО Уро РАН, 1995. Т.1–3.
25. История кубанского казачества. Под ред. В.Н.Ратушняка. Краснодар: Традиция, 2013. 416 с.
26. Казачий Дон: Очерки истории. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского облИУУ, 1995. Ч.1. 192 с.
27. Керсновский А.А. История русской армии. М., 1993. Т.2. 720 с.
28. Колупаев Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX века. 1850–1900 гг.; социально–экономическое развитие. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Иркутск, 2011. 33 с.
29. Кольчев С.В. Военно-гражданские реформы Александра II в уральском казачьем войске в 1874–1877 гг. и их последствия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. 215 с.
30. Королев В.Н. Старые Вешки. Ростов-на-Дону, 1991. 461 с.
31. Коршиков Н.С. Своевременные советы из прошлого // Дон. 1995. №5. С.29–52.
32. Краковский К.П. Судебная реформа в Земле Войска Донского. Диссертация на соискание степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 1981. 221 с.
33. Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60–90-е гг. XIX в. Грозный, 1973. 318 с.
34. Критический словарь русской революции, 1914–1921 / Сост.: Э.Актон, У.Г.Розенберг, В.Черняев. СПб., Нестор-История, 2014. 768 с.
35. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар: Кубань-кино, 2003. 216 с.
36. Мальцев В.Н. Административные реформы в казачьих областях Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С.94–106.
37. Матющенко П.П. Казачий вопрос в аграрной политике царизма // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 259–281.
38. Махрова Т.К. Взаимоотношения казачества и государственной власти в XVIII – начале XX вв. (на материалах Оренбургского и Уральского казачьих войск). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Челябинск, 2003. 47 с.
39. Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2007. 270 с.
40. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 274 с.
41. Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 623 с.

42. Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 2014. 25 с.
43. Перетяцько А.Ю. «Европейские казаки» в XVI–XVII вв.: феномен иррегулярности от Адриатики до Урала. Часть 1–2 // Военный сборник. 2015. №2(8). С.104–118; №4(10). С.182–201.
44. Перетяцько А.Ю. Формирование казачьей идентичности во второй половине XIX века: ранняя стадия национального движения по схеме Мирослава Хроха // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2015. №10. С.122–124.
45. Самарина Н.В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914 гг.). Отв. ред. Е.И.Демешина. Ростов-на-Дону, 1992. 155 с.
46. Самарина Н.В. Реформы 60–70-х гг. XIX в. на Дону и казачество // Юго-Восток России в XIX – начале XX в. Ростов н/Д, 1994. С.38–49.
47. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 130 с.
48. Соболев М.М. Обзор и анализ публикаций по историографии казачества в России (2010–2014) // Вестник учебно-методического объединения по образованию в области природообустройства и водопользования, 2014. №6(6). С.261–283.
49. Соклаков А.Ю. Комплектование казачьих формирований и порядок службы казаков Российской империи в XIX – начале XX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. 25 с.
50. Тикиджьян Р.Г. «Великие реформы» императора Александра II «Освободителя» 1860–1870-х годов на Дону и проблемы трансформации казачьего сословия // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг. Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2013. Вып.12. Ч.1. С.203–213.
51. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Lambert Academic Publishing, 2013. 228 с.
52. Тикиджьян Р.Г. Донской кодификационный комитет // Донской временник. 2014. Вып.23. С.95–98.
53. Тоекава Коити. Оренбург и оренбургское казачество во времена восстания Пугачева 1773–1774 гг. – М.: Археогр. центр, 1996. 248 с.
54. Топчий А.Т. Поземельное устройство казаков Сибирского казачьего войска после 1861 г. // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып.13. С.134–160.
55. Топчий А.Т. Реорганизация управления Сибирским казачьим войском на основаниях реформы 1861 г. // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып.18. С.87–99.
56. Топчий А.Т. Реформы в казачьих войсках Сибири во II пол. XIX – нач. XX веков // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (История, язык, культура): Сборник материалов международной научно-практической конференции. Тюмень, 2009. С.173–182.
57. Удо Г. История казачества в германоязычной литературе // Вестн. МГУ. 1993. №1. С.69–76. (Сер.8. История).
58. Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма 60-е середина 90-х годов XIX века: Очерки из истории Юга России. Ростов-на-Дону, 1962. 331 с.

59. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С.121–127.
60. Чжан Сяолин. К вопросу об исследованиях российского казачества в Китае // *Вестник ТвГУ. Серия «История»*. 2014. №4. С.142–154.
61. Шейн О'Рурк. Как отработывался механизм репрессий: высылка терских казаков в 1920 году. Пер. с англ. А.В.Юрасовой // *Отечественная история*, 2008. №5. С.83–96.
62. Юрченко И.Ю. Изучение казачества в новейшей отечественной историографии, 1981–2012 гг. *Историография казачества*. М.: МГУП, 2013. Кн.2. 475 с.
63. Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий. *Историография казачества* М.: МГУП, 2013. Кн.1. 455 с.
64. Юрченко И.Ю. Французская историография феномена северокавказского казачества (по оригинальным монографиям Лесюра, Ньесселя и Жана Савана) // *В мире научных открытий*. 2013. №1(37). С.38–62.
65. Янчевский Н.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории развития колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. Ростов-на-Дону: «Сев. Кавказ», 1931. 80 с.
66. Albert Seaton. *The Cossacks*. Oxford, Osprey Publishing, 1972. 50 с.
67. Barrett, Thomas Michael. *At the edge of empire: the Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700–1860*. Oxford: Westview Press, 1999. 243 с.
68. Boeck V.J. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge University Press, 2009. 270 с.
69. Bruce Menning, *The Emergence of Military-Administrative Elite in the Don Cossack Land, 1708–1836* // *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. Edited by Walter M. Pintner and Don K. Rowney. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1980. P.130–161.
70. Carsten Goehrke. *Historische Selbstilisierung des Kosakentums: Standische Tradition als Integrationsideologie* // *Osteuropa in Geschichte und Gegenwart Festschrift für Günther Stökl zum 60. Geburtstag*. Köln-Wien, Böhlau, 1977.
71. Holquist P. *Conduct Merciless, Mass Terror: Decossackization on the Don, 1919* // *Cahiers du Monde russe*, 1997. 38: 1–2. P.12–162.
72. Holquist P. *From estate to ethnos: the changing nature of Cossack identity in the twentieth century* // *Russia at a crossroads: history, memory and political practice / The Cummings center for Russian and East European studies*; ed. N. Schleifman. London, Portland : Frank Cass.1998 P.89–123.
73. Kappeler A. *Die Kosaken. Geschichte und Legenden*. Verlag C.H.Beck oHG: München, 2013.127 с.
74. Longworth, P. *The Cossacks*. London, Sphere, 1969. 332 с.
75. Maurice Hindus. *The Cossacks*. Collins, 14 St. James's Place London, 1946. 324 с.
76. McNeal R.H. *Tsar and Cossack, 1855–1914*. London: The Macmillan Press, Ltd., 1987. 262 с.
77. Paul E. Heinemann. *Defense of an anachronism: Cossack question on the Don, 1861–1914*. Ph.D. diss. Georgetown University. Washington, 1999. 374 с.
78. Paul E. Heinemann. *The Last Cossack Rebellion? The Campaign to Implement the Zemstvo on the Don* // *Canadian–American Slavic Studies*, 2012. Vol.46, Issue 3. P.311–334.

79. Peretyatko A.Y. "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I–II // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. №45(3). С.937–948.

80. Peretyatko A.Y. "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I–II // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. №46(4). С.1401–1415.

81. Peretyatko A.Y. The Importance of "Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for this Military Service Exemptions and Privileges" of N.I.Krasnov in the Legacy of the Author, and Social-Political Life of the Don 1860 // История и историки в контексте времени, 2017. Т.15. №1. С.4–22.

82. Peter Kenez. The Ideology of the Don Cossacks in the Civil War // Russian and East European History. Selected Papers for the World Congress for Soviet and East European Studies. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984.

83. Shane O'Rourke. The Cossacks. Manchester University Press, 2007. 303 с.

84. Shane O'Rourke. Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia. New York: St. Martin's Press in association with St. Antony's College, Oxford, 2000. 200 с.

85. William P. Cresson. The Cossacks. Their History and Country. New York, Brentano's, 1919. 239 с.

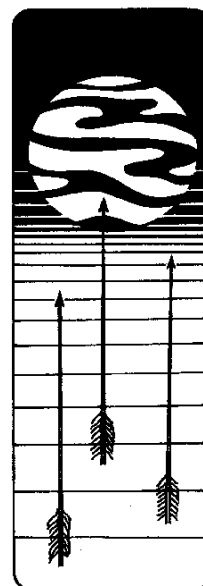
86. Wizenrath C. Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, rebellion and expansion into Siberia. London and New York: Routledge, 2007. 259 с.

Маленькое тело, обусловленное духом
и воодушевленное неугасимой верой
в свою миссию, может изменять ход
истории.

Махатма Ганди

Наше тело нуждается в кальции,
фосфоре; наш дух – в ободрении
и почете. Тело расцветает на солнце,
дух – в лучах любви.

Андре Моруа

Андрей Юрганов

**РЕЛИГИОЗНО-
ФИЛОСОФСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ДОБРА
И ЗЛА В РУССКОМ
МОДЕРНИЗМЕ**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
130.122

В статье рассматриваются основания религиозно-философской концепции модернизма. Она формировалась как персоналистская идеология, утверждавшая права личности в метафизическом плане. Добро и зло не отчуждены от личности – они производны от личности, ищущей себя в богоборчестве. Абсолютная свобода рассматривалась модернистами как высшее проявление новой религии. Но эта абсолютная свобода личности неизбежно приводила к дуализму, который создавал ситуацию перманентного выбора между двумя божественными ипостасями – добром и злом, ибо истинным злом рассматривалась «середина»: ни то ни другое. Зло пребывает в коллективном начале, в толпе, в обыденности, – именно это начало угнетает и делает несвободным человека. Драматизм «новой религии» заключался в том, что, стремясь к Единому, к Богу, модернисты выше всего ставили абсолютную свободу личности, которая не давала возможности обосновать религиозный монизм.

The author examines the basic premise of the modernism's religious and philosophical conception. This conception was formed as the personalistic ideology that maintained personal rights in the metaphysical sense. Good and evil are not alienated from a person; they are derived from a person that looks for his/her place in theomachy. Modernists considered the absolute freedom as the highest, supreme manifestation of a new religion. However, this absolute freedom of a person inevitably brought about dualism which created the situation of a permanent choice between two celestial images, the good and the evil, because the "midst" was considered to be the genuine evil; the "midst" did not represented or manifested the pure quality neither of the good nor the evil. The evil rests in the collective principle, in the mob, and it is precisely the principle that oppresses a human creature and makes him/her restricted and not free. The "new religion" dramatic effect consisted in the fact that while modernists sought for the One Whole, for the God they put the absolute freedom of a person above all else. But this freedom did not allow substantiating the religious monism.

Ключевые слова: модернизм; Серебряный век; богоборчество; религиозная философия; позитивизм; марксизм.

Key words: modernism; fin de siècle (the Silver Age); theomachy; religious philosophy; Positivism; Marxism.

E-mail: iurganov@ya.ru

Новое религиозное сознание В девятом номере журнала «Вопросы Жизни» за 1905 г. была опубликована статья Н.Бердяева «О новом религиозном сознании». В ней была развернута настоящая программа религиозного творчества в духе русского модернизма, возвещавшего о цели своего существования, преобразующей мир и личность всякого человека на новых духовных основаниях.

Важнейшим теоретическим основанием новой философии был мотив синтеза, преодоления двойственности, мотив достижения высшей полноты, которая вмещала бы в себя разные, порой противоположные полюса, «противоположные бездны» (как любили тогда говорить).

Что значит «синтез»? Любое ограничение внутреннего «Я» сверхположенной нормой ведет к несвободе, от которой старались избавиться любой ценой. Если признать, что в мировой духовной практике было религиозное откровение, которое привело к созданию норм, догматов, правил, то задачей «нового человека» становилось не послушание им, а продолжение духовного процесса откровения. Нельзя быть заложником преданного, нельзя быть послушником несвободы! Ставилась задача – ни много ни мало, «изобрести религию новую» [2, с.152].

И не потому, что старая религия не нравилась, а потому, что человек, ощутивший в себе личность, не может сознательно ограничивать свои духовные потребности: «Новое религиозное сознание есть продолжающееся откровение, вмещение большей полноты религиозной истины» [2, с.152].

Таким образом, «синтез» возникает на основе радикального расширения богопознания:

В душе нового человека перекрещиваются наслоения разных великих эпох: язычество и христианство, древний бог Пан и новый Бог, умерший на кресте, греческая красота и средневековый романтизм, Дионис, в котором образ бога языческого сливается с образом Бога христианского, и возрождение – рождение человека новой истории и жажда нового, грядущего возрождения. Новая душа раздваивается, усложняется до последнего предела, идет к какому-то кризису, желанному и страшному. Упадочники (декаденты. – *А.Ю.*) превращаются в символистов и мистиков [2, с.150].

Любое утверждение в догматике религии, не только христианской, воспринималось, как унылое воспроизведение несвободы духа, отсутствие откровения, религиозного творчества. Как сложить вместе максимальную сложность, максимальную широту, максимальную независимость в русле нового религиозного сознания?

Н.Бердяев полагал, что «роковая противоположность» между язычеством и христианством, «непримиримая вражда», является следствием самоограничения в процессе откровения, превращающая «историческую относительность в вечную распрю». Но нет и не может быть вечных противоположностей!

Это и есть суть религиозного Возрождения: принять язычество, как одно из проявлений духовного процесса откровения. Принять, не чуждаясь христианства, но вместе с ним, расширяя духовные горизонты до «последней свободы».

Отсюда – и необычный термин: «двойное возрождение»:

Характерная существенная особенность нашего, нового возрождения, что оно двойное, двойственное: возрождается, воскресает Бог христианский, и боги языческие возрождаются, воскресают. Мы переживаем не только христианский ренессанс, но и ренессанс языческий [2, с.151].

Вопрос о гнозисе едва ли не самый актуальный. Каков он в условиях нового религиозного сознания? Очевидно, что любая богословская школа, прошедшая через тернии духовного становления, окажется для модернистов, в жилах которых, как утверждал Бердяев, текли «два потока крови», исторически ограниченной и потому лишенной полноты истины.

Н.Бердяев сосредоточил свое внимание на духовной биографии Д.С.Мережковского – одного из самых заметных теоретиков русского Возрождения.

Мережковский в самом начале своего пути ощутил, мистически почувствовал, что нет спасения в том, чтобы одну бездну принять, а другую отвергнуть, что святость не на одном только полюсе, что возврата назад, к одной лишь языческой земле или к одному христианскому небу, нет. Мережковский понял, как никто, быть может, что исход из религиозной двойственности, из противоположности двух бездн – неба и земли, духа и плоти, языческой прелести мира и христианского отречения от мира – что исход этот не в одном из Двух, а в Третьем: в Трех [2, с.154].

Как соотносить языческую плотскую радость с христианской аскезой, направленной на умерщвление всего плотского, чувственного? Уступить должно христианство, потому что в новом религиозном сознании не может быть отрицания, – только утверждение, утверждение полноты бытия во всех его проявлениях: «Христианский ренессанс начнется, когда кончится отрицание, умирание, умерщвление, начнется утверждение, ликование, воскрешение» [2, с.158].

Итак, религиозный синтез возможен при радикальном расширении богопознания, а оно, в свою очередь, ничего не должно ограничивать, отрицать, умалять, умерщвлять.

Так только и возникает «полная религия».

Двойственность должна быть преодолена в высшем утверждении, а не отрицании, наше языческое возрождение, реабилитация плоти и радости земной, должны быть признаны равными по святости и божественности с возрождением христианским, тоской по небу и печалью духа. Один Бог в глубине двух противоположных бездн – лишь два полюса единого религиозного сознания, соединяющиеся в полноте откровения [2, с.160].

Но эта «полная религия» ликования, радости и воскрешения нуждалась в своей метафизике! Возникал щекотливый момент в теории: как быть с изначальной свободой личности, не приемлющей никакого внешнего насилия?

Вопрос упирался в то, что такое истинное бытие. Оно чувственное, эмпирическое, осязаемое? Нет: оно открывается только в опыте мистическом, в опыте иррациональном. Иными словами, в физических явлениях «нельзя открыть состава бытия» – это вторичный опыт; первичный опыт – это познание Тайн бытия, сокрытых от глаз, но чувственных. Если так, то метафизика строится не на рациональных доводах рассудка, а на опыте философско-критического мистицизма, особого гностического опыта познания.

При этом Бердяев и Мережковский считали спиритуалистическую метафизику исторического христианства явлением весьма ограниченным, потому что обожествление неба было «изменой» мистической плоти. Они рассматривали плоть не как материю; для них она – сама чувственность, даже культура, но не противоположность духа. «Плоть» – это «символическое понятие, она олицетворяет собой и землю вообще, и всю культуру и общественность ("тело" человечества), и всякую чувст-

венность, и половую любовь». Н.Бердяев подчеркивал: «В "плоти" этой слишком мало того, что мы в философии называем "материей", явлением физическим в противоположность психическому» [2, с.160–161].

Критика спиритуализма исторического христианства заключалась в том, что, умерщвляя «плоть», христиане посягали на «первозданную божественную стихию». Метафизика нового религиозного сознания признавала, что «"плоть" мира, чувственность, воплощенность в общест-венности и культуре земной, в любви полов, в оргийности, также нуме-нальны, метафизически изначальны, божественно-мистичны, как и "дух", как и "небо"» [2, с.163].

Грех исторического христианства был не столько в его спиритуали-стической онтологии, некомпетентной решать нашу проблему «духа» и «плоти», сколько в его дуализме, по которому «дух» был признан боже-ским, добрым, а «плоть» безбожной, злой. Но ведь может существовать философская онтология, которая совсем не будет отрицать существова-ние материи, признает физический мир лишь фиктивной условностью, и такого рода панпсихизм будет только благоприятствовать реабилитации «плоти». Корни чувственности, оргийности «плоти» заложены не в эмпи-рическом, физическом, материальном мире, корни эти трансцендентны, в бездонной глубине, на одном из полюсов «духа», если мир есть дух» [2, с.164].

Выводя «плоть» из дуалистической модели «дух–плоть», делая ее одухотворенной, Бердяев так и не преодолевал исторический дуализм христианства, поскольку оставалась неизменной оппозиция: дух – мате-рия. И материя сохраняла за собой крайне враждебные свойства [2, с.164].

Плоть сама по себе не является греховной – это важнейшее установ-ление метафизики нового религиозного сознания. Плоть имеет право утверждать себя в оргийном богатстве жизни, поскольку зло пребывает в смерти, в тлении плоти, в узости существования. Если и «побеждать плоть» усилием воли, то не то, что означает в ней бытие, а то, что в ней есть небытие, – побеждать следует смерть, а не жизнь!

...наша плоть, плоть нашего мира, испорчена, дефектна, ненормаль-на; не потому, что плоть греховна в своей сущности, является началом злым и должна быть умерщвлена, а потому, что она умирает, тлеет, болеет и страдает, она не вечная и не свободная и должна преобразить-

ся, воскреснуть. Из этого нужно исходить при обсуждении старого и вечно нового вопроса об аскетизме. Не в плоти проклятие человечества, его древняя испорченность, а в смерти, не в свободной жизни ее греховность, а в рабской скованности и ограниченности. Ненормальность плоти не в оргийном богатстве жизни, а в бедности, узости и конечности жизни плоти. И религия, сознавшая трагедию мировой плоти, борется не с плотью, а с тлением плоти, не с оргийной полнотой жизни, а со смертью, узостью, подменой целого частью. Победить нужно в плоти не то, что в ней – бытие, а то, что в ней – небытие, не оживание, а умирание, не утверждение победить, а отрицание [2, с.165].

Оргиазм – совсем не извращение плоти, как можно было бы подумать. Н.Бердяев видел в оргиазме «трагический избыток жизни, столь мало знакомый нашей бесцветной и умеренной рационалистической культуре, аскетической и развратной (это всегда вместе)» [2, 165]. Оргиазм связан с «конечной религиозной целью – утверждением полноты бытия, слиянием с Первоисточником всякой жизни» [2, с.166].

Христианско-языческий ренессанс возможен на путях соединения культа Диониса с культом Христа [2, с.167]. Проблема заключается в том, что не плоть и дух сами по себе (механически) соединяются, – нет: утверждается абсолютная свобода личности, которая и есть воплощенный «дух» и воплощенная «духовная плоть» [2, с.167].

Оправдание плотского начала в жизни вело к оправданию и половой жизни как значимой, вопреки мещанским предрассудкам. Интенсивность бытия прямо связана с интимной стороной жизни человека. Эрос стал для исторического христианства темой почти запретной. В метафизику нового религиозного сознания должно войти эротическое начало, как важнейшее.

Половая любовь существует вне религии, не освящена, оставлена на произвол судьбы. Религиозный по старому человек неизбежно оскверняет любимую женщину и сам оскверняется, так как всякое сладострастие считает падением, слабостью, проклятием человечества [2, с.169].

По мнению Н.Бердяева, мораль «должна быть свергнута новым религиозным возрождением, по существу своему сверхморальным» [2, с.170]. Раз уж появился новый человек, претендующий на сверхличное, то логично выводить отсюда и сверхморальное его состояние.

Н.А.Бердяев не только соглашался с Мережковским, но и укорял его за недостаточный радикализм: в истории отлучения Толстого от церкви он занял позицию человека, говорящего «не своим голосом, не своими словами», пытающегося «искусственно связать себя с исторической церковью, с государственным телом России». Мережковский вдруг стал «бояться ересей, хотя страх этот ему не к лицу» [2, с.174]. Особенно сбивался он с верного пути, когда, по мнению Бердяева, «начал реставрировать старое славянофильское учение о государстве, когда чужим голосом пробовал говорить о мистической власти, когда пытался оживить исторический труп» [2, с.174]. Бердяев удивлялся, как мог Мережковский не осознавать (хотя «теперь, по-видимому, начинает сознавать»), что «государство, царство есть одно из искушений дьявольских, что всякая власть земная, всякий князь мира этого не от Бога, а от лукавого» [2, с.174].

В метафизику нового религиозного сознания включалось полное неприятие государства, власти, поскольку новая общественность может и должна быть утверждена «в свободном религиозном союзе», – в нем не может быть насилия: «Чувство личности, столь важное для всей религии Мережковского, он не сумел перенести в политику» [2, с.175].

Анархия, духовный союз, безгосударственное состояние – это идеал новой религиозной общественности:

Общественность может быть утверждена не на началах государственных, отношениях властвования, а на новых и вечных мистически свободных началах, подобно тому как возможно утверждение любви не в союзе семейном, а вне его, в мистически-свободном союзе. Не должна ли быть свободная любовь, безмерная свобода в Боге, единственной основой нового общественного и полового союза? [2, с.176].

Зато позитивисты из марксистского лагеря никогда не отказывались и не отказываются от соблазна государственности. Они хотят «устроить жизнь на земле, безумно боятся хаоса и не знают, во имя чего отвергнуть соблазн власти земной» [2, с.176]. Им чуждо «гордое восстание личности».

В метафизику нового религиозного сознания закладывалась идея «мистического безвластия»:

Когда в политических идеологиях власти, всякой власти, монархической или народной, всякой воли людской (*что-то. – А.Ю.*) начинает заме-

няться идеей абсолютных прав, вечных ценностей всяких свобод, господства блага сверхъестественного, стоящего над случайной волей человеческой, то тем самым расчищается почва для идеи вселенской теократии, для мистического безвластия [2, с.177].

Бердяев нашел в себе силы выразить глубокий протест против Церкви, против ее исторической обусловленности, против ее внутренней несвободы, против лицемерия, ханжества, духовного попустительства; в этом протесте он дошел до радикальных суждений, согласно которым духовное спасение обретут не скучные служители исторического христианства, а одинокие богоборцы: Леонардо да Винчи, Гете, Ницше! [2, с.178].

Магический круг мистической церкви не совпадает ни с какой исторической церковью, ни с какими относительными человеческими установлениями [2, с.178].

Марксизм вызывал протест, потому что он был тоже религиозен, – считал Бердяев, – в нем просвечивает «примитивная эсхатология, невольное понимание социалистического общества как конца истории, как начала какого-то иного, сверхисторического процесса» [2, с.180].

Как же быть с «догматикой» в новой метафизике нового религиозного сознания?

Предлагалось исходить из того, что «пророчества свободны, открываются в новом мистическом опыте»: в «этом великая радость, но и великая мука». Суть догматики – в абсолютной свободе пророчеств; иными словами, догматична абсолютная свобода личности («в Христе – все дозволено»).

Эта позиция устраивала только декадентов (бескомпромиссных индивидуалистов). В русском обществе, как отмечал Бердяев, прибегая к парафразу, бродит «призрак догматической мертвечины».

Позитивисты, социалисты и т. п. думают, что люди будут счастливее, спокойнее, удовлетвореннее, блаженнее, когда не будут уже такими внешне несвободными, голодными, неустроенными. Это и есть самая коренная ложь. Люди будут в тысячу раз несчастнее, когда сознание их не будет отвлечено внешним гнетом и неустройством от самых страшных вопросов бытия [2, с.183].

Добро и зло

Но самый трудный вопрос новой метафизики заключался в том, что необходимо было выразить концептуальное отношение к тому, что есть зло и что есть добро.

Согласно традиционной религии, свобода человека, дарованная ему Богом, была ошибочно использована Адамом вопреки запрету не вкушать запретного райского плода. Свободная воля человека явилась источником грехопадения. Хотя сама она не имеет в своей природе никакого изъяна, так как является чистейшим даром Божьим.

Как же мыслили деятели русского Ренессанса отношение добра и зла в новой установке на оправдание любой свободы личности как основополагающей в новом религиозном сознании?

Где же и в чем зло?

Н.А.Бердяев признался, что вопрос о происхождении зла – «самый трудный, страшный и роковой для будущего всякой религии», он может быть решен в двух направлениях – монистическом и дуалистическом: «Или дьявол есть жалкая тварь, поднявшая раздор между Богом и миром во имя небытия, так как никакого бытия он утвердить не может, тогда в нем нет никакой бездны, а лишь середина, и в демонизме нет ничего соблазнительного. Или дьявол – самобытное, предмирное, несотворенное начало, и тогда мы приходим к дуалистическому учению о двух вечных царствах, предстоящих нашему выбору» [2, с.185].

Что же верно?

Мережковский «не решил еще этой проблемы» ...

В устах Бердяева при этом прозвучало: «соблазнительное дуалистическое учение». К нему склонялись. Может быть, не без трепета, не без ощущения коренной ошибки, но склонялись: «Свобода есть божественный дар, но для оправдания смысла свободы необходимо зло» [2, с.186].

Впрочем... нет ли тут «еще какой-то тайны?» – вопрошал Бердяев.

Мережковский тоже склонялся к дуализму.

Его размышления на эту тему почему-то всегда оказывались на пути, ведущему к признанию двух божественных начал.

Две полярные бездны, но это не Бог и дьявол, не доброе и злое начало, а два «равно святых, равно – божественных начала, примиряемых в Троичности» [2, с.187].

Троица – это две равные божественные ипостаси: Добро и Зло. Они соединяются общим элементом, третьей равной им ипостасью – Святым

Духом. Иными словами, Бог един в божественных началах Добра и Зла, объединенных Святым Духом.

Как ни старались декаденты преодолеть дуализм – ничего у них не выходило: зло онтологично, предмирно почти всюду в их поэзии...

Вне Троичности, вмещающей в себя безмерную полноту бытия, «остается дух небытия», – что же это такое?

Это всякая «середина», всякая людская пошлость. Иначе говоря, зло – это отсутствие «полного» бытия.

Как они его понимали, в оргийном смысле.

Д.С.Мережковский опубликовал в журнале «Вопросы Жизни» [7] ответ: «О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А.Бердяеву)».

Он признал свою ошибку, на которую указал Бердяев, в славяно-фильском оправдании государственной власти. Теперь он определил, что «"христианское государство" – чудовищный абсурд», поскольку христианство – «религия Богочеловечества», а «в основе всякой государственности заложена более или менее сознательная религия Человекобожества» [7, с.362].

Церковь – не старая, историческая, всегда подчиняемая государству или превращаемая в государство, а новая, вечная, истинная вселенская Церковь так же противоположна государству, как абсолютная истина противоположна абсолютной лжи, царство Божие – царству дьявола, теократия – демонократии. «Всякая власть от Бога», – это значит, что человеческая, только человеческая власть – не власть, а насилие, не от Бога, а от дьявола. Отношение Церкви Грядущей, Теократии к земной человеческой власти может быть выражено словом «безвластие», «анархия» – весьма несовершенно, не потому что слово это чрезмерно, а потому что оно недостаточно выражает силу отрицания власти, заключенную в идее теократической общины... [7, с.362–363].

Теократия не только отрицает всякую власть человеческую, но и утверждает власть Божью, которая лишь извне кажется властью, а «внутри есть беспредельная свобода в любви» [7, с.363]. В царстве Божьем – все цари, все господа, «а единый царь царствующих и Господь всех господствующих – сам Христос». Поэтому теократическое вневластие «страшнее, убийственнее для государства, чем всякая политическая "анархия"» [7, с.363].

Д.С.Мережковский объяснил, почему он заблуждался в отношении к государству. Он увлекся личинами (но не лицами), тремя подобиями (но не сущностями). Первое из них – подобие разума: «насилие власти оправдывается разумною необходимостью», т.е. насилие во имя порядка признается «меньшим злом» (или благом по сравнению с насилием). Второе подобие – свободы: «внутренняя личная свобода каждого ограничивается и определяется внешнею общею свободой всех». И в первом, и во втором подобиях – свобода «нечто отрицательное, как свобода от чего-нибудь, а не свобода для чего-нибудь». И третье подобие – любви: дьявол учит людей «жертвовать личной свободой всеобщему братству и равенству» [7, с.363–364].

Чтобы обличить все три подобия, мало знать истину, надо быть в ней, полагал Мережковский.

Он де факто повторил некоторые важнейшие тезисы Бердяева, показав тем самым, насколько прочными были типичные объяснения в конвенции «русский Ренессанс».

Историческое христианство, приняв новую заповедь как старую, любовь как дело личного, одинокого, а не общественного, вселенского спасения, не могло принять и новую власть Христа как живую, не только небесную, но и земную реальность; вознесло эту власть в область идеальных и, в сущности, праздных отвлеченностей, а в области земных общественных реальностей признало за власть, идущую от Бога, власть, идущую от дьявола, – государственное насилие, как будто усомнившись в этом обетовании нашего Единого Царя и Первосвященника [7, с.365].

Что же вышло?

...получилась безобразно-нелепая, кощунственная химера – «христианское государство», «православное царство». Но химера стала страшною реальностью. А новая любовь, новая власть Христова все еще – неоткрытая тайна, несотворившееся чудо [7, с.365].

Не свобода прежде любви, а любовь прежде свободы – таков постулат Мережковского. В нем заключена природа мистического анархизма: «Будьте свободны и познаете истину – это обман человекобожества. Познайте истину – любовь – и будете свободными – это истина Богочеловечества. То, что называют безвластием, анархией, колеблется между этим обманом и этою истиною» [7, с.365].

Мережковский был полностью согласен с Бердяевым в понимании зла – оно в пошлости, в плоскости, в «вечной середине», в «духе небытия».

Еще в первом номере журнала «Новый Путь» за 1903 г. он начал публикацию своей большой работы под названием «Судьба Гоголя», в которой черт определялся как нуменальная середина сущего, как «отрицание всех глубин и вершин»: «Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление "бесмертной пошлости людской", созерцаемое за всеми условиями местными и временными – историческими, народными, государственными, общественными, – явление безусловного, вечного и всемирного зла...» [8, с.38]. Д.С.Мережковский полагал, что «Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилии, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом» [8, с.38]. Гоголь увидел лицо черта в лице толпы – «это почти наше собственное лицо в те минуты, когда мы смеем быть сами собою» [8, с.39]. Городничий спрашивает почтмейстера о Хлестакове: «Что же он по вашему такое!» – и получает ответ, который, по мнению Мережковского, передает смысл этого образа: это не просто жалкий плут, это не случайный человек, обдуривший многоопытных провинциальных господ, – это олицетворение зла в его подлинном виде – в виде ничтожества. «"Ни се, ни то; черт знает что такое!", – нечаянно определяет Почтмейстер самую внутреннюю мистическую сущность духа Вечной Середины. Если бы не умчался Хлестаков на тройке своей, не рассеялся призраком в им же напущенном "тумане", то Городничий мог бы спросить его, как в другой комедии Гоголя спрашивает плут плута: "Да ты кто? Черт ты? Говори, кто ты?"» [8, с.50–51]...

Пошлость хочет казаться единственным бытием, претендуя на абсолютную значимость, но обнаруживается во лжи. Философия зла, писал Мережковский в «Открытом письме» Бердяеву, тесно связана с отношением к государству:

Современное государство есть мещанство; окончательно победившее, воцарившееся мещанство есть хамство. Ежели Бог – абсолютная свобода, то диавол – абсолютное рабство. Раб, который стал на место Божье, на место Царя царствующих, и есть последний величайший Хам [7, с.368].

В четвертом номере журнала «Новый Путь» за 1904 г. были опубликованы статья Ю.Череды «О пошлости» и отклик Зинаиды Гиппиус (под псевдонимом Антон Крайний) «Еще о пошлости». Она обозрела все преисподние этого явления русской жизни:

Пошлость есть нарушение первого условия бытия – движения. И мы не только не можем и не должны любить «пошлость», но и самое приближение к ней нас страшит; «оттуда» веет тяжелым холодом, как из погреба <...> «Пошлость» – внемирна, это как бы черные дыры, провалы; впадешь – смертью умрешь <...> Нас предупреждает холодное дыханье «оттуда», но не все мы чутки. Достоевский чуял холод провалов мира, как никто. Он так и называл пошлость – чертом, т.е. противомирным началом в мире же, вечно стремящимся в мир, чтобы в самом сердце его бороться с ним, с его движением вперед, с его жизнью... Косность, пошлость сковала подвижные мелкие камешки в одном давнишнем узоре, и он ненавистен человеку, понявшему, что узор этот – прошлое. Тому, кто подвинулся дальше в понимании, ведущем к последней любви, в «раю». И узор жизни противен ему, и мелочи жизни, ее условия отравлены для него. Он ненавидит их, как ее всю, ненавидит себя же, ибо он в ней, а она в нем, и... может быть, это святая ненависть; момент этой ненависти нужен, и от силы ее зависит все дальнейшее [1, с.239–240].

Что тогда есть «дьявол» для модернистов?

Мережковский так определял его в своем «Открытом письме»:

...дьявол – насколько нам дано судить о нем в явлениях, – а большего нам не дано или пока не дано, – и есть такая зеркальная, ложная, плоская глубина, плоская бездна. Так называемое «величие» дьявола, демона, Люцифера и есть отраженное величие Божье, ложное подобие Лица Божьего. В этом ложном подобии заключается бесконечный со-блазн дьявола [7, с.369].

Он упрекал Бердяева в том, что тот отказывался от Единого и склонялся к дуализму Добра и Зла, но не говорил, как избежать дуализма.

Прав был Бердяев: «Мережковский не решил еще этой проблемы».

Непобежденного дуализма...

Или – непобедимого?

Величайший соблазн демонизма – непобежденный дуализм, двойственность (диавол равный Богу, два Бога) кощунственно раскалывает, раздваивает и удваивает Божественное Единство Троицы [7, с.374].

Г.И.Чулков предчувствовал, что религиозные идеи мистического анархизма, при всей их одухотворенной возвышенности, больно ударят по оппонентам и они сочтут их враждебными в предпосылке объяснения, а именно: в полном отрицании мещанства как положительного мироустройства. Он опубликовал «Критические заметки», в которых прозвучала такая мысль:

Нетрудно предсказать, что в недалеком будущем, когда господа журналисты ближе ознакомятся с проповедью мистического анархизма и уразумеют общественно-политический смысл нового религиозного движения, все они – все эти либералы, консерваторы, представители официальной церкви, народники, марксисты, – все займут одинаково враждебную позицию против проповедников конечного безвластия... А пока они смутно чувствуют для себя опасность в «новом искусстве», смутно понимают, что в нем звучат тревожные ноты, которые грозят нарушить сонный покой мещанского общества [9, с.213].

Никакой самостоятельной философии, отделенной от богословия, деятели русского ренессанса не создавали. Философия для них не служанка богословия, она нужна, чтобы философски (т. е. свободно) рассматривать проблемы богопознания. Философия не сливалась с религией, потому что она исследует вопросы, которые не всегда попадают в поле зрения религии. Расширение личности до вселенских масштабов требовало и соответствующих инструментов познания.

Новое религиозное сознание создавало свою философскую мысль. У нее были свои предпосылки объяснения, из которых производилась вся мыслительная деятельность. Одна из таких предпосылок – признание автономии личности как принципа рассмотрения любой другой мировоззренческой актуальности.

Вопросы жизни

Важнейшая из тем религиозной философии – толкование действительности, мира людей, их привычек и обыденности, которые в метафизике Ренессанса были олицетворением

зла, злой природы «середины», пошлости.

Словом, буквально: Вопросы Жизни.

Во втором номере журнала «Вопросы Жизни» за 1905 г. вышла статья С.Булгакова «Без плана» – по сути это обзор деятельности журнала, некая саморефлексия на тему названия журнала. Булгаков признавал, что Жизнь может быть наполнена разным содержанием. Его интересовала Жизнь в ницшеанском смысле – как идеальная задача. Поэтому философская мысль не могла отделить себя от религиозного сознания. Жизнь как задача вела к обсуждению проблем должного в ней, достоинства человека и человечества. Философская и религиозная мысль соединялись здесь, не чувствуя никакого противоречия в подходах. Их объединяла мистика – религиозная и философская. Ибо Жизнь для них – прежде всего неразгаданная Тайна. Что враждебно их философско-религиозному подходу к раскрытию мистических оснований жизни человечества? Любая отвлеченность: будь то материалистическая или спиритуалистическая. Отвлеченность объективистского толка: дескать, есть жизнь вообще, что о ней говорить? Схоластика убивает живой интерес личности к самой себе.

Надлежит одинаково держать в памяти как ту истину, что не одним хлебом живет человек, так и ту, что он не может жить без хлеба. И если справедливо, что нет сил, способных сковать свободный человеческий дух, то одинаково справедливо и то, что цели политического и экономического рабства душат мысль и вызывают духовный паралич [4, с.350].

Это сказано о философско-религиозной программе журнала. Общее мнение, которое никто не пытался оспаривать: «Так жить нельзя!». Ненависть к насилию, к бюрократии велика, как никогда прежде.

В области политической мы отстаиваем программу радикально-демократическую, в области же социальной политики – социалистическую, хотя и не в доктринальном, а в более широком смысле этого слова. <...> По своим теоретическим основаниям утверждаясь на предпосылках «идеализма», в практической разработке наша программа стремится к вполне реалистической точке зрения, определяясь как идеал-реалистическая [4, с.351].

Философско-религиозный синтез ведет к постановке великой задачи для России – к осуществлению культурного ренессанса.

...ставится великая задача духовного оздоровления нашего отечества, культурного ренессанса. Будем откровенны. Господство новейшей татарщины, бюрократический произвол и вся совокупность политических условий развития нашей родины не могли не привести к тому, что мы идем, особенно за последнее время, к культурному огрублению [4, с.351–352].

Порабощение политическое, ставшее в России доминирующим, привело к утрате не только внешней свободы людей, но и внутренней: «...этим, прежде всего, следует объяснить те чудовищные по жесточенности и нередко безобразные, по содержанию фракционной распри, которые раздирают нашу боевую интеллигенцию...» [4, с.354].

Чем опасна эта борьба, казалось бы, необходимая для России? Прежде всего, тем, что любая борьба с произволом ведет к тому, что общество может стать похожим на государство – может стать не менее жестоким поработителем личности. «Гонимые незаметно для себя иногда усваивают некоторые черты психологии своих врагов», – писал Булгаков.

По его мнению, больше всего от общественно-полицейского произвола досталось... философии:

Случилось так, что свидетельство полицейской благонадежности получили самые элементарные и пред лицом философского мышления давно уже несостоятельные теории материализма и наивного позитивизма. Все остальное было объявлено реакционным (нужно ли напоминать недавние примеры «критики» «Проблем идеализма» и т.п.) и лишено права на легальное существование. На философию объявлено было гонение [4, с.354].

Желание духовной свободы было так велико, что даже борьба за свободу духовной жизни казалась подозрительной именно тем, что она в конечном счете могла стать источником нового произвола.

Журнал наш не будет посвящен, по крайней мере, в настоящее время пропаганде какой-нибудь одной определенной философской или эстетической доктрины [4, с.353].

Естественный вопрос – как же быть с философией марксизма? – решался Булгаковым просто: «Не будем скрывать, что философия и идеа-

листическая философия представляют для нас синонимы; мы считаем это даже не личным мнением, а существом самого дела» [4, с.353].

Философско-религиозное сознание русского ренессанса самоопределялось в бескомпромиссной критике позитивизма, объективизма, утилитаризма. Иначе и быть не могло: чтобы чем-то быть, нужно знать свои границы...

Во втором номере журнала «Вопросы Жизни» за 1905 г. был опубликован «Дневник публициста» Николая Бердяева, в котором комментировалась книга Ф.Энгельса «Анти-Дюринг» – одна из главных теоретических книг марксизма: «Она является почти единственным источником догматической части марксистского богословия» [3, с.369].

Основная установка в критике марксизма заключалась в признании того, что марксизм – тоже религиозное сознание, но неприемлемое для модернистов, которые иначе, чем марксисты, ощущают Вопросы Жизни:

Книга эта устарела во всех своих частях и не стоит на высоте современного состояния науки и философии, не соответствует современной социальной действительности, грубо противоречит современным настроениям и исканиям. Наше новое «бытие» должно породить и новое «сознание», уже во имя основ марксистского катехизиса нужно было бы признать ее устарелость [3, с.369].

Каковы же философские расхождения двух типов религиозного сознания?

Для Бердяева существенно было определить свое отношение к диалектическому материализму – гносеологической вершине марксизма.

Я не предлагаю опровергать эту примитивную гносеологию, ведь никто же не станет ее сейчас защищать в таком оголенном виде. Но очень важно указать на основное противоречие диалектического материализма, которое недостаточно выдвигалось критиками, между тем как именно тут рушатся философские основы марксизма. Диалектический материализм представляет собою логически нелепое сочетание понятий, так как в сочетании этом заключена просто чудовищная логизация материи. Ультраэмпирическая, реалистическая и материалистическая теория познания оказывается вместе с тем и ультрарационалистической, так как основывается на непостижимой вере в разумность материального мирового процесса, вере в материальный, вещественный логос. Но рациона-

листический материализм, логика материи – это гораздо хуже, чем деревянное железо или черная белизна [3, с.370].

Иными словами, «диалектика» есть идеально-логический процесс, происходящий только в Логосе, но не в материи. Еще точнее – в Духе, а не в мертвом теле. Диалектическим мировой процесс возможен только в том случае, если признать тождество бытия и мышления, «когда бытие понимается как идея, как Логос» [3, с.371].

...кто из сторонников диалектического материализма пробовал доказать то недоказуемое и нелепое положение, что в материи, которая создает мышление, создает сам разум, есть внутренняя логика, есть разумность, в силу которой материальные процессы диалектичны, т.е. могут быть отождествлены с логическим течением идей? [3, с.371].

Н.А.Бердяев нашел «роковой вопрос» для всякого позитивистического эмпиризма, для всякого материализма: «Чем гарантируется разумность опыта, делающая мир закономерным, на чем зиждется уверенность, что в опыте не будет нам дано что-нибудь необычайное, переходящее все пределы?» [3, с.371].

Если проще: диалектический материализм именно верит, что «в веществе мира есть разум, на который можно положиться, как на каменную гору» [3, с.372].

Марксизм верит, что основа мира и исторического процесса едина, что вся множественность подчинена этой единой основе и из нее выводится, что все индивидуальное призрачно [3, с.372].

Разумность материи, разумность процесса (в том числе исторического) исключают всякое индивидуальное начало, превращая его в иллюзию.

Н.А.Бердяев подчеркивал, что он тоже верит в разум, но он категорически отрицает рациональность опыта и бытия.

В этих рассуждениях о разумности и иррациональности бытия обнаруживается и разное религиозно-философское понимание свободы.

Свобода есть продукт необходимости, есть сознанная (*так!* – А.Ю.) необходимость. Это опять материализованное гегельянство. Свобода – продукт материального социального развития и вместе с тем результат

торжества сознания, разума. Как постигнуть тайну превращения необходимости в свободу, если не было даже потенции свободы, каким чудом материя создает дух? Не только марксизм, но и позитивистический эволюционизм приказывают этому верить [3, с.374–375].

Механический идеал знания был чужд не только Бердяеву и всем тем, кто был причастен к модернистскому движению. Бердяев уверенно написал в своем «Дневнике», что в настоящее время наметилась борьба двух типов мирозерцания – «количественного» и «качественного», монизма и индивидуализма:

Уже существует сильное движение против дарвинизма, потому что дарвинизм упустил из виду внутренний творческий момент развития. Вообще теперь намечается борьба двух типов мирозерцания, количественного и качественного, и в борьбе этой мы решительно становимся на сторону качественного мирозерцания. Наряду с тенденцией монистической, которая пыталась единодержавно властвовать, пробивается тенденция плюралистическая, которой, может быть, принадлежит будущее и в науке, и в философии, после того как она освободится от некоторых грехов рационализма [3, с.375–376].

Это был вопрос о природе знания. Материализм уповал на единство (монизм) неодушевленных элементов развития (процесс), которое, однако, порождает (чудесным образом) смысл развития. Бердяев же уповал на индивидуальное начало в познании и развитии – на монады, которые существуют изначально и конституируют мир как мир индивидуальностей, мир качества, а не количества.

Опыт ведь плюралистичен, и нам, может быть, нужно построить новый идеал знания, теснее сближающий нас с живым и индивидуальным. И когда исчезнет условная ложь монизма, тогда станет ясно, что качество не может быть создано количеством, что качества изначально и неразложимы и что только из комбинаций качественных монад создается мир и его развитие. Аргументы Энгельса поражают своей бедностью. Откуда, в самом деле, взяли, что мир монистичен, что в основе его лежит качественно единое, порождающее из себя разные качества путем количественных комбинаций? [3, с.376].

Но наиболее существенное расхождение двух мирозозерцаний – в понимании прав личности. Для марксистов сверхзначимым был процесс, линейный, монистический, надличный; для Бердяева и других участников модернистского движения – права личности восходили к идеалу безвластия, к мистической анархии.

В книге Энгельса «Анти-Дюринг», по мнению Бердяева, отвергалась важнейшая добродетель в Вопросах Жизни – «самоценность прав личности» [3, с.379].

О религии человекобожества у одного из главных идейных предшественников марксизма, Л.Фейербаха, писал С.Булгаков в двенадцатом номере «Вопросов Жизни» (окончание статьи). Речь, в частности, шла о природе антропоморфизма: «То, что называется при этом антропоморфизмом, есть на самом деле единственно возможное и доступное для человека, человеческое познание о Боге» [6, с.80]. Булгаков высказался весьма созвучно тому, о чем писал Бердяев, критикуя марксизм за увлечение «количеством», но не «качеством». Булгаков уточнил: такое количественное отношение (=механистическое) возможно потому, что у материализма нет масштаба большего, чем атеизм.

Атеистическая тенденция стала «язвой современной культуры». Но исходный мотив в этой тенденции – стремление культуры к демократизму, к обожествлению не столько толпы, сколько ее атеизма [6, с.80].

Отношение к Истине со стороны Фейербаха показательное. Для немецкого философа важно было подчеркнуть, что истина – это «сознание рода». Род первичнее всякого индивида, род – это целое, реальное существо, более реальное, чем индивид. В первой части своей статьи, опубликованной в сводном номере за октябрь–ноябрь 1905 г., Булгаков подчеркивал, что для Фейербаха «человеческий род есть бог для отдельного человека, вид есть бог для индивида» [5, с.253]. Человечество – тоже бог. А богом для человека является глава государства. Фейербах обожествил человеческий род («в роде весь закон и все пороки»). Но самой существенной точкой расхождения стало утверждение (принятое марксизмом в качестве безоговорочной истины), согласно которому «истина существует не в мышлении» [5, с.261]. Истина имеет надличный характер, она соответствует масштабу рода: «Истинно то, что согласно с существом рода, ложно то, что ему противоречит. Другого закона истины не существует» [5, с.261].

Это было самое слабое звено в его философии, но самое важное место в философии марксизма:

Фейербах сам, однако, отшатывается от выводов, проистекающих из прямолинейного и решительного применения этого тезиса, по которому выходит, что прав не Сократ, а его судьи, не Коперник, а судивший его трибунал, не всякий новатор и революционер, но косная и темная толпа [5, с.262].

Фейербах шел еще дальше: «В роде не только истина, но и добро» [5, с.262]. Булгаков так это комментировал:

...для рода как абсолюта недостаточно быть «предметной совестью», т.е. субъективным возбудителем добра – это положение само по себе мало характерно для религии человечества, – ему надо быть объективным добром, воплощением сущего добра. Абсолют так уж абсолют, ему принадлежит, следовательно, в качестве неотъемлемого атрибута и святость. Сумма состоит из всех слагаемых, а род из всех индивидов, значит в коллективной святости участвую и я со всеми несмыаемыми пятнами, которые только знает моя совесть, и Мессалина, и Калигула, и Борджиа, и Плеве, и чеховские «нудные», серые люди... Вот твой бог, пади ниц и молись, молись самому себе, молись Мессалине, молись Плеве, молись Ионычу. Это роковой для Фейербаха и для всякой религии человечества вопрос: куда же деть всю слабость и всю порочность нового бога [5, с.263].

С.Булгаков нашел в философии Фейербаха ключевой тезис, принятие которого гарантирует веру в его учение, неприятие тезиса означает отвержение всего философского учения материализма. Мысль о совершенстве человека сводилась Фейербахом к тому, что «люди только в совокупности составляют человека, только вместе суть они то, чем должен быть человек». Л.Фейербах писал: «В моральном отношении люди восполняют друг друга, так что взятые вместе в целом они таковые, какими должны быть, представляют совершенного человека» [5, с.264].

В чем же суть тезиса, из которого производятся все элементы учения? Булгаков писал: «Таким образом, для получения совершенного человека Фейербах предлагает брать алгебраическую сумму добродетелей и пороков» [5, с.264]. Иными словами, у Фейербаха «несовершенство индивида поглощается в роде, сумма больше своих слагаемых» [5, с.265].

Этот постулат и стал краеугольным.

В учении Фейербаха глубинно раскрывалась монистическая идея материализма, которую, как мы помним, остро критиковал Бердяев, рецензируя книгу Энгельса «Анти-Дюринг». Фейербах, будучи противником христианства, глубже всех прочих предшественников марксизма, показал «основу истины» – «святость без святящей основы», «единство без единого центра». Булгаков нашел в этой глубине мысли величайшую... ложь:

Величайшая ложь позитивизма вообще и фейербаховского в частности заключается поэтому в его утверждении, что человек смертен, конечен и ограничен, человечество же бессмертно и способно к безграничному усовершенствованию. При позитивистическом понимании человеческой жизни, т.е. при ограничении человеческого бытия только данными эмпирическими условиями, человечества нет, это есть лишь абстракция, лишь алгебраическая формула [6, с.92].

Фейербах отверг Богочеловека как мистический центр, объединяющий все человечество, и стал искать этот центр в «эмпирическом мире». В основе философии Фейербаха был европейский гуманизм, и Булгаков не отвергал, но признавал его мировое значение: «Гуманизм выдвинул с необычайной силой земную, человеческую сторону исторического процесса, выступив в защиту человечности против бесчеловечности средневековья...» [6, с.97].

Гуманизм потушил костры инквизиции, разбил цепи рабства, в России «произошло такое же столкновение бесчеловечного богочеловечества и безбожного гуманизма, средневекового и новейшего мировоззрения, что и на западе» [6, с.97].

Как ни странно, но при всех радикальных расхождениях во взглядах между разными политическими течениями в русском обществе все они, по мнению Булгакова, «имеют общую религиозно-философскую почву в идеях гуманизма». Более того: Булгаков признавал, что в деле освобождения человечества от оков средневекового деспотизма сыграли свою первейшую роль такие люди, как Белинский и Герцен, ставшие (при всем своем атеизме) богоугодными в большей мере, чем официальные служители церкви, не только не стремившиеся освободить крестьян от рабства, но и утверждавшие это рабство в своей деятельности.

Гуманизм, пришедший на смену средневековому мировоззрению, «является бесспорным шагом вперед в общем историческом движении богочеловеческого процесса, а кроме того, в известном смысле, шагом

вперед и в христианском сознании» [6, с.99]. Гуманизм раскрывает значение личности в мировом процессе: «Подчеркивая самостоятельное значение человеческой стихии, он содействует полнейшему раскрытию великой истины богочеловечества, обнаруживая в ней новую сторону».

В чем же расхождение? В том, что атеистический гуманизм принципиально враждебен ко всему, что превышает человека, ко всему сверхчеловеческому [5, с.99].

Гуманизм двойствен: утверждая человека как центр мира, он может признавать и сверхличностную его природу, и природу ограниченную, а потому единственную (земную). Булгаков писал: «...гуманизм со Христом и во имя Его или же против Христа и во имя свое».

Дуализм этот не случайный и надуманный, но коренной, метафизический, лежащий, как в основе всего мироздания, так и в основе человеческой души. Источники этого дуализма – свобода, в которой наше высшее достоинство – образ Божий. Где есть свобода, там есть и выбор, и разделение, там есть и борьба, и не для ленивого прозябания, но для борьбы, непримиримой и безостановочной, посланы мы в этот мир, для созидания царства Божия путем свободной борьбы [5, с.101].

Фундаментом Царства Божия, по определению Булгакова, является «свободное человечество». Эпицентр этого человечества – личность как метафизическая данность, созидающая в творческом акте свой внешний мир. Истинное зло – в отсутствии акта творения, в усредненности, в толпе, в коллективном начале. Истинное Добро – в самой свободе воли, в искании Бога. Дуализм модернистской концепции добра и зла как божественных ипостасей оказывался не только инновацией богословской мысли, но и осознаваемым препятствием на пути к Единому, на пути к Богу. В этой драматической ситуации и пребывала мятущаяся мысль русских модернистов, не желавших догматизировать свое философское искание утверждением незыблемого догмата, который лишал бы их самой природы Добра – свободного от запретов богоборчества.

Библиографический список

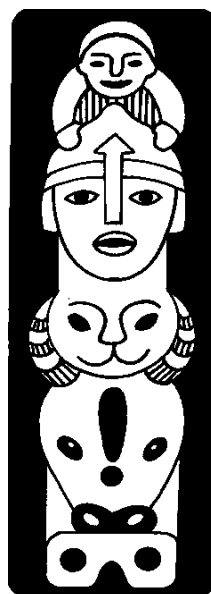
1. Антон Крайний. Еще о пошлости // Новый Путь. №4. 1904. С.237–250.
2. Бердяев Н. О новом религиозном сознании // Вопросы жизни. 1905. №9. С.150–187.
3. Бердяев Н. Дневник публициста. Катехизис марксизма // Вопросы Жизни. 1905. №2. С.369–379.
4. Булгаков С. Без плана // Вопросы Жизни. 1905. №2. С.325–346.
5. Булгаков С. Религия человекобожества у Л.Фейербаха // Вопросы Жизни. 1905. №10–11. С.236–279.
6. Булгаков С. Религия человекобожества у Л.Фейербаха (окончание) // Вопросы Жизни. 1905. №12. С.74–102.
7. Мережковский Д.С. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А.Бердяеву) // Вопросы Жизни. 1905. №10–11. С.358–376.
8. Мережковский Д.С. Судьба Гоголя // Новый Путь. 1903. №1. С.37–81.
9. Чулков Г. Критические заметки // Вопросы Жизни. 1905. №8. С.207–217.

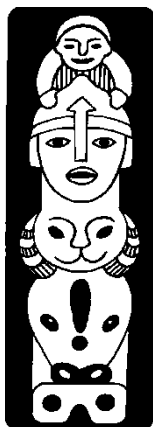
Страх и надежда могут убедить
человека в чем угодно.

Люк де Клапье Вовенарг

Лучше погибнуть в отечестве, нежели
повергнуть отечество, спасая его.

Марк Туллий Цицерон

Ольга Заиченко

**МЕЖДУ
«БОЛЬШИМ СТРАХОМ»
И «ВЕЛИКИМИ
НАДЕЖДАМИ»**

**РОССИЯ В ВОСПРИЯТИИ
ГЕРМАНСКОЙ ЭЛИТЫ НАКАНУНЕ
И ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1812 ГОДА: НАЦИОНАЛЬНО-
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

94[430:47]”1807–1812”

329[11+12](430):327.5

32.019.51:070.15(430)

На основе анализа письменных источников частного и публицистического характера делается попытка проследить трансформацию образа России в национально-патриотическом дискурсе Германии во время антинаполеоновских войн, взяв за основу изменения в отношении к российской империи среди наиболее ярких представителей военной, политической и интеллектуальной элиты Пруссии, оказавших большое влияние на формирование общественного мнения в германских землях.

On the basis of the analysis of private and journalistic written sources of character, an attempt is made to trace the transformation of the image of Russia in the national-patriotic discourse of Germany during the anti-Napoleonic wars, based on the changes in the attitude to the Russian empire among the most prominent representatives of Prussia's military, political and intellectual elite who had a great influence on formation of public opinion in the German lands.

Ключевые слова: Россия; Германия; Пруссия; антифранцузские коалиции; Александр I; Наполеон; национально-освободительное движение; Отечественная война 1812 г.

Key words: Russia; Germany; Prussia; anti-French coalitions; Alexander I; Napoleon; national liberation movement; Patriotic war of 1812.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

¹ Представленная публикация является логическим продолжением статьи того же автора «Последняя надежда Европы». Россия в немецкой публицистике первой четверти XIX века: литературно-философский дискурс». См.: Россия XXI. №6. 2018. С.36–57.

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

Эпоха «большого страха» и «великих надежд»

За первые пятнадцать лет нового XIX в., которые принято связывать с эпохой наполеоновских войн, Европа пережила больше потрясений, чем за предыдущее пятидесятилетие. «Цивилизованный мир» сотрясали революции и кровопролитные сражения,

в результате которых кардинально «перекраивалась» политическая карта континента: свергались старые династии и воцарялись новые, рушились границы и империи, уничтожались вековые традиции и прежние общественно-политические устои. Для немцев этот короткий временной отрезок стал временем «большого страха» и «великих надежд». Сначала на протяжении более чем десяти лет они были охвачены «большим страхом» после того, как германские земли, оккупированные французской армией, стали ареной для наполеоновских войн. После длинной цепи сокрушительных поражений антифранцузских коалиций, превративших Австрию и Пруссию в зависимые от Франции периферийные образования, элиты большинства германских государств полностью утратили веру в силу собственных армий, а среди подвластного им населения повсеместно господствовали апокалипсические настроения. Однако через несколько лет после того, как в 1806 г. «густой мрак» безысходности, по пророческому выражению барона Фридриха Мельхиора фон Гримма [1, с.293], казалось, навсегда окутал германские земли, в сердцах немецких патриотов вдруг забрезжила надежда, вызванная неожиданными для большинства европейцев победами русского оружия над французской армией в ходе Отечественной войны 1812 года. Забыв на время все старые претензии, в этот момент немцы увидели в России своего главного союзника, единственную силу, которая могла бы противостоять экспансии Наполеона. Эта «великая надежда», подаренная Россией, дала немецкому освободительному движению новый импульс для борьбы за восстановление собственной независимости, которую патриоты – от рядовых обывателей до представителей правящей элиты – теперь прочно связывали с «северным соседом». С этого момента Россия становится важной частью немецкого национально-патриотического дискурса, благодаря чему накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. в общественном мнении Германии прочно закрепляется ее положительный образ: с одной стороны, как союзницы в борьбе с Наполеоном и спасительницы от «большого страха», с другой – как

гаранта воплощения «великих надежд» на счастливое будущее «немецкого отечества».

В связи с этим нам представляется интересным проанализировать трансформацию образа России в национально-патриотическом дискурсе, взяв за основу изменения в отношении к российской империи среди немецких элит, оказавших большое влияние на формирование ее восприятия в общественном мнении Германии. Прежде всего речь пойдет о правящих кругах Пруссии – государства, наиболее пострадавшего от экспансионистской политики Наполеона, которое многие немцы рассматривали как будущий центр объединения «германской нации». За основу нами были взяты источники публицистического и частного характера, принадлежавшие перу представителей военной, политической и интеллектуальной элиты. Прежде всего это дневники, переписка, служебные записки высших офицеров прусского Генерального штаба, в частности видного военного реформатора, начальника Генштаба, председателя комиссии по реорганизации армии и одновременно главы военного министерства с 1808 по 1810 гг., генерала Герхарда Иоганна фон Шарнхорста, а также его ученика, будущего военачальника и знаменитого военного теоретика, а в тот период молодого подполковника Карла Готтлиба фон Клаузевица. На основе аналогичных материалов личного и служебного характера мы рассмотрим также трансформацию восприятия России и ее императора виднейшим политическим деятелем Пруссии, государственным реформатором, занимавшим различные министерские посты в прусском правительстве с 1803 г., а в 1807 г. возглавившим правительственный кабинет при Фридрихе Вильгельме III, бароном Генрихом Фридрихом фон Штейном. В качестве представителя интеллектуальной элиты мы выбрали самого яркого пропагандиста национального сопротивления, одного из создателей идеи «единого немецкого отечества», политика, публициста и поэта, ближайшего сподвижника опального премьер-министра фон Штейна в рассматриваемый нами период, выполнявшего также роль его личного секретаря, Эрнста Морица Арндта. В основу исследования лягут его дневники и публицистические сочинения 1808–1812 гг. Все эти виднейшие представители немецкой элиты после 1810 г., накануне рокового для Наполеона «скифского похода», сделали свой выбор в пользу российского императора, покинув собственных властителей, связанных союзническими отношениями с Наполеоном, чтобы сражаться на стороне России за «немецкое отечество».

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

«Большой страх» и негативное восприятие России в первое десятилетие XIX века

Но так было не всегда. С началом нового столетия восприятие российского императора и его окружения среди «властителей умов и народов», прежде всего в Австрии и Пруссии –

главных партнеров России по антифранцузским коалициям, – прошло глубокую трансформацию. Первое десятилетие XIX в. было отмечено ростом патриотических настроений среди военной, политической и интеллектуальной элиты германских земель на фоне также нарастающего разочарования в России как потенциальном союзнике в борьбе с Наполеоном. Причиной подобного отношения стал тот факт, что на начальных этапах войны опыт взаимодействия российских императоров и германских государей, прежде всего Австрии и Пруссии, в составе антифранцузских коалиций был весьма противоречив и порождал, скорее, недоверие в элитах с обеих сторон. А после демонстративного выхода Павла I из второй антифранцузской коалиции в 1801 г. и заключения им сепаратного мира с Наполеоном, вплоть до 1810 г., Россия рассматривалась скорее как возможный противник или, в лучшем случае, как «ловкий интриган» в европейской политике, преследующий собственные интересы. И хотя вскоре, после внезапной смерти Павла I, его наследник Александр I заключил в мае 1804 г. союзный договор с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III и появилась надежда на возвращение России в третью антинаполеоновскую коалицию, отношение германских элит к российской международной политике практически не поменялось. При каждом удобном случае Россия обвинялась в предательстве общеевропейских интересов и эгоизме. Хотя эгоизм и ненадежность в качестве союзника все это время демонстрировали не столько Россия, сколько Пруссия и ряд государств юга Германии, надеявшиеся самостоятельно договориться с Наполеоном, сохраняя нейтралитет или прямо поддерживая армию захватчика. Так, например, подписав в 1795 г. в Базеле сепаратный мир с Францией, Пруссия фактически вышла из коалиции, предопределив тем самым начало ее развала. Отныне, вплоть до 1806 г., она заняла выжидательную позицию, готовясь обрушить свою 200-тысячную армию на того, кто первым потерпит поражение в австро-русско-французском конфликте, и извлечь из этого максимальные выгоды. Таким образом, военно-политический раскол между германскими монархами с самого начала предопределил неудачи антифранцузского сопротивления.

Кампания 1804 года также принесла с собой новые поражения и только усилила взаимное недоверие и раздражение союзников друг другом, хотя на этот раз Россия, наряду с Англией и Австрией, вошла в состав третьей коалиции. Боевые действия были перенесены в германские земли. После ряда неудач австрийская армия капитулировала в битве под Ульмом. Наполеон без серьёзного сопротивления занял Вену. При этом Пруссия оставалась нейтральной, а курфюрсты Бадена, Баварии и Вюртемберга пошли еще дальше, провозгласив себя союзниками новоявленного императора Франции. Наконец, 2 декабря 1805 г. объединенные русские и австрийские армии потерпели сокрушительное поражение под Аустерлицем, что не помешало Пруссии уже через две недели заключить с Наполеоном наступательный и оборонительный союзы. В результате раздоров между немецкими монархами война третьей коалиции незаметно и тихо закончилась 26 декабря 1805 г. подписанием мира между Францией и Австрией в Пресбурге: Наполеон в очередной раз принудил австрийского императора отказаться от части земель и вознаградил курфюрстов Бадена и Вюртемберга новыми территориями и королевскими коронами. Пруссия в качестве компенсации за «правильный» выбор между воюющими сторонами получила Ганновер, находившийся под юрисдикцией Великобритании.

В следующем 1806 г. в результате военных потерь на фоне продолжающегося раскола между германскими монархами ситуация резко ухудшилась: под эгидой Наполеона был создан Рейнский союз, в состав которого поначалу вошло 16 немецких государств. К 1812 г. он охватывал уже все немецкие земли, за исключением сильно уменьшенных территорий Австрии, Пруссии и тех земель, которые непосредственно были включены в состав Франции. Кроме того, государства Рейнского союза находились в оборонительном и наступательном союзе с Францией, что дало возможность Наполеону использовать их войска в составе французской армии. Наконец, создание Рейнского союза привело к ликвидации ставшей к тому моменту анахронизмом Священной Римской империи германской нации: в августе 1806 г. Франц II официально отказался от императорской короны.

Созданию Рейнского союза и укреплению французской гегемонии в 1806 г. постаралась воспрепятствовать Пруссия, отказавшись, наконец, от нейтралитета. Но вступление Пруссии в войну практически сразу закончилось в том же 1806 г. разгромом прусских войск под Йеной и Ауэрштедтом. Французские войска вошли в Берлин и в ходе дальнейших боев оккупировали Пруссию. Тильзитский мирный договор между

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

Россией и Францией, подписанный в июле 1807 г., закрепил существовавшее к концу франко-прусской войны 1806–1807 гг. французское преобладание в Германии.

Только благодаря вмешательству императора Александра I Наполеон согласился на сохранение Пруссии. Хотя она в результате потеряла почти половину своих территорий, но все же осталась королевством. После этого восторженные «пруссские патриоты» впервые провозгласили Александра своим спасителем, «ангелом-хранителем» – как его называла королева Луиза, – так как в тот трагический момент истории только ему Пруссия была обязана своим существованием. Более скептически настроенные немецкие политики, как, например, австрийский публицист и политический деятель Фридрих фон Генц (1764–1832), полагали, что главной движущим мотивом сохранения Прусского королевства для императора Александра было не «благородное спасение Пруссии», а создание буфера между Россией и французскими территориями [21, S.281ff].

В результате с 1806 г. в германских землях установилось французское господство, которое проявлялось в массовых реквизициях, принудительных займах, увеличении налогов, особой тяжести рекрутских наборов, а также в гнете французской цензуры, препятствующей выражению любого независимого мнения. Как реакция на ужесточение режима в этот же период происходит резкий поворот общественного мнения в германских государствах. Оккупация немецких земель французскими войсками дала импульс к развитию общегерманского национально-освободительного движения, имевшего ярко выраженную антифранцузскую направленность.

В наибольшей степени недовольство Наполеоном охватило Пруссию, болезненно переживавшую свое «унижение». Патриотические настроения очень быстро распространялись в армии: от низшего офицерского состава до верховного командования [13]. В начале 1807 г. начальник прусского Генерального штаба генерал Герхард фон Шарнхорст (1755–1813) писал своему молодому единомышленнику, будущему директору Прусской военной академии Карлу фон Клаузевицу (1780–1831): «Если бы было возможно через бесконечную череду бедствий и страданий вновь возродить Отечество из его нынешнего бедственного положения, кто бы отказался пожертвовать всем, чтобы брошенное в землю семя принесло в будущем свои плоды? Кто бы отказался уме-

Герхард фон Шарнхорст

реть, если бы он мог надеяться, что Родина возродится в прежнем могуществе и славе?» [26, Bd.1, S.115–116].

На фоне роста общего недовольства французской оккупационной политикой начавшаяся в апреле 1809 г. война пятой коалиции в составе Австрии, Англии и Испании породила новые надежды на свержение наполеоновского владычества в Германии. В этот период немцы еще предполагали добиться успеха собственными силами за счет распространения национального сопротивления по всей Германии. Так, в австрийском Тироле разрасталось партизан-

ское движение под руководством Андреаса Хофера. В Вестфалии действовал отряд барона Вильгельма фон Дернберга, на севере Германии, в Мекленбурге и Передней Померании сражался с французами партизанский корпус прусского майора Фердинанда фон Шилля и барона Адольфа фон Люцова. Начались беспорядки в Ганновере. Эти массовые акции вооруженного сопротивления французской оккупации, проведенные в 1809 г., дали толчок к созданию тайных патриотических обществ и организаций: в 1810 г. Фридрих Фризен и Фридрих Людвиг Ян организуют «Немецкий союз».

Охваченные патриотическим подъемом офицеры прусского Генерального штаба с большим разочарованием восприняли попытки политического давления на Пруссию со стороны России. Александр I, всячески демонстрировавший после подписания Тильзитского мира свои дружеские чувства к Наполеону, во время визита Фридриха-Вильгельма III в Петербург в январе 1809 г. настойчиво советовал королю Пруссии улучшить отношения с Францией и избегать участия в каких-либо внешнеполитических авантюрах. В результате Фридрих-Вильгельм III принял окончательное решение отказаться от участия вместе с Австрией в пятой антифранцузской коалиции [17; 20; 25, Bd. II; 24]. Желая повлиять на позицию своего монарха, Клаузевиц при поддержке генерала Шарнхорста представил королю свой план «О будущих операциях Пруссии против Франции» [16, Bd. I, S.66–89]. Останавливаясь более

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

подробно на анализе возможных действий России в случае выступления Пруссии и Австрии против Франции, он считал, что она, скорее всего, «будет придерживаться прежней нейтральной политической линии до тех пор, пока одна из сторон не достигнет крупного успеха». Клаузевиц объяснял нерешительность действий России «отсутствием героического характера» у Александра I и низким уровнем военных и политических качеств у министров его кабинета [16, Bd.I, S.71ff].

Раздражение и досада по поводу демонстративной профранцузской позиции Александра I после подписания Тильзитского мира были свойственны большинству военных и политических деятелей Германии. Уже упомянутый австрийский политик Фридрих фон Генц писал в 1807 г. в одном из писем шведскому дипломату Карлу Густаву фон Бринкману (1764–1847), что «самая большая, пагубная и, к сожалению, неизлечимая наша иллюзия – ожидать помощь от России – привела Австрию, Пруссию и Англию ко всем современным бедам» [22, Bd.II, S.284]. Барон Генрих Фридрих фон Штейн (1757–1831), возглавивший в октябре 1807 г. прусское правительство, также был скептически настроен по отношению к России. «Если Австрия однажды потерпит поражение, – предостерегал он в меморандуме от 8 сентября 1808 г. короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, – то Франция во главе со всей Европой выступит против России», и эта страна, «находящаяся под властью развращенной бюрократии и населенная рабами», «лишь недолгое время сможет противостоять образованной Европе» [19, Bd.II, S.12ff]. Эту позицию в отношении России разделяли патриотически настроенные немецкие интеллектуалы. В 1808/09 гг. публицист и политический деятель Эрнст Мориц Арндт (1769–1860) опубликовал большое эссе под названием «Краткое слово о России, ее отношении к остальной Европе до и после Петра Великого» [8], полное упреков в адрес российского императора, отказавшегося от заветов Петра Великого и предназначенной ему судьбой миссии освободителя Европы от французского ига.

За всеми этими негативными высказываниями, по всей видимости, стояла плохо скрываемая досада и недоверие поверженных Наполеоном союзников по коалициям друг к другу. На протяжении всех антифранцузских войн монархи заключали союзы, клялись в верности и обманывали друг друга. Европейские государи с негодованием выступали против политики Наполеона, призывая к объединению в борьбе с этим «порождением французской революции», «корсиканским выскочкой», «головорезом», «воспитанником якобинцев», и одновременно соперничали

друг с другом, сражаясь за его расположение. Королева Луиза Прусская, изгнанная с семьей наступлением французских войск из оккупированного Берлина в Мемель, надеясь смягчить участь Пруссии, в июле 1807 г. оставила детей и срочно примчалась в Тильзит, где Россия и Франция обсуждали заключение сепаратного мира. Следуя советам будущего канцлера Пруссии, графа Карла Августа фон Гарденберга, быть максимально любезной «с этим извергнутым адом чудовищем, созданным Вельзевулом в наказание земли» [14, S.43], королева Луиза изо всех сил старалась очаровать Наполеона во время личной встречи с глазу на глаз в перерыве между переговорами двух императоров, куда король Пруссии приглашен не был. Император Австрии, лишенный Наполеоном короны Священной Римской империи, в 1810 г. отдал ему в жены свою дочь Марию-Луизу. Она, племянница казненной французской королевы Марии Антуанетты, стала супругой Наполеона, который получил свой генеральский чин из рук убийц ее тети.

Политика Александра в этот период военного триумфа Франции едва ли выглядела более последовательной, чем действия его немецких кузенов. В течение первых лет после заключения Тильзитского мира Наполеон и Александр вели себя по отношению друг к другу как настоящие друзья и «августейшие братья». При монаршей встрече в Эрфурте в 1808 г. оба выступали как верховные правители Европы на фоне подчиненных им князей и королей. Неудивительно, что в течение следующих лет многие в Германии верили, что Россия станет союзницей Наполеоновской империи. При прусском дворе тогда открыто заговорили о «Тильзитской измене». «Ради благосклонности Бонапарта, – писал, выражая общие настроения немецкой патриотически настроенной элиты, Эрнст Мориц Арндт, – русские пожертвовали своей честью, то есть самым дорогим и важным, что есть как у нации, так и у отдельного человека. Что они обещали? – Освободить Германию, заключить взаимовыгодный и равноправный союз с королями Швеции и Пруссии, чтобы во всех своих действиях поддерживать друг друга. И что в итоге? – Мы видим несчастного короля Пруссии с разгромленной армией. ... А действия России в отношении Швеции? – Это – сплошной стыд и предательство. А действия России в отношении Англии? – Это был смертельный удар в спину» [8, Т. II, S.383]. На этом эмоциональном фоне вполне ожидаемо воспринималось то раздражение, с каким прусский министр барон фон Штейн высказывался о России, не оправдавшей надежд большинства «немецких патриотов». «Европе нечего ждать от России, – писал он в одном из писем, адресованном фрейлине австрийского двора

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

графине Людовике Ланцкоронской (1773–1839) в 1810 г., – это всего лишь необработанная инертная масса, которая имеет так же мало привлекательности в настоящий момент, как и перспектив в будущем» [18, Вд.Ш, S.245].

Стремление призвать Россию и ее императора к исполнению своей «исторической миссии» и «священного долга» перед народами Европы, а именно к бескомпромиссной борьбе с Наполеоном, заставило Эрнста Морица Арндта взяться за перо. Спасаясь от гнета французской цензуры, он в Швеции издает свое уже упомянутое сочинение «Краткое слово о России, ее отношении к остальной Европе до и

Эрнст Мориц Арндт

после Петра Великого», с наибольшей ясностью отражавшее настроения «антифранцузской партии» при прусском дворе и в Генштабе. Так же как и большинство его высокопоставленных современников, Арндт был разочарован европейской политикой Александра и считал, что на фоне беспочвенных ожиданий союзников решительных действий со стороны России ее военные возможности были сильно переоценены: «В последние годы, – писал он, – мы можем все больше наблюдать, как некоторые люди в Европе напрасно надеются на русских и их властителя. Так же, как и другие европейцы, русские под натиском бурь, сметающих все на своем пути, обречены превратиться в руины вместе с остальным разрушающимся миром» [8, Т.II, S.369]. Он ставит в вину русским идущую на фоне антинаполеоновского сопротивления войну со Швецией и последовавший вслед за этим столкновением бывших союзников по четвертой коалиции 1806–1807 гг. кризис в антифранцузском лагере, а также ослабление и подрыв единства европейских сил, готовых к сопротивлению экспансии Наполеона. Россия, по мнению Арндта, не преследует в ходе русско-шведской и русско-турецкой войн, которые она вела на этот момент, своих подлинных интересов, а преимущественно озабочена тем, чтобы понравиться французам. «Тот факт, что сами русские не

хотят признать, что сегодня они являются всего лишь самыми важными холопами Бонапарта, что они до сих пор пытаются сохранить видимость независимой нации, лишь подтверждает простую истину: никто не хочет признать собственное поражение и позор» [8, Т. II, S.382].

Еще один пример бездумного следования России в фарватере французской политики Арндт видел в фактическом отказе Александра участвовать в войне пятой коалиции, когда он ограничился лишь формальной отправкой в Вольнь на русско-австрийскую границу 20-тысячного корпуса. «Но теперь маски сброшены, и звучат новые призывы к войне, – писал он по поводу пятой коалиции. – Пруссия, Россия и Англия должны совместно противостоять французскому высокомерию... Но что сделали русские за пять месяцев...? Мы видим лишь слабость и лень, непонятные мне легкомыслие и безмятежность» [8, Т. II, S.375]. По мнению Арндта, при правлении Александра I Россия отказалась от завещанной Петром Великим европейской миссии. Она подчинилась Наполеону, разрушившему европейский порядок, вместо того, чтобы сопротивляться ему всеми силами. Самое очевидное проявление слабости русских – Тильзитский мир. Однако позорные мирные условия и ненасытное желание экспансии французского императора, в конце концов, надеется Арндт, еще принудят их к активным действиям, и они вспомнят о своих подлинных политических задачах, которыми пренебрегали в течение последних 10 лет.

**«Великие надежды»
и формирование
положительного образа
России после 1810 года**

Предсказанный Арндтом момент возврата России к выполнению «европейской миссии, завещанной ей Петром Великим», наступил гораздо раньше, чем тот рассчитывал. Война

пятой коалиции, закончившаяся уже летом 1809 г. поражением и очередным разделом Австрии по условиям Шенбруннского мира, окончательно похоронила надежды немецких патриотов на самостоятельное освобождение от французской оккупации. Австрийское и прусское правительства были полностью деморализованы, поэтому после окончательной изоляции Англии и поражения Австрии, которая воспринималась как последний оплот сопротивления французской экспансии в центре Европы, основное внимание прусских военных, политиков и интеллектуалов начало сосредоточиваться на России. Несмотря на уверения в вечной дружбе и взаимные любезности Александра I и Наполеона, с начала 1810 г. стало очевидным серьезное ухудшение русско-

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

французских отношений. Нейтральная позиция, занятая Россией во время конфликта Франции с Австрией, русский протекционистский тариф 1810 г., разрешавший ввоз английских товаров на нейтральных судах, весь комплекс проблем, связанный с участием России в континентальной блокаде и, наконец, «ольденбургский вопрос», закончившийся захватом Францией родовых земель близких родственников российской императорской семьи, – все это было ярким проявлением дальнейшего углубления противоречий между Россией и Францией.

С 1810 г. немецкое общественное мнение начинает связывать с Россией самые серьезные надежды на избавление от наполеоновского диктатора. Так, например, в мае 1811 г. русский посланник при прусском дворе граф Х.А.Ливен доносил из Берлина, что в Германии «все взоры обращаются к России» и многие прусские офицеры «выразили желание поступить на службу в нашу армию в случае войны с Францией» [2, т. VI, док. №42, с.115–116]. Аналогичные вести с 1811 г. поступали из Австрии. Как сообщал весной 1812 г. русский посланник в Вене граф Г.О.Штакельберг, в Австрии, Швейцарии и Италии повсеместно «растет всеобщее стремление освободиться от ига Франции и воспользоваться войной между этой державой и Россией, чтобы поднять знамя восстания» [2, т. VI, док. №118, с.296]. С другой стороны, Россия, устами своего многоопытного министра иностранных дел графа Николая Петровича Румянцева, всячески подчеркивала свою заинтересованность в том, чтобы «Пруссия и Австрия вновь заняли в ряду государств более прочное и подобающее им положение, чем то, которое они занимают сейчас» [2, т. VI, док. №21, с.68]. В итоге в 1811 г., когда угроза войны между Россией и Францией ощущалась все более явственно, недавно отставленный по требованию Наполеона глава прусского Генерального штаба Герхард фон Шарнхорст приехал в Петербург для ведения тайных переговоров о военном союзе с Россией и новой антифранцузской коалиции [13]. Начавшееся движение по взаимному сближению в верхах на почве недовольства политикой Наполеона и рост национального самосознания в широких слоях немецкого общества, безусловно, свидетельствовали о грядущих масштабных политических переменах.

Начало русско-французской войны 1812 г. заставило умолкнуть все антирусские голоса в Германии. Усилия немецкой интеллектуальной элиты были направлены на то, чтобы создать новые дефиниции для описания войны совершенно нового типа, получившей впоследствии в России название «отечественной», а в Германии – «освободительной».

Все политические и мировоззренческие течения в общественном мнении сходились в восприятии Александра I как будущего освободителя Европы от «французского ига», а следовательно, ее военного и политического лидера. Небольшие различия были только в дефинициях. Для представителей либерального крыла Наполеон был воплощением деспотизма, а Александр – свободы, и оба императора воспринимались в рамках национальной борьбы за единое немецкое государство и социальный прогресс. Что же касается консервативных мыслителей, то они переводили дискурс из политической в религиозно-философскую плоскость и видели во французском императоре Антихриста, а в его российском оппоненте – «Ангела апокалипсиса», что полностью соответствовало их эсхатологическому взгляду на происходящие события.

Этому действительно массовому подъему пророссийских настроений предшествовали подписанные в Париже 24 февраля 1812 г. под жестким нажимом Наполеона франко-прусский союзный договор и военная конвенция. По ее условиям Пруссия обязалась в случае войны Франции с Россией предоставить в распоряжение Наполеона двадцатитысячный вспомогательный корпус, пропустить его «великую армию» через свою территорию и обеспечить ее снабжение. Во все прусские крепости вступили французские войска.

Подписание франко-прусского соглашения произвело убийственное впечатление на патриотически настроенные круги Пруссии. В связи с этим сразу 20 офицеров Генерального штаба подали в отставку. Узнав о заключении союза с Наполеоном, Клаузевиц написал супруге: «Несчастья нашего Отечества достигли крайнего предела; по приказу своего господина наши правители должны будут обнажить меч друг против друга, сражаясь в братоубийственной войне.... Очевидно, что в скором времени Австрия станет таким же вассалом Наполеона, как и Пруссия. В таком положении нам уже нечего бояться, остается только надеяться. И сейчас более чем когда-либо я готов совершить мужественный шаг навстречу судьбе» [15, S.169]. В апреле 1812 г. Клаузевиц подал королю прошение об отставке и одновременно просил Александра I зачислить его на русскую службу. Двадцать восьмого апреля он пишет жене Марии фон Клаузевиц: «Итак, решающий шаг сделан. И сейчас, если судить по моему мундиру, я уже не принадлежу к прусской армии, которой служил в течение двадцати лет с любовью и преданностью. Моя судьба решена, и я не могу представить, какой иной выбор я мог бы сделать в нынешних обстоятельствах» [15, S.169–171].

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

Судьбу Клаузевица также разделили многие военные и политические деятели Пруссии, в частности Германию покинули активные сторонники «антифранцузской партии»: будущий генерал-фельдмаршал граф Август фон Гнейзенау и фельдмаршал Герман фон Бойен, которые в 1812–1813 гг. храбро сражались с Наполеоном бок о бок с русской армией или в ее составе. В том же 1812 г. по приглашению Александра I в Россию прибыл барон Генрих Фридрих Карл фон Штейн, опальный прусский премьер-министр, покинувший Пруссию после требования Наполеона уволить его с поста главы правительства. Таким образом, после подписания Австрией и Пруссией военного соглашения с Францией центр немецкого освободительного движения переместился в Россию.

Карл Готтлиб фон Клаузевиц

«Русские впечатления» барона Генриха Фридриха фон Штейна

Важным знаком переориентации надежд немецких патриотических сил с Австрии и Англии на Россию стал приезд Штейна. Как писал впоследствии, выражая общее мнение, выдающийся немецкий литератор Фарнхаген фон Энзе, «с лета 1812 г. дело освобождения России стало многими немцами отождествляться с делом освобождения Германии; и оба эти дела нашли свое признание и воплощение в деятельности Штейна» [30, Bd.I, S.271].

При этом отношении Штейна к России и ее императору с самого начала было довольно сложным. Он никогда не был русофилом и оценивал русских исходя из того, насколько они могут быть полезны для укрепления международного положения Прусского королевства, с одной стороны, и для создания в будущем сильной Германии, – с другой. После разгрома Пруссии в 1806 г. он возлагал большие надежды на Александра I, который в тот момент был единственным государем кон-

тинентальной Европы, кто мог противостоять Наполеону. Однако военные поражения русской армии в 1807 г. принудили русского императора к заключению Тильзитского мира, а затем 27 сентября 1808 г. состоялась его знаменитая встреча с Наполеоном в Эрфурте, которая за-

Генрих Фридрих фон Штейн

кончилась подписанием Эрфуртской союзной конвенции о взаимопомощи. Временное потепление отношений двух императоров, вызвавшее беспокойство в патриотически настроенных кругах Германии, негативно сказалось на отношении Штейна к русскому императору и его политике. «Император Александр I во время Тильзитского мира пожертвовал прусским делом, – полагал Штейн. – Он не отважился ходатайствовать за своего несчастного царственного друга и старался путем безграничной уступчивости и вкрадчивого предупредительного поведения не давать ни малейшего повода для какого-либо

разлада с Наполеоном» [27, Bd.II, S.489–490]. Особое разочарование вызвала встреча с Александром в Кенигсберге, где он остановился на три дня по пути в Эрфурт. Русский император обещал своим недавним союзникам ходатайствовать перед Наполеоном о выводе оккупационных войск и уменьшении суммы денежной контрибуции. В остальном же он рекомендовал королю Пруссии «смирненно ждать и сохранять терпение» [6, с.428]. По мнению не только Штейна, но и большинства противников «французской партии» при прусском дворе, воспринявшего поворот русской политики как предательство союзнических интересов, ореол рыцарства и благородства, окружавший Александра до Аустерлица, был окончательно разрушен его «позорным альянсом с Бонапартом» [23, S.47ff].

Хотя в Тильзите и Эрфурте русский император добился от Наполеона ряда уступок в отношении Пруссии и фактически спас прусскую государственность, Штейн полагал, что тот сделал недостаточно для поддержки своего друга и союзника Фридриха Вильгельма III. Он был

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

недоволен неприятными переменами, которые обнаружил в Александре, и осуждал его за нерешительность и осторожную дипломатию.

Невысокого мнения был Штейн и о шансах России в борьбе против Наполеона. В августе 1808 г. в одной из памятных записок о перспективах возможной войны с Францией, составленных для короля Пруссии, он дал убийственную характеристику России и ее монарху: «Эта страна, лишенная промышленности, с массой народа, находящегося в рабстве, управляемая податливым, изнеженным государем, который упал духом от многих неудач в предприятиях, столь же поспешно брошенных, как и небрежно задуманных, который действует только посредством необразованного, неумелого, развращенного чиновничества, эта страна не окажет серьезного сопротивления» [19, Bd.II, S.12ff]. Такой же слабой и ненадежной представляла Россия в разработанном Герхардом Шарнхорстом в 1808 г. стратегическом плане предстоящей войны Австрии и Пруссии с Францией, войны, которую Штейн, разочаровавшись в русских союзниках, обозначил как «войну за освобождение Германии самими германцами» [6, с.427].

При таком отношении неудивительно, что опальный премьер-министр неодобрительно воспринял отъезд в Россию в 1810 г. своего бывшего сподвижника в проведении военной реформы в Пруссии генерал-фельдмаршала графа Нейтхардта фон Гнейзенау, который, будучи за свои антифранцузские настроения снят с должности начальника инженерного корпуса и выйдя в отставку, покинул Пруссию. Однако дальнейшее развитие событий, нарастание политической напряженности в отношениях между Россией и Францией побудило его изменить свое мнение. Уже осенью 1811 г. для Штейна стала очевидной неизбежность русско-французской войны. Поэтому, получив письмо от русского императора, в котором Александр высказал «непоколебимую решимость вести до конца беспощадную войну с непреклонной твердостью и силой воли» [6, с.437], Штейн принял приглашение приехать в Россию. Объясняя мотивы своего решения, он писал впоследствии: «... Дело, о котором шла речь, было слишком свято, а я слишком крепко с ним был связан всей своей жизнью и убеждениями, чтобы колебаться хотя бы мгновение» [29, S.41].

12 июня 1812 г. Штейн прибыл в Вильно, штаб-квартиру русской армии, и вскоре был назначен советником императора. Первые его впечатления, полученные в ставке русского командования, были скорее негативными. Уже в Вильно и Дриссе Штейна насторожило отсутствие

единства мнений и четкого плана действий в окружении царя. Высший генералитет армии казался ему некомпетентным, а многие его решения – ошибочными [28, Bd.III, S.106ff]. В целом, по мнению Штейна, русская армия в начальный период войны была слаба и немногочисленна. Судя по его дневниковым записям за период с середины июня по октябрь 1812 г., в самом начале «русской компании» Штейн, как и прежде, не питал надежд на быстрый и благополучный исход войны.

Очевидно, что поначалу он продолжал сохранять все те предубеждения относительно России, которые сформировались у него после Тильзитского мира и окончательно закрепились в 1808 году. Как можно отчетливо проследить по автобиографии, а также дневниковым записям Штейна за 1812 г., переворот в его сознании произошел только в конце июля в Москве, где императорский двор останавливался по пути в Петербург. Сопровождая Александра после богослужения, у стен Кремля он впервые оказался свидетелем патриотического подъема, охватившего все слои русского общества. Впоследствии в своей автобиографии Штейн писал: «Я последовал за императором в эту огромную и богатую столицу, где в бесчисленной толпе, наплывавшей со всех сторон, проступала высшая степень религиозного и национального воодушевления. Все сословия проявляли усердие в этом порыве, предоставляя денежные средства и воинов, и выражая тем самым преданность своему императору. Вид толпы, окружающей и почти боготворящей его, набожность, с которой народ стекался в церковь на горячую молитву, – все это было возвышенным, вдохновляющим» [29, S.46]. Этими скупыми выражениями Штейн, человек далекий от чрезмерной религиозности и экзальтированного восприятия монархии, описал зрелище духовного единения императора и народа, которое, по всей видимости, глубоко тронуло его. Причем наиболее сильное впечатление на него произвела единодушно поддержанная инициатива московских дворян выставить и вооружить народное ополчение. Штейн воспринял это событие как еще один акт сплочения нации, «всеобщий восторженный порыв, в котором жертвовали собою и крепостной крестьянин, угнетенный в своем отечестве, и знатные дворяне, как Салтыков и Дмитриев-Мамонов, предлагавшие снарядить целые полки за свой счет» [6, с.440]. Как человек, воочию видевший пассивность, с которой прусский народ в 1807 г. встретил свое поражение, он был потрясен силой национального чувства, продемонстрированного москвичами. Впоследствии Штейн писал, что в этот момент ощутил себя очевидцем величайшего события, повернувшего судьбу Европы и опровергнувшего его собственное предска-

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

ние о скором поражении России под натиском Наполеона [29, S.51]. Тем более что все увиденное им прежде в Вильно и в Дриссе как будто бы подтверждало предреченный им самим еще в 1808 г. печальный исход для России наподобие того, что постиг Пруссию после поражений под Йеной и Ауэрштедтом. Русские войска были так же малочисленны, а в умах генералов царил такой же «разноречивый разлад», какой он наблюдал перед военным крахом Пруссии в 1806 г.

По дневникам и письмам Штейна можно заметить, что с конца июля 1812 г. образ России распадается для него на три

составляющие, которые он воспринимал и оценивал часто противоположным образом: условный «народ», куда он причислял также рядовой и офицерский состав русской армии; генералитет и ближайшее окружение императора; и, наконец, сам Александр, венчающий эту национально-сословную пирамиду. Народ вызывал у Штейна восхищение, военная и политическая элита – раздражение и неприязнь, а император – сложные чувства, в зависимости от того, с какой группой он в данный момент ассоциировался.

Если Москва стала для Штейна олицетворением народного патриотического воодушевления, то Петербург он связывал с надменной и трусливой высшей аристократией. Поэтому столица произвела на него довольно мрачное впечатление. Настроение при дворе он характеризовал как «скверное, эгоистическое, озабоченное лишь самосохранением:

Воин и обер-офицер купеческих мещанских сотен
Московского ополчения 1812 г.

повсеместно выражалось недовольство императором, проявлялись придирчивость и тайное стремление к миру с Наполеоном» [28, Vd. III, S. 117]. Штейн боялся, что в окружении императора одержат вверх сторонники «французской партии». Об активизации сторонников немедленного заключения мира с Наполеоном после потери Москвы писал также в своих записках публицист Николай Греч, причисляя к «французской партии» вдовствующую императрицу Марию Федоровну, великого князя Константина Павловича, Аракчеева, Румянцева и некоторых других [3, с. 279]. Неудивительно, что Штейн очень резко отзывался о приближенных к Александру канцлере Николае Петровиче Румянцеве, графе Алексее Андреевиче Аракчеве и министре полиции, генерал-адъютанте императора Александре Дмитриевиче Балашове, известных своими профранцузскими настроениями. «В числе советников императора нет ни одного человека, одаренного твердостью и мудростью. Если дела пойдут сносно, они выкажут твердость, если плохо – покорятся, как в 1805 или 1807 годах» [28, Vd. III, S. 769], – писал Штейн. Невысокого мнения он был и о командовании русской армией. Привычно противопоставляя народ и элиту, он полагал, что в войне с Наполеоном «можно положиться только на храбрость армии, мужество народа: сила налицо, но полное отсутствие какого-либо руководства» [28, Vd. III, S. 770–771]. Наиболее тягостное впечатление на Штейна произвело решение фельдмаршала Кутузова оставить Москву. Он считал его непростительной ошибкой, характеризуя в своем дневнике как плохо мотивированное, принятое вопреки «воле армии» и нанесшее большой моральный ущерб как в самой России, так и за рубежом [28, Vd. III, S. 782–786]. И действительно, в Европе многие полагали, что с отступлением из старой столицы шансы русских на победу стали ничтожны. Меттерних, например, узнав о вступлении Наполеона в Москву, сказал: «России больше нет» [5, с. 162].

Однако события развивались стремительно. 26 октября 1812 г., в день 55-летия Штейна, пришло известие о победе русских войск под Полоцком. Наполеон оставил Москву и начал отступление, преследуемый русской армией и партизанскими отрядами. В письме в Ганновер к графу Эрнсту Фридриху Мюнстеру от 14 ноября Штейн уже более объективно оценивал последствия недавних событий: «Вы можете теперь быть спокойны относительно взятия Москвы; оно привело к огромным разрушениям и потере имущества жителями, но оно также пробудило энергию русского народа в степени, достойной восхищения. Этот народ воодушевлен только чувствами ненависти и мести, он забывает о своих

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

страданиях и потерях и думает только о том, чтобы усилить борьбу против врага рода человеческого» [28, Vd. III, S. 813].

Вместе с изменением военной ситуации менялось и отношение Штейна к российскому императору. Уже в начале июля 1812 г. он набросал в своем дневнике характеристику Александра, которая немногим отличалась в лучшую сторону от его впечатлений после встречи в Кенигсберге в 1808 г.: «Главными чертами его характера являются добродушие, приветливость и желание осчастливить и облагородить человечество. Его учитель Лагарп с малых лет внушил ему уважение к человеку и его правам, которые он ревностно старался утвердить после вступления на престол. Но при этом ему не хватает силы духа, чтобы с упорством познавать истину; твердости, чтобы вопреки препятствиям осуществлять принятые решения и подчинять себе волю противника» [28, Vd. III, S. 108–109]. Однако рассудительный бывший глава прусского правительства не учел того обстоятельства, что кризисные моменты истории подчас выявляют новые грани в характерах людей. Не только Штейн, но и Наполеон не ожидал от российского императора, что, «вопреки своим самым глубинным склонностям», он вдруг проявит ранее несвойственные ему решительность и последовательность и возьмет на себя роль национального лидера, «мобилизующего все сословия державы на защиту отечества». Твердость воли и сила духа, продемонстрированные Александром в тяжелые дни оккупации Москвы, его решение, вопреки советам ближайшего окружения, отвергнуть мир с Наполеоном и перенести военные действия за пределы русских границ для окончательного освобождения Европы от французского господства не могли не произвести впечатления на Штейна. По его мнению, в императоре, наконец, воплотились лучшие качества его народа. Его последующие отзывы об Александре были чрезвычайно лестными и даже идеалистичными. По свидетельству его секретаря и сподвижника Эрнста Морица Арндта, в 1813 г. Штейн, возглавлявший управление освобожденными прусскими землями, говорил о русском императоре с восторгом и только в превосходных выражениях. Он непоколебимо верил в то, что Александр ставит перед собой исключительно благородную цель освобождения Европы и не имеет никаких захватнических намерений [11, S. 82, 87–88]. Впоследствии развернувшаяся на мирных конгрессах борьба за передел Европы лишила Штейна иллюзий относительно бескорыстия русского императора и его заинтересованности в создании единой либеральной Германии. Он вновь был разочарован отстраненностью Александра и

его нежеланием решать германские проблемы, однако уважение к нему сохранилось у Штейна на всю жизнь.

Комитет по делам Германии и создание немецко-русского легиона

С самой первой встречи с Александром в Вильно Штейн многократно подчеркивал, что не стремится ни к каким постам в русском правительстве или окружении императора, а

видит смысл своего пребывания в России в деятельности на пользу Германии. То, что это не было пустыми фразами, он в полной мере доказал своими делами. На шестой день после своего приезда в русскую ставку, 18 июня 1812 г., Штейн подал на имя Александра первую памятную записку, в которой, в частности, писал: «Так как все предвещает скорое начало войны, то необходимо изучить возможность использования военных сил Германии для помощи России и ее союзникам. В настоящее время они находятся в распоряжении Наполеона. Следовательно, нам предстоит задача перенаправить эти силы против него, побудив немецкое общественное мнение к открытому восстанию» [28, Vd.III, S.652]. В своем меморандуме Штейн предлагал создать на территории России специальный комитет, в чьи функции входили бы проведение антифранцузской пропаганды на территории Германии, организация партизанских отрядов для подготовки восстания в оккупированных германских землях, создание добровольческого немецкого корпуса и подготовка высадки в Северной Германии десанта из англо-шведских войск.

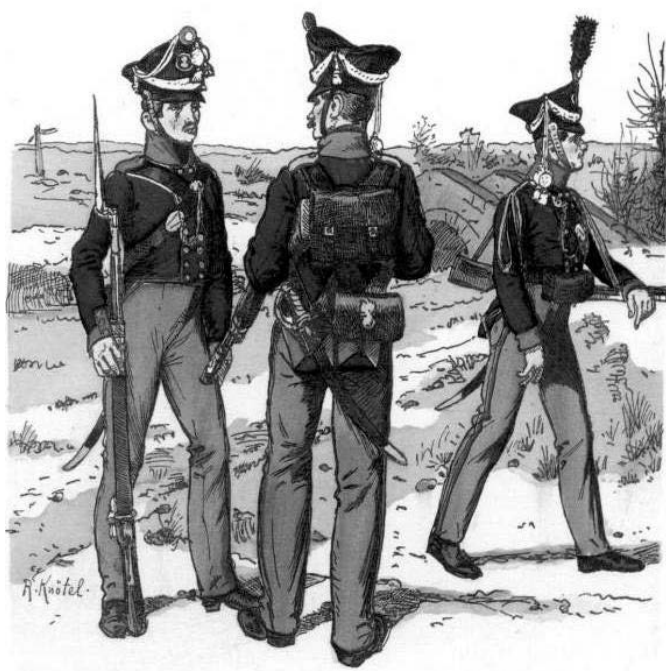
Сразу после начала войны с Францией император передал меморандум Штейна на обсуждение специально созданного Комитета по делам Германии, или, как его иначе называли, – Немецкого комитета, первое заседание которого состоялось уже 28 июня 1812 г., то есть спустя четыре дня после форсирования французскими войсками Немана. Официальным председателем комитета стал герцог Петр Фридрих Ольденбургский, эмигрировавший в Россию после присоединения Наполеоном его владений к Франции. Фактически же работу возглавлял его сын Георг Ольденбургский, женатый на сестре Александра великой княжне Екатерине Павловне. Кроме того, в состав комитета помимо Штейна вошли граф В.П.Кочубей и бывший русский посол в Берлине граф Х.А.Ливен.

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

Главным делом Немецкого комитета, помимо антифранцузской пропаганды на территории Германии, стало формирование так называемого русско-немецкого легиона «из пленных и дезертиров союзных войск, состоящих при французской армии» [7, 4]. План создания немецкого добровольческого легиона за пределами Германии был разработан прусским генералом Нейдхардтом фон Гнейзенау еще в ноябре 1811 г., который первоначально предполагалось осуществить с помощью Англии. Проект Гнейзенау предусматривал высадку немецкого легиона на побережье Северного моря, что должно было дать начало массовому антифранцузскому восстанию в Северо-Западной Германии, а сами добровольцы должны были составить ядро будущей немецкой национальной армии. Таким образом, идея создания этого военного подразделения с самого начала отличалась от принципа построения обычных наемных армий, состоявших на службе иностранных государств.

Первое воззвание «К немцам» с призывом переходить на сторону русской армии и вступать в легион было написано Штейном. В нем он идентифицирует это создаваемое в составе российских войск подразделение не с иностранным государством, а со всем «германским отечеством». Эта листовка была отпечатана очень большим для того времени тиражом: около 10 тысяч экземпляров [7, с.269]. Призыв за подписью «главнокомандующего российскими армиями» Баркляя-де-Толли был впервые обращен не к представителям конкретных немецких земель, а ко всем «офицерам и солдатам германской нации». «Германцы! – писал Штейн. – Зачем вы ведете войну против России, вторгаясь в ее пределы и становясь тем самым врагами русского народа, который на протяжении многих поколений находился с вами в дружеских связях и радушно принимал многих ваших соотечественников, щедро вознаграждая их за таланты и трудолюбие? ... Покиньте знамена рабства, спешите встать под знамена отечества, свободы и народной чести, поднятые по воле русского императора. Он обещает вам помощь всех честных русских людей из 50 миллионов его подданных, которые поклялись до последнего вздоха вести борьбу за свою независимость и честь европейских народов» [28, Vd.III, S.674–678].

Уже в первые месяцы войны, когда Наполеон шел на Москву, его армию покинули и перешли на русскую сторону около 600 немцев. Таким образом, летом 1812 г. формирование легиона началось.

Пехотинцы немецко-русского легиона

Много места немецко-русскому легиону в своей патриотической публицистике уделял сотрудничавший с Комитетом по немецким делам Эрнст Мориц Арндт, прибывший в Санкт-Петербург в начале августа 1812 года. Призывая добровольцев в своих листовках вступать в легион, он, по сути, призывал их выступить против регулярных войск короля Пруссии, входивших в состав наполеоновской армии. Этим формальным поводом широко пользовалась французская пропаганда, которая обвиняла будущих легионеров в «подлом наемничестве», предательстве «военного братства» и измене клятве, данной своему королю. В ответ на это, объясняя мотивацию немецких офицеров, поступавших в легион, Арндт подчеркивал, что речь идет о национальном подразделении абсолютно нового типа, в корне отличавшемся от средневековых наемных армий, служивших иностранным государям исключительно за материальное вознаграждение. Говоря о нарождающемся национальном сопротивлении, о германском патриотизме, который двигал большинством

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

легионеров, он замечал: «Многие офицеры, немцы, обладавшие значительными заслугами и влиянием, покинули свою родину и поспешили на восток. Ими руководило предчувствие, что Господь, наконец, сокрушит счастливец, сумевшего благодаря воле и хитрости, приобрести громадную силу, перед которой преклонялась малодушная толпа. Начало этого крушения уже виделось им в Испании. Они надеялись, что Наполеон, гордость и властолюбие которого уже были значительно уязвлены в Иберии, окончательно погибнет в Скифии. Эти беглецы, по большей части пруссаки, люди храбрые и честные, намеревались сражаться тут не против своего короля и повелителя, но за него. Многие из них вступили в ряды русской армии. Другие же оставались в Петербурге, чтобы составить из немецких пленных, перебежчиков и волонтеров Немецкий легион, который поднял бы меч и знамя Германии, как только победа с востока двинется к западу, к пределам немецкой отчизны» [9, S.163].

В соответствии с инструкцией императора Александра I местом формирования легиона был определен Ревель, куда стали перемещать из Пскова, Новгорода, Смоленска и других городов немецкоязычных пленных и перебежчиков. В легион также были зачислены находившиеся ранее при русской армии немецкие офицеры, эмигрировавшие еще до начала войны 1812 г.: уже упомянутый нами военный теоретик, подполковник Карл Клаузевиц, генерал Эрнст Фуль и другие. В немецкие корпуса принимались и русские офицеры, а также «дворяне курляндские, лифляндские и эстляндские в качестве унтер-офицеров» [7, с.271]. К середине октября численность легиона превысила 1500 человек. И, наконец, достойным итогом 1812 года стало заключение в декабре в Таурогене конвенции о прекращении военных действий с Россией, которую подписал прусский генерал Иоганн Давид Йорк фон Вартенбург совместно с российским командованием. В итоге двадцатитысячный прусский корпус перешел на сторону русских.

«Русские впечатления» Эрнста Морица фон Арндта

В 1812–1813 гг. в России также находился в качестве личного секретаря барона фон Штейна упомянутый выше Эрнст Мориц Арндт, получивший к тому времени широкую известность как яркий политический публицист. В течение полугода, что Арндт провел в России, он подтвердил свое призвание как автор памфлетов против Наполеона, призывая немцев, оставшихся «на Роди-

не» и находящихся в составе французской армии, к сопротивлению. Большое потрясение от того, что русский народ всех сословий решительно и успешно выступил против привычного к победе французского агрессора, оставило глубокий след в душе Арндта. Негативные суждения в адрес страны, ее народа и императора, которыми было переполнено его уже упоминавшееся нами сочинение «Краткое слово о России», опубликованное в Швеции в 1808/09 гг., уступают место восхищению русскими. «Тот, кто видел Россию в это незабываемое, навечно занесенное в анналы Европы время, – писал Арндт, – в том живет картина великолепного движения великого народа, которое невозможно повторить.... О, я должен оплакивать свою судьбу, так как никогда не видел ничего подобного в Германии» [10, S.35, 95–97].

Переоценка касалась не только русского народа, но и императора и русской политики. В своих новых пропагандистских сочинениях он больше не изображает Александра I как слабовольного человека, который подчинился Наполеону и покорно служит реализации его целей, наоборот: «Император Александр с самого начала с непоколебимой уверенностью был тверд как скала даже тогда, когда, казалось, мужество всех остальных начинало колебаться» [10, S.43]. В «Оде Императору Александру» восхваление уже становится чрезмерным: «Благородный властитель, слава Тебе! Ты достоин ее (*славы – прим. автора*) уже тем, что, стряхнув низкие заблуждения, высоко держишь гордость великих предков, что ты не изменил себе самому! Чувствуй гордую радость, так как Ты определяешь судьбу мира. Решайся на это радостно, благородный герой! Прими императорское бремя на плечи, бери мир в свои руки! Веди нас, великий вождь! Веди смело хоровод дней к тому, чтобы все народы склонились перед добродетелью твоего величия! Всемирный освободитель, основатель, спаситель» [12, Vd.III, S.3–9]. В этом стихотворном отрывке Арндт выглядит даже большим приверженцем российского императора, чем его собственные подданные. Однако справедливости ради надо отметить, что в дальнейшем он всегда противостоял антирусским высказываниям и упрекам, которые последовали в адрес Александра I после победы над Наполеоном, когда надежды немцев на создание единой Германии опять сменились разочарованиями.

Не только детали и дефиниции, но и основная тенденция развития образа России, который создает Арндт в 1812/13 гг., радикально отличается от антирусской риторики его более ранних сочинений, вызывающих, скорее, неприязнь и недоверие к российской империи, но никак не восхищение. По всей видимости, он действительно был искренне пора-

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

жен силой, с которой защищалась Россия во время наполеоновского вторжения, национальным единством русских. Это была война нового типа, война национальная и всенародная, которой в таких масштабах Европа еще не видела. Наконец Арндт мог с удовлетворением признать, что Россия вспомнила о той роли, которая была предназначена ей согласно завещанию Петра Великого, и осуществляет ее при активном содействии Европы. В период французской экспансии, «французского ига» миссия России, по его мнению, состояла в том, чтобы всеми имеющимися в ее распоряжении силами бороться за победу над Наполеоном, отбросить французов на территорию их собственной страны и, таким образом, предоставить немцам возможность создания единого национального государства.

Восприятие Арндтом России оставалось позитивным в течение всех лет освободительных войн. В свете нового опыта он был готов признать свои прежние заблуждения в отношении принявшей его страны. Описывая поездку от русской границы до Петербурга, он пишет: «Я снова и снова говорил самому себе: ты ошибался в отношении России так же, как и во многом другом» [10, S.97]. Даже в старости, пережив за свою очень долгую жизнь множество надежд и разочарований, вспоминая год, проведенный в Петербурге, Арндт остался верен своей прежней позиции в отношении России: «В 1807 и 1808 годах я писал из кабинетов Густава Четвертого и из кабинета моего сердца призывы и памфлеты, жесткие и горькие, против русских и императора Александра, а теперь в Петербурге я пишу для того же императора Александра и для моей Германии, которую мы хотели подготовить к войне за свободу. Изменил ли я себе? – Нет» [11, S.22].

Это правда, Арндт, впрочем, как и Штейн, остался верен себе в своем главном стремлении: борьбе за государственное единство немцев. В своих сочинениях он последовательно отстаивал идею сильного единого немецкого национального государства, в той или иной степени оказывая воздействие на состояние умов в Германии на протяжении десятков лет. И очень долго и последователи Арндта, и его противники продолжали ссылаться на его мнение о России как части идеологического концепта «немецкое отечество», которое несколько раз кардинально менялось в зависимости от политической ситуации в Германии и Европе. Если восприятие России у Штейна, как и у многих его единомышленников из прусского Генерального штаба, напрямую зависело от «полезности» последней в деле освобождения Германии, то Арндт пошел

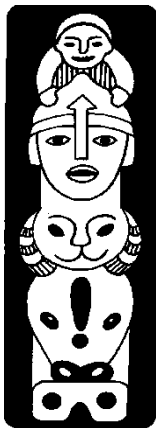
еще дальше, превратив образ России в идеологический инструмент в борьбе национально-политических интересов. Благодаря ему и его последователям с 1812 г. именно ее мифологизированный образ становится для немцев главной проекцией политических страхов и надежд. После завершения наполеоновских войн и создания Священного союза, а затем окончательного утверждения в Европе принципов политики Реставрации, созданный в немецкой публицистике образ России, обрастая новыми символами и смыслами, постепенно начал трансформироваться в идеологическую конструкцию, все чаще выступая в качестве абстрактного символа, аргумента в политических дискуссиях о будущем Германии и системы европейской безопасности.

Библиографический список

1. Барон Мельхиор Гримм – императрице Екатерине II от 20 (31) декабря 1790 г. Письма барона Мельхиора Гримма к Императрице Екатерине II (1764–1796) и к вице-канцлеру князю А.Н.Голицыну (1764–1765) с приложениями. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества / Под ред. Я.К.Грота и Г.Ф.Штенмана. В 146 томах. СПб: Тип. Имп. Акад. Наук, 1867–1916. – Т.33. СПб, 1881.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сборник документов российского министерства иностранных дел. 1–6 серии. / Отв. ред. – А.Л.Нарочницкий. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1960–1969. Серия Первая: 1815–1830 гг. Т. VI: 1811–1812 гг. М., 1962.
3. Греч Н.И. Записки из моей жизни. СПб: Изд. А.С.Суворина, 1886. 588 с.
4. Кирилина Л.А. Штейн в России // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С.49–62.
5. Крейе Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. Москва: Центрполиграф, 2002. 384 с.
6. Попов А.Н. Барон Штейн в России // Русский архив. 1880. Т.2. М.: Издательство Лебедева. 1880. С.426–466.
7. Фадеев А.В. К истории создания русско-немецкого легиона в России в 1812–1813 гг. // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М.: Наука, 1965. С.264–273.
8. Arndt E.M. Ein kurzes Wort über Russland und sein Verhältnis und Verhalten gegen das übrige Europa vor und seit Peter dem Großen // Der Nordische Kontrolleur. 2 Bde. Stockholm: J.P. Lindh; 1808/09. Teil I (6 Hefte: vom März bis September 1808); S.1–384. Teil II (7–12 Hefte: vom September 1808 bis zum Februar 1809); S.385–701.
9. Arndt E.M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben. Leipzig: Weidmann 1840.
10. Arndt E.M. v. Blick aus der Zeit auf die Zeit. Frankfurt a. M.: Germanoen, 1814.
11. Arndt E.M. v. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich vom Stein. Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1858.
12. Arndt E.M. v. Ode an den Kaiser Alexander // Russlands Triumph 1812 oder erwachte Europa. 6 Bde. Berlin: bei Rudolph Werdmeister, 1813. Bd. III, S.3–9.

МЕЖДУ «БОЛЬШИМ СТРАХОМ» И «ВЕЛИКИМИ НАДЕЖДАМИ»

13. Boyen H., von. Beiträge zur Kenntnis des Generals von Scharnhorst und seiner amtlichen Tätigkeit in den Jahren 1808 bis 1813. Berlin: bei Ferdinand Dümmer, 1833–68 S.
14. Christian Graf von Krockow. Porträts berühmter deutscher Frauen von Königin Luise bis zur Gegenwart. Berlin: List Taschenbuch, 2004.
15. Clausewitz C. von. Ausgewählte Briefe an Marie von Clausewitz und Gneisenau. /Hrsg. von Thiele G. Berlin: Verlag: Verl. d. Nation Bln., 1953.
16. Clausewitz C. von. Schriften – Aufsätze – Studien – Briefe. / Hrsg. von W. Hahlweg. Bd. I–II. Göttingen, 1966.
17. Dunker M. Friedrich-Wilhelm III im Jahre 1809. In Abhandlungen aus neueren Geschichte // Preußische Jahrbücher. 1878. Bd. 42. Heft 2. S.123–162.
18. Freiherr vom Stein – Brief an die Gräfin Ludovica von Lanskoronska vom 17. März 1810 // Briefe und amtliche Schriften. Herausgegeben von Walther Hubatsch, 10 Bände, Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1957–1974.
19. Freiherr vom Stein. Denkschrift vom 8. September 1808 // Briefe und amtliche Schriften. Herausgegeben von Walther Hubatsch, 10 Bände, Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1957–1974.
20. Gaede U. Preußens Stellung zur Kriegsfrage im Jahre 1809. Ein Beitrag zur Geschichte der preußischen Politik vom Erfurter Kongress, September 1808, bis zum Schönbrunner Frieden, Oktober 1809. Hannover: Hahn'sche Buchh., 1897. 162 S.
21. Gentz Fr. v. Mémoires et lettres inédites. / Publ. par G. Schlesier. Stuttgart: L. Hallberger Libraire, 1841.
22. Genz an Brinckmann vom 16. Oktober 1807 // Briefe von und an Friedrich Von Gentz. Auf Veranlassung und mit Unterstützung Der Wedekind-Stiftung Zu Göttingen/Hrsg. Von Fr. C. Wittichen. 2 Bde. München und Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1909.
23. Herre F. Freiherr von Stein: sein Leben, seine Zeit. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1975.
24. Just G. Politik oder Strategie? Kritische Studie über den Warschauer Feldzug Österreichs und die Haltung Russlands 1809. Wien, 1909.
25. Rössler H. Österreichs Kampf um Deutschlands Befreiung: die deutsche Politik der nationalen Führer Österreichs 1805–1815. Bd. I–II. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940.
26. Schwartz K. Leben des Generals Carl von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz, geb. Gräfin Brühl. Bd. I – II. Berlin, 1878.
27. Stein an Wittgenstein. Königsberg, 15. August 1808 // Freiherr vom Stein. Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Im Auftrag der Reichsregierung der Preußischen Staatsregierung und des Deutschen und Preußischen Städtetages/ Hrsg. Botzenhart, E. 7 Bde. Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1931–1937. Bd.2. Berlin, 1937. S.489–490.
28. Stein Freiherr vom: Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Vol. 1–8. Berlin: Heymann, 1957–1970.
29. Stein Karl vom. Lebenserinnerungen von Karl vom Stein. Hagen: Bamberger, 1901.
30. Varnhagen von Ense K.A. Denkwürdigkeiten des Eignen Lebens von K. A. Varnhagen von Ense. / Hrsg. u. einged. v. J. Kühn. 2 Bde. Berlin: Berlin Wegweiser – 23, 1922.

Татьяна Филиппова

КУЛЬТУРА, РЕВОЛЮЦИЯ, ВОЙНА

«КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» КРИЗИСА 1917–1922 ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
316.423.3:316.73

В центре внимания работы – переосмысление в современной историографии (отечественной и зарубежной) культурного контекста военно-революционного кризиса в России 1917–1922 годов. Разработка этой проблематики помогает уточнить ответы на ключевой вопрос данной темы: почему «красный проект» оказался успешнее «белого» и какое место в этой эпохальной коллизии сыграли факторы, явления и запросы культуры. Обрушение традиционной системы ценностей, формирование неосакральности большевистского образца; реальность или утопичность демократической альтернативы в российской революции; причины слабости либерального курса; конспирология и мифология большевистского переворота; спор о культурной сути большевизма, взаимная ответственность общества перед культурой и культуры перед обществом на переломном этапе отечественной истории – таковы основные темы, которые находятся в центре внимания современной мировой исторической науки по данной проблематике.

This work deals with contemporary historiographic rethinking (both in Russia and abroad) of the cultural context of war-revolutionary crises in Russia, 1917–1922. This problematic field helps to shape the answer to the main question of the topic: why did the “red project” turned out to be more successful, than the “white” one, and what was the role of cultural factors, demands and collisions in this process. The crush of traditional values system; formation of Bolshevik’s new sacrality; reality and utopia of democratic alternative in Russian revolution; the causes of weakness of the liberal politics; conspirology and mythology of Bolshevik’s upheaval; the discussion on the cultural essence of Bolshevism; mutual responsibility of society towards culture and culture towards society in the turning moment of Russian history – these are the main topics of the world’s historical science of this problematic sphere.

Ключевые слова: Революция в России 1917 года; гражданская война в России 1917–1922 гг.; современная историография революции и гражданской войны в России, большевизм как политико-культурное явление; российский либерализм; конспирология и мифология большевистской революции; культура России в 1917–1922 гг.

Key words: Revolution in Russia; 1917, the Civil War in Russia, 1917–1922; modern historiography of the revolution and the Civil War in Russia; Bolshevism as a political-cultural phenomenon, Russian liberalism; conspirology and mythology of Bolshevik’s revolution Russian culture in 1917–1922.

E-mail: filipova2006@yandex.ru

Революции чаще всего совершаются не потому, что одна сторона стала просвещенней, а потому, что другая натворила слишком уж много глупостей.

Антуан де Ривароль

Пожалуй, важнейшей новацией нынешнего этапа осмысления военно-революционной эпохи 1917–1922 годов в России стало обращение к ее главной ценностной коллизии – взаимной ответственности культуры перед обществом и общества перед культурой в условиях краха прежних политических, нравственных, идейных, эстетических ориентиров и ускоренного формирования новых. Чтобы в полной мере оценить эту новизну, важно увидеть, как меняются в наши дни язык описания, объекты и стратегии анализа культурной сферы эпохи Великой революции и гражданской войны в исторической науке современной России. Именно эти аспекты подхода к теме позволяют современным исследователям ставить и решать новые вопросы «культурного измерения» величайшего кризиса в истории нашей страны.

Что в содержании, стиле и специфике российской культуры начала XX века предопределило (или предсказало) военно-революционный характер разрешения кризиса 1917–1922 годов? Как повлияли события революции 1917 года и гражданской войны на статус, роль и значение культуры в радикально трансформирующейся жизни государства и общества? В какой мере специфика и традиции российской культуры проявились в ходе революционного кризиса? Чаще всего именно эти вопросы создают проблемное поле работ современных российских историков, спустя сто лет после очередной «русской смуты» обращающихся к ее изучению. Ответы авторов зачастую порождают новые вопросы, что закономерно для изучения сложнейших отношений в пространстве взаимодействия космоса культуры и хаоса революции.

«Новая культурная история»: логос культуры против стихии охлоса

Нынешний этап развития российской историографии культурной проблематики Великой революции и гражданской войны интересен темпами перемен в структуре и методологии

научного процесса. Если 1980-е годы были отмечены революцией тематик и идеологических трактовок, а 1990-е – не менее значимой «архивной революцией», то «нулевые» и 2010-е годы продемонстрировали

настоящий рывок в области теоретико-методологического освоения темы. Конечно, уход значительной части российских исследователей уже на рубеже 1980-х – 1990-х годов от прежних марксистских установок неизбежно вызывал острый интерес к западным методологическим подходам. Но долгое время их освоение было неизбежно поверхностным, отражая, скорее, научную «моду», протест против прежнего «единомыслия» и дефицит новых исследовательских стратегий. Однако процесс, как говорится, пошел, и начало нового столетия увидело первые плоды обновленного видения и более зрелого осмысления данной тематики в новом теоретико-методологическом формате.

Новации закономерно проявились, прежде всего, в активном и, что важнее, адекватном использовании достижений междисциплинарных стратегий, в интересе к синтезирующим возможностям так называемой *новой культурной истории* как производного от культурной антропологии. Вслед за своими западными коллегами, а иногда и одновременно с ними российские исследователи начали использовать термин «культура» во множественном числе и во все более расширяющемся смысле.

В чем именно с наибольшей очевидностью проявился интерес к упомянутым теоретическим подходам в применении к интересующей нас проблематике? Прежде всего – в готовности рассматривать политику как символическое действие, изучать политическую коммуникацию в ее самых разных конкретно-исторических проявлениях. И в этом смысле российским исследователям было на кого опереться в освоении обновленной познавательной базы своих изысканий¹. Так, в работах британского историка Ф.С.Лайонза убедительно показано, что политические проблемы – относительно поверхностные проявления глубинных культурных конфликтов или «столкновений», а поэтому большее внимание к культурной истории уместно именно в изучении революционных эпох [70]. Не меньшее влияние на популярность и продуктивность культурно-антропологического подхода к исторической реальности как за рубежом, так и в России оказали работы Клиффорда Гирца по «интерпретативной теории культуры» [22]. В противоположность интеллектуальной истории, она тяготеет к изучению ментальностей, стихийных представлений и чувств, наиболее ярко и отчетливо выступающих на авансцену истории именно в революционные эпохи. В терминах культуры (*cultural explanation*) все чаще объясняются истоки и природа общественных катаклизмов, а интерпретация культурных смыслов как

¹ См., к примеру, [6; 67; 74].

ключевых параметров революционных сдвигов все чаще превалирует над анализом социальных функций обычаев. В такой расширительной трактовке предмета культуры присутствуют углубленный интерес к истории повседневности и акцент на символах, прежде отданных российскими историками «на откуп» литературоведам, искусствоведам, лингвистам.

Неудивительно, что именно революционно-военная стихия – со свойственными ей радикальными переменами в символах, ценностях и нормах повседневности – становится сегодня в России благодатным исследовательским пространством для применения методологий и стратегий исторической антропологии и *новой культурной истории*. В исследованиях российских авторов все чаще звучит мысль о принципиальной важности учета культурных форм и практик, о значении временного сочетания прежних культурных возможностей с новыми культурными «опциями» для объяснения закономерностей революционного кризиса 1917–1922 годов².

Подобный широкий взгляд на культурную проблематику отмечает – как признак времени – исследователь региональных аспектов истории гражданской войны В.И.Голдин. По его словам, обновленное социокультурное исследование этого этапа российского кризиса «приобрело в последние годы немало сторонников. Налицо попытки осмысления вековых традиций раскола в российской истории (включая трактовку истории страны как "расколотовой цивилизации"), изучения сущности социокультурного раскола "верхов" и "низов", его внутренних и внешних факторов и причин, а также соотнесения их с историческими реалиями раскола начала XX века, обусловившего глобальный взрыв, влияние которого сказалось далеко за пределами России» [23]. Роль этой исследовательской линии историк видит в том, что именно она открывает «возможность приращения знаний об истории человека и общества в переходную и экстремальную эпоху ломки традиционных и формирования новых ценностей, жизни "на краю" или "за краем" возможного» [23].

Беспорным лидером в изучении этого сложнейшего предмета в современной исторической науке России выступает В.П.Булдаков, основатель целого направления в исследовании революции 1917 года и ее последствий [9; 10; 13; 14]. Находясь в общей «системе координат» с представителями западных научных школ, этот исследователь развивает и собственные методики в исследовании широко понимаемой «красной смуты». В своих совместных работах В.П.Булдаков и Т.Г.Леонтьева

² См., напр.: [5; 24; 42].

препарируют широчайший документальный материал революционной реальности на микро- и макроуровне историко-культурной аналитики. Начиная с культуры масс и поднимаясь до дистиллированных сфер элитарной культуры, эти авторы демонстрируют, как *логос* прежней культуры на всех «фронтах» военно-революционной реальности проигрывал *стихии* охлоса, успешно преобразуемой большевизмом в формы новой, агрессивной контркультуры. Эту ситуацию исследователи трактуют как еще один парадокс иррационального характера *культурной инволюции* российского социума в первые десятилетия XX века: «Развитие информационных технологий произвело парадоксальный эффект: мир стал в наибольшей степени руководствоваться не наукой, а эмоциями, не разумом, а чувствами, не расчетом, а инстинктом. И в России "откат в прошлое" произошел с особой силой»³ [16, с.17].

В русле этой исследовательской стратегии на видное место выступают такие подходы к интерпретации эпохи, как история практик, история репрезентаций, история повседневности и история культурной памяти, со свойственными ей образами, мифологемами, стереотипами и клише, способными воссоздавать и транслировать энергию социо-исторических фобий, филий и маний [4; 40; 42; 44]. Особое внимание к настроениям, эмоциям, социальному самочувствию и психическому здоровью социума в условиях войны и революции также становится характерным признаком развития современной российской исторической науки в применении к интересующей нас теме [35; 36; 41; 49].

Важное место в этом процессе занимают работы Т.Ю.Красовицкой, в которых фактор этничности в 1917–1920-х годах препарируется в логике того качества, в котором он выступил наиболее ярко, то есть как самостоятельная сторона (сила) в революции и гражданской войне, как один из *ключевых культурных элементов* ее политического ландшафта. Этнокультурный ракурс взгляда на революционную проблематику позволил автору по-новому увидеть и оценить природу разнообразных историографических и образовательных нарративов эпохи, рассказанных «разными голосами». Разными не только в этническом, но и в политико-культурном смысле: с позиций националистических и интернационалистских установок, либеральных и традиционалистских ориентиров, государственных и анархистских позиций, а также с позиций федерализма, сепаратизма и централизма. В итоге, отмечает Красовицкая, доминирование большевистского проекта в области этно-

³ См. также на эту тему подробнее: [15].

культурной политики способствовало тому, что в политическом дискурсе с начала 1920-х годов возобладал курс на социальную и «культурную» инженерию, направленную на включение российских этносов в строительство социализма [32; 33].

«Военизация жизненных миров» – политико-культурные интерпретации

В применении к событиям 1917–1922 годов политико-культурная оценка российской исторической специфики сделалась в последние годы объектом особого внимания, отразившись

в ряде ярких публикаций. В настоящий момент в центре полемики находится вопрос о приоритетности познавательных стратегий применительно к политической культуре революционного времени – обращение к «символьному» и «ритуалистическому» коду новой реальности [29; 30; 65]; внимание к ее «человеческой», «низовой» повседневности в психоисторическом измерении [10; 12; 16; 63]; подход к анализу политико-культурной реальности революции исходя из нового прочтения самой природы институциональных, властных и общественно-политических явлений [2; 54; 64]. Подобное разнообразие исследовательских «оптик» видится явлением продуктивным и подчеркивает важную роль политико-культурной тематики в общем процессе исследования революционной темы.

Роль и политико-культурную специфику «военизации жизненных миров» в ходе российского военно-революционного кризиса в ракурсе культурной коммуникации и дискурса насилия анализирует на региональном материале И.В.Нарский [43]. Другой российский исследователь отмечает интерес к сравнительно-культурологическому инкорпорированию российских реалий 1917–1922 годов в мировой политико-культурный контекст революций и гражданских войн. «Гражданская война после революции вписывается в сравнительный ряд революций, сопровождавшихся, как правило, гражданской войной и внешним участием, – пишет А.В.Посадский. – Более того, сами революционеры очень трепетно относились к таким сравнениям. Большевики во многом жили в мире образов Французской революции. Отсюда – страх термидора и Бонапарта» [46].

Стремление развить данную тему и разобраться в «бонапартистской» символике и метафорике как политико-культурном аспекте своеобразия российской революции и гражданской войны отчетливо про-

явилось в ряде публикаций последних лет⁴. Причем развитие исследовательских стратегий и здесь все более обретает культурно-психологический и культурно-антропологический ракурс⁵.

На сегодняшний день содержание темы представляет собой поле культурных интерпретаций угрозы (реальной и мнимой) большевистскому режиму со стороны популярных советских военачальников, а момент становления феномена «советского бонапартизма» – проблему политико-культурного менталитета новой раннесоветской власти. Череда полевых командиров, «красных бонапартов» разных оттенков в подобном ракурсе предстает изрядно мифологизированным, но оттого не менее серьезным объектом страхов, возникавших у большевистского руководства именно на почве культурных аналогий. Историки стремятся найти ответы на два вопроса. Первый: в какой мере за тревогой новой государственной элиты стояли реальные угрозы эпохи революции и гражданской войны, в котле которой вызревали, закалялись и бесследно исчезали буйноголовые атаманы (вспомним, к примеру, «героев» гражданской войны М.А.Муравьева и Н.А.Григорьева)? Второй: в какой мере эти страхи отражали лишь структуры исторической памяти, в «культурных депо» которой образ Бонапарта отложился архетипическим воплощением столетних фобий и филий, характерных для российского общественного сознания и государственной мысли?

Как полагает Т.А.Филиппова, новую власть страшила амбивалентность феномена в восприятии его разными слоями и категориями людей, в той или иной мере приобщенных к советской власти. С одной стороны, героико-романтические коннотации образа воина-победителя, славного полководца с популистской риторикой не могли не вдохновлять красных командиров с дореволюционным культурным прошлым. С другой – опасения бонапартистского переворота как угрозы для «революционной власти» неизменно посещали верхние эшелоны большевистского руководства, не до конца уверенного в собственной неуязвимости. Неудивительно, что большевистские лидеры, с самого начала своего правления руководствуясь предупреждениями Карла Маркса («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»), проявляли бдительность в отношении собственных боевых командиров, к тому же не всегда управляемых. Ибо не без основания опасались обострений внутри того треугольника, который традиционно становился полем действия бонапартистской идеи и практики: власть – крестьянство – армия [57, с.22].

⁴ См., напр.: [19; 21; 26; 37; 39; 50; 52].

⁵ См., напр.: [57; 58; 59].

Современные исследователи отмечают, что многочисленные аналогии в истории французских революций (как символический знак, как развернутая аллегория) не могли не прийти на ум части тогдашнего общества, не потерявшей способности к интеллектуальным упражнениям и культурным ассоциациям. Так, в бонапартизме гуманитарно образованное большевистское руководство подозревало (помимо упомянутых атаманов Муравьева и Григорьева) И.И.Вацетиса, Ф.К.Миронова и Б.М.Думенко – кавалерийских начальников, командовавших наиболее боеспособными соединениями, «золотопогонника» Тухачевского и даже вполне лояльного С.М.Буденного, не обремененного политическими амбициями⁶...

Вереница этих исторических персонажей дает представление о важных политико-культурных метаморфозах того образно-символического пространства реннесоветской истории, в котором происходило разделение типов политического поведения и самопрезентации новой власти. Энергичные провинциальные «бонапарты», вдоволь натешившись и властью, и анархией, сгорали в котле революции и гражданской войны. Непреодолимый провинциализм и дилетантизм политической культуры кандидатов в «бонапарты» неизбежно обрекали на неудачу все их попытки оформить режим личной власти в контексте гражданского противостояния [59].

Сочетание методов «новой культурной истории» и политико-культурного подхода характерно и для работы А.Ю.Большаковой, соприкасающейся с темой социокультурной базы «советского бонапартизма». Русская деревня, «крестьянская стихия», «народная почва» исследуются ею как базовый культурный архетип, закрепившийся в историко-литературном предании, транслирующийся из эпохи в эпоху и во многом ответственный за остроту и масштабы гражданской войны в крестьянской России [7].

Характерным для нынешней ситуации в российской историографии становится и выстраивание авторами своего рода «шкалы» политико-культурных потерь военно-революционного времени. Так, ряд историков концентрирует внимание на том, что поднятая революционным потоком волна архаизации политического сознания «вымывала» собственно «политическое» из него, переводя задачи создания нового государственно-правового каркаса в привычное русло поисков «врагов» [8]. Неудивительно, что одной из важнейших задач власти после Октября стала широко понимаемая работа с языком – от завершения реформы

⁶ См., к примеру: [51; 52].

орфографии до преобразования *крика улицы* в молчаливое принятие агрессивного монолога адептов «единственно верного учения». И в этом большевизм хорошо выучил уроки самодержавия. Исторический проигрыш последнего был ускорен фактом нарастающей культурно-информационной изоляции власти в течение предреволюционных месяцев [1; 3]. А между тем в эпоху Николая II фактически формировались предпосылки не только политической и социальной, но и информационно-культурной революции. Ширилось и крепло научно-образовательное сообщество [27], росло число грамотных людей, причем миссия расширения народной грамотности зачастую была доверена откровенным противникам императорской власти. Стремительно развивались новые виды культурной продукции, рассчитанные на массового потребителя – уже не «барина», а вчерашнего или нынешнего «мужика» [34].

Вопреки этим обстоятельствам правительственная бюрократия, возлагая надежды на традиционные, не действовавшие в условиях цивилизации модерна каналы коммуникации с народом (исконные верноподданнические чувства русского «мужика», присяга и честь «барина», мистическое единение монарха и подданных в лоне Православной Церкви), так и не выработала культурные и информационные стратегии, которые позволили бы в новых условиях наладить взаимопонимание с обществом. Не удалось это и либеральному Временному правительству, слишком рефлексивному и осторожному в своем «непредрешенчестве» и в излишне умозрительном подходе к государственному менеджменту в условиях кризиса. Логика либеральной политической культуры явно проигрывала хаосу революции, успешно преобразуемому большевизмом в новых формах контркультуры [20; 53; 62].

Неудивительно, что именно большевики, не скованные ни этической, ни идейной нормативностью, смогли оседлать стихию революции и направить ее в русло своих жестких, но изменчивых установок и неизменно силовых тактик. Утилитарное отношение к репертуару чужих идейных ориентиров было не только закономерным, но и единственно возможным условием выживания самой власти, сформировав в итоге ее принципиально новое политико-культурное «лицо». В отсутствие реально работающего народного представительства, структур многопартийности, законной оппозиции, экономической конкуренции, сильного среднего класса и общественного диалога сама большевистская власть осуществляла право-левый дрейф и, даже уходя от революционной «классики», неизменно использовала символичный потенциал революционного мифа [31; 38; 55].

В 1917–1918 годах подобные приемы и методы только начали апробироваться советским режимом, но сама их идейно-политическая *беспринципность* во имя *принципа* сохранения собственной власти и продвижения своего государственного проекта сработали успешно. Если, конечно, измерять успех степенью неоспоримости собственной власти, достигаемой любой ценой и любыми средствами...

К политико-культурным потерям 1917 года авторов относят – помимо прочего – этически бесценную, но «излишнюю» в условиях революционного противостояния, культуру рефлексии и критической самооценки в пользу триумфалистских настроений собственной правоты и непогрешимости, свойственных адептам «единственно правильной» идеологии [4; 5].

**«Риторика конфронтации»
и «технологический» подход
к культуре**

Отмеченные новации в теории и методологии научного познания в последнее десятилетие привели к ряду позитивных перемен в структуре, организации и наполнении само-

го научного процесса. С началом нового столетия совместные исследовательские проекты зарубежных и отечественных историков носят все более функциональный, рабочий характер: различие, точнее, разнообразие точек зрения на основной объект анализа (в нашем случае – на события гражданской войны в России) не мешает историкам разных стран говорить на одном языке науки, изначально «договорившись о терминах». Отметим лишь несколько наиболее показательных примеров подобной деятельности и ее результаты.

Одним из первых международных проектов, реализованных на широком сравнительно-историческом материале революции 1917 года и гражданской войны в ракурсе культурной истории, стал российско-немецкий сборник «Человек и война. Война как явление культуры»⁷. В режиме междисциплинарного диалога его авторы попытались увидеть войну как «мотор» накопления нового опыта, выработки новых моделей поведения, трансформации культурных ориентиров. Участники проекта стремились проследить, «как складываются практики и технологии выживания в экстремальных условиях войны, каким образом культурные установки общества воздействуют на субъективное восприятие и толко-

⁷ Сборник подготовлен на материалах одноименной международной научной конференции, прошедшей в апреле 2000 г. в Челябинском государственном университете [61].

вание войны ее участниками и современниками». Объектом критического анализа стала и новая терминология историко-культурного дискурса революции 1917 года и гражданской войны, только входившая тогда в широкое употребление – «культурный опыт», «коллективная память», «инструментализация военного опыта», «дискурс насилия» [61, с.4–5] и пр.

Понимание друг друга на уровне исследовательской методологии делает диалог ученых в последние десять – пятнадцать лет все более функциональным и продуктивным. Конкретный пример тому – международный исследовательский и издательский проект «Russia's Great War and Revolution»⁸. Магистральной идеей проекта, у истоков которого стояла инициатива международной группы из 25 историков, в том числе российских, стал ориентир на объединение российского опыта и международного научного наследия в исследовании главных феноменов эпохи, неразрывно связанных между собой, – Первой мировой войны, Великой российской революции и гражданской войны в России.

Примечательно, что среди первых изданий проекта с участием как западных, так и российских авторов – два тома, специально посвященные вопросам культуры в ее широком современном понимании, в которых исследователи представили своего рода мозаику (не всеохватывающую, но весьма репрезентативную) культурных аспектов грандиозного кризиса, радикально изменившего облик России⁹.

Допуская возможность совмещения разных трактовок культуры как объекта конкретно-исторического интереса, авторы двухтомника обращаются к «категории российской культурной истории от эпохи поздней империи до ранней советской истории» как «форме ответа, реакции на трудности и шоки военно-революционного времени» [71, р.ХХ]. Именно эта «реактивность» в отношении вызовов эпохи и придавала небывалую прежде мощь, разнообразие и темпы «ответам» культуры на вопросы кризисной повседневности. Время демонстрировало – как парадокс и маркер российской ситуации – культуру подъема, вопреки материальным сложностям и сокрушительным социально-политическим катаклизмам. В духе «новой культурной истории» подобную «культурную акселерацию» авторы усматривают в разных пластах военно-

⁸ Сайт проекта см.: URL: <http://russiasgreatwar.org/index.php>

⁹ См.: [72; 73]. Концептуально проект «Великая война и революция в России» берет начало от книги Питера Холквиста «Делать войну, ковать революцию» [68]. Ее автор доказывает, что весь исторический период – с начала Первой мировой войны до конца войны гражданской – был единым континуумом кризиса, и пространство культуры играло в нем особую роль.

революционной реальности России. Среди них – «патриотическая мобилизация, коммерческие запросы, жажда глобального конфликта и революционных перемен дома, стремление уйти от реальности, а также примечательное политическое убеждение в том, что культуру можно использовать для переделки общества» [71, р.ХХI].

Вклад В.П.Булдакова в данный международный проект подкреплен его упомянутыми новаторскими исследованиями «красной смуты» как многопланового культурно-исторического, социокультурного и культурно-антропологического феномена. В данном случае он концентрирует внимание на широко трактуемой *культуре масс*, вершивших, в конечном счете, революционный процесс. Активный культурный взаимодействие городских и крестьянских низов, – показывает автор, – проходил в условиях «высокой культуры» модерна и взрывного русского «авангарда», которые создавали картину «новой культуры», необычайно сложную для научной реконструкции. Синтез старого и нового проявлял себя в формах «интеллигентского опрощения», «художественной провокации», ухода от эстетического наслаждения в пользу «веры» (на этот раз – в «светлое будущее»), отказа от «агрессивной карнавальности» 1917 года в пользу большевистского идеологического морализаторства.

В итоге, доказывает Булдаков, новая культура была призвана активизировать «судейский комплекс», характерный для традиционного общества [66]. Возникший в сумятице гражданской войны тип культуры оказался способен перекодировать и поставить себе на службу даже стилистику «авангарда» – художественного направления, ставшего визитной карточкой русской культуры XX века: «Если до революции авангард стремился трансформировать банальность каждодневной жизни в фантазмагорию с целью разоблачить ее ужасные противоречия, теперь (в начале 1920-х. – Т.Ф.) он стремился избежать ужаса войны путем сохранения традиции. Более того, сюрреалистические образы повседневности столкнулись с футуристским видением, приемлемым для государства. На место дореволюционной культурной иерархии пришел своего рода революционный элитизм» [66, р.51–52].

Б.И.Колоницкий, как один и инициаторов упомянутого международного проекта и также создатель нового направления в исследовании культурной специфики эпохи кризиса 1917–1922 годов, анализирует феномен политического лидерства. Корни этого феномена он находит в обстоятельствах Первой мировой войны и особенно – Февральской революции. К примеру, образ А.Ф.Керенского как новый архетипиче-

ский символичный конструкт фиксировал своеобразие момента, со временем лишь усугубившееся: причудой времени стала, по мнению историка, политико-культурная ситуация, при которой демократическое лидерство совмещалось с архаичной потребностью масс *любить вождя* (правителя-победителя). Подобные культы имеют, по наблюдению автора, военное происхождение и милитаристичны по сути. Неудивительно, что их подкрепляют ксенофобии, идейная вражда и образы «коварных заговорщиков». Этим социокультурным своеобразием российского массового сознания большевики впоследствии и воспользовались в целях эффективной политической мобилизации [69]. Так новые политические, культурные, ментальные и идеологические формы внедрялись в массовую среду, накладываясь на патриархальное сознание [69, p.54].

Концептуально интегрирующая линия в работах авторов данного проекта может быть сформулирована следующим образом. Культурная сфера оказалась не столько объектом революционного действия, сколько его субъектом, выступив одним из центральных механизмов циркулирования информации, продвижения идей патриотизма, обмена мнениями, борьбы с прежней иерархией, выработки альтернатив развития страны и даже ухода от реальности. В демократической России она превратилась в главный канал включения народных масс в общественную жизнь в прежде недоступных им форматах: через чтение, слушание, социализацию. Большевики уделяли большое внимание культурной политике как пространству борьбы за умы и души подданных, внезапно ставших гражданами. Соответственно, в подобном горизонте восприятия слабость или отсутствие массово-ориентированных культурных программ видится едва ли не главной причиной недолговечности Временного правительства и поражения Белого дела.

При этом работы большинства авторов показывают, что 1917 год выступил не столь уж резкой чертой, разделившей старую и новую культуру. Если принять в расчет весь период – с начала Великой войны до конца гражданской, – то разрыв в культурной сфере не покажется столь очевидным. Во многих сферах традиционные культурные формы продолжали существовать – пусть и под новой идеологической вывеской. В этом смысле ритм культурной истории России не соотносился напрямую с хронологическими и тематическими вехами 1914–1922 годов. Но можно предположить, что культурные перемены шли на деле медленней и были менее всеохватывающими, чем политические, экономические и социальные трансформации. А потому об этом времени

точнее говорить как о периоде *перехода, транзита культуры*, но не о ее *революции* [71, р. XXI].

Диалог исследователей в интересующей нас области получает продолжение в многолетнем проекте, осуществляемом Институтом российской истории РАН¹⁰. Примечательно, что в его авторский коллектив входят и участники упомянутого международного проекта. Обратимся к важнейшим проблемным аспектам его культурной тематики.

По словам руководителя проекта Ю.А.Петрова, в современных интерпретационных стратегиях российских исследователей «революция оказывается частью системного кризиса империи, вызванного мировой войной и завершившегося только с окончанием гражданской войны» [47, т.1, с.9]. И дело не только в уточнении или обновлении хронологизации военно-революционных процессов эпохи. В богатую на события революционную пору «речь шла о сложной диалектике переосмысления достижений Серебряного века, взаимной ответственности культуры перед обществом и общества перед культурой» [45]. Так стартовые особенности культурогенных процессов эпохи Мировой войны и революции 1917 года предопределили специфику культуры периода вооруженного гражданского противостояния.

Сама формулировка авторских тем в данном проекте предполагала использование междисциплинарных методик и современных подходов, в том числе новой культурной истории, изучение не только рафинированной культуры элиты, но и явлений массовой культуры. Своими ответами на поставленные вопросы авторы во многом раздвинули рамки представлений о «культурогенности» кризисных процессов 1917–1922 гг. в России.

«Поднятая революционным потоком волна культурной архаизации политического сознания, сам язык революции – от "крика улицы" до многословных тирад лидеров, даже массовые психопатологические проявления фрустрированного революцией и гражданской войной общественного сознания – другими словами, стихия всеобъемлющего кризиса эффективно утилизировались большевиками, рискнувшими воспользоваться этим состоянием общества в своей культурной политике», – отмечает вполне ожидаемый в подобном проекте автор В.П.Булдаков, аргументируя свое заключение многочисленными свидетельствами эпохи – от высоких образцов Серебряного века до «низовой» культуры масс [11].

¹⁰ См.: [47; 48].

Обложка журнала. Июнь 1918 г.

Анализируя последствия порожденных революцией трудностей (временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов) в осмыслении и вербальном отражении действительности С.Г. Антоненко приходит к важному выводу. Непомерно высокая человеческая цена, которую заплатила Россия в XX веке за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что прежняя культурная, государственная и политическая элита страны не справилась с исторической задачей актуализации культурных ценностей, с переводом смыслов традиционной аксиологии патриархального общества на язык цивилизации модерна. В итоге жесткие, бо-

лезненные, травмирующие действия новой власти (в том числе и в своем «культурном проекте») были сколь этически преступным, столь и исторически неизбежным ответом на назревшие вопросы российской действительности [1].

Идейный разлом внутри прежде единых профессиональных и культурных корпораций – на примере состояния высшей школы в революции и гражданской войне – находится в центре внимания А.Е.Иванова. Исследователь прослеживает истоки *долгих линий* развития основных тенденций в этой сфере, в ходе которых отказ от прежних структур и практик сменился выборочным инкорпорированием традиций в новое научно-образовательное пространство [28].

И.В.Купцова анализирует историческую специфику и социальные основания контакта массовой культуры с народной и элитарной как один из важнейших процессов эпохи, усматривая в этом *модель культурного выживания* в условиях кризиса [34]. Особое внимание уделяется такому психосоциальному состоянию общества, как *тревога*, – фактору повседневности и творчества, предопределившему не только драматизм, но и особую энергетическую насыщенность культурных про-

цессов, отражавших неумолимое приближение открытого гражданского противостояния.

На стремительное развитие особого языка символов и метафор в период российского военно-революционного кризиса как производного от процесса модернизации культуры в чрезвычайных условиях обращает внимание А.В.Голубев, отмечая конфликтогенный потенциал культуры эпохи: парадоксальное сочетание архаичности народной «почвы» и авангардизма гипермодернизаторских установок власти [25]. Образ «Запада» как фактора мобилизации, как амбивалентного источника и «угрозы», и «благоприятных изменений», ключевые для русской культуры мифологемы «правды» и «справедливости» – эти и многие другие составляющие российского «культурно-исторического типа» интерпретируются автором как культурные маркеры военно-революционного процесса, предопределившего специфику становления советского государства и общества.

Культурную специфику эпохи в плоскости исторической памяти о ней, а также коммеморативных практик государства и общества исследуют В.В.Тихонов и С.В.Журавлев, используя методики теорий памяти. Авторы обратились к новому прочтению старых культурных смыслов на фоне происходившей в 1917–1922 годах ускоренной и успешной (для целей власти) символизации революционных событий. Именно этот процесс на последующих этапах развития советской государственности позволил эффективно использовать символичный потенциал революции в сугубо утилитарных политико-государственных целях режима [56].

Ширяющуюся *риторику конфронтационности* культурных стратегий в режиме поиска «враждебного окружения» и «заговора темных сил» (внешних и внутренних), подмену рационального анализа ситуации морализаторско-интеллигентской критикой Т.А.Филиппова называет важнейшим культурно-психологическим признаком времени. Автор исследует картину глубокой политико-культурной фрустрации в обществе. Именно это явление привело к подвижности смыслов и быстрой ротации поясняющих стратегий в попытках социума разобраться в причинах «русской смуты». Синхронное сосуществование в бытии российского социума стадияльно разных политико-культурных типов неизбежно вело к конфликтному наслоению соответствующих этим культурам идейных ориентиров, реакций, практик и самочувствий. И это многое объясняет в культурной специфике эпохи революции и гражданской войны [60].

Вызывающие это своеобразие причины: холизм традиционного общества, разрыв культуры «верхов» и «низов», различие «исторических возрастов» у разных этносов, разные темпы в модернизации экономики, социальной жизни и культуры, конфликтное разнообразное содержание

«депо» исторической памяти и культурных ассоциаций у разных слоев общества – все эти цивилизационные особенности России опасно наплаивались в ходе ускорения исторического времени. На выходе это создало кумулятивный эффект, неизбежно приведший к революции и ее перерастанию в вооруженное гражданское противостояние [60, с.550].

Заслуга упомянутых научных проектов на сегодняшний день состоит, как представляется, не только в том, какие ответы были даны на вопросы познания культуры как фактора революции и гражданской войны. Важнее, какие вопросы были заданы и оставлены открытыми для дальнейшего углубления дискурса на заданную тему.

* * *

Взгляд на современное состояние историографического осмысления «культурного измерения» Великой революции и гражданской войны в России позволяет сделать ряд выводов. Поиски ответов на вопросы о роли культуры как фактора и «действующего лица» эпохи 1917–1922 годов выявляют несколько уровней и ракурсов трактовки темы, в чем-то оппонированных, а в чем-то дополняющих друг друга, но создающих довольно широкое проблемно-тематическое поле, наиболее общие характеристики которого можно свести к следующим авторским позициям.

Гражданская война, как и предшествовавший ей революционный кризис, стали финальным актом разрешения существовавшего в России с начала XVIII в. конфликта двух культур – «барина» и «мужика». В итоге одна культура победила другую; побежденная, «барская», сильно трансформировавшись, продолжила свое существование лишь в «резервациях» – в эмиграции, в церкви, среди некоторых слоев интеллигенции. Социально-политический, духовный, идейный кризис, вылившийся в военно-революционное противостояние, явился одинаковым вызовом для обоих типов русской культуры. Оба не пережили испытаний в своем прежнем виде, однако парадоксальным образом «сплавились», дав феномен новой, советской культуры, по факту – не «барской», но и не «мужицкой». Другими словами, сущностное единство российской культуры не дало исчезнуть нации, но во многом «перекодировало» (травматически!) ее культурные характеристики.

Победа большевиков в гражданском противостоянии была обусловлена отчасти и тем, что они сумели более четко выявить *прикладную роль* культуры, используя «технологический» подход к ней. Белые же стояли на «органических» позициях, надеясь, что традиционные ценности и прежняя культурная идентичность одержат верх «как-нибудь» сами.

Жесткие, болезненные, травмирующие действия новой власти были сколь этически преступными, столь и исторически неизбежными ответами

на реальные, остро назревшие вопросы российской действительности. По справедливому суждению социолога и историка А.Г.Вишневского, «при всей невероятности масштабов долговременного "красного террора", нельзя поручиться, что "белый террор" был бы более умеренным. Предреволюционный раскол общества был очень глубоким, белым победителям пришлось бы опираться на те же социальные слои, на которые опирались и красные, а параноики были не только у большевиков» [18].

Кризис прежних ценностей создал условия для прикладного манипулирования культурой. Свободные от сомнений и рефлексий, которыми была пропитана вся ткань старой русской культуры, большевистские лидеры эффективно подменили ее гуманистическую этику идеологическим морализаторством, ценностное наполнение культурных смыслов – полезностью достижений культуры для целей собственного социального проекта. Даже энергию и стилистику «авангарда» новая власть сумела поставить себе на службу. Взяв на вооружение агрессивный, упрощающий, наступательный потенциал этого свободолюбивого (в истоке) художественного течения, большевики перенаправили его в русло жесткого отсечения иных, более рефлексивных культурных достижений модерна.

Принципиально открытыми на данный момент остаются интереснейшие исследовательские направления, в пространстве которых намечаются новые перспективы историописания и развития научного инструментария. Среди них, к примеру, такие: фобии, мании эпохи как проблема культурной апроприации революционных перемен; развитие проблематики нового политико-культурного типа лидерства в революции и гражданской войне; заказчики, творцы и потребители новых культурных ценностей и конфликт интересов в этой среде; критерий «пользы» и задачи культуры на сломе эпох и многое другое...

Возможно, разработка этой проблематики поможет в ближайшем будущем дать уточненные и более полные ответы на ключевой вопрос данной темы: почему «красный проект» в обстоятельствах той эпохи оказался успешнее «белого» и какое место в этой эпохальной коллизии сыграли факторы, явления и запросы культуры. И хотя оценки самими российскими историками результатов научных поисков последних лет по данной тематике существенно расходятся, и подчас полярно¹¹, все же нельзя не увидеть серьезный, конструктивный сдвиг в изучении культурных факторов эпохи.

Роль обрушения ценностной вертикали прежней власти и замены ее неосакральностью большевистского образца; реальность или утопич-

¹¹ См., к примеру, историографические эссе А.Ю.Петрова, В.П.Булдакова, А.П.Ненарокова и Р.Р.Хайрутдиновой в [17].

ность демократической альтернативы в российской революции; причины слабости либерального курса и краха многопартийности; конспирология «заговора» как подтекста большевистского переворота; спор о сути большевизма (торжество архаики над «модерном» революцией или утилизация традиционной «почвы» для целей модернизации?); ответственность общества перед культурой и культуры перед обществом на переломном этапе отечественной истории... Эти и многие другие культурные коллизии неизменно актуализируются и по-своему прочитываются на каждом новом историческом этапе научного осмысления революции 1917 года.

«Смыслы открываются завтра», – любил повторять Жак Лакан. Спустя сто лет поле «красной смуты» инструментарий ее культурных интерпретаций как познавательной стратегии существенно расширился. С его помощью актуализируются и «вчерашние», и «сегодняшние» смыслы «культурного измерения» феномена под названием Великая российская революция.

Библиографический список

1. Антоненко С.Г. Духовная составляющая кризиса 1917 года: грани, факторы, тексты // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура в 2 т. / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.425–455.
2. Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии. *Pro et contra*. М., 2002. Т.7, 3: 51–76.
3. Баратов П.Н. Рисуя революцию. // «Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2017. №1. С.50–55.
4. Баратов П.Н., Филиппова Т.А. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI. 2014. 384 с.
5. Баратов П.Н., Филиппова Т.А. Великая революция и Великая война в русской журнальной сатире. 1914–1918. М.: Кучково поле. 2017. 304 с.
6. Берк П. Историческая антропология и новая культурная истории // «НЛО», 2005. №75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html> (дата обращения 28.03.2018).
7. Большакова А. Деревня как архетип: от Пушкина до Солженицына // Филологические науки. 2001. №3. С.100–103.
8. Булдаков В.П. «Тонкие материи» революции и «ментальные ступоры» историографии // «Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2017. №1. С.43–45.
9. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М.: РОССПЭН. 2007. 204 с.
10. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН. 1997. 376 с.
11. Булдаков В.П. Культурная «мозаика» революционных событий // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.392–425.
12. Булдаков В.П. Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности // ПОЛИС. 2016. №4.

13. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М.: РОССПЭН. 2012. 759 с.
14. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 г.г. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096с.
15. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017.
16. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
17. Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международ. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017.
18. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
19. Волгин И.Л., Наринский М.М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // *Метаморфозы Европы*. М.: Наука, 1993. С.127–164.
20. Вострикова В.В. Российские либеральные политики и идеологи о революции 1917 года // *Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международ. науч. конф.* (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. С.611–618.
21. Ганин А. «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // *Родина*. 2013. №4. С.88–90.
22. Гириц К. *Интерпретация культур* / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С.89.
23. Голдин В.И. Гражданская война в России и на русском Севере: поиски новых методологических подходов в изучении и перспективы исследования. URL: narfu.ru/university/library/books/1896.pdf (дата обращения: 03.03.2018).
24. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М.: Кучково поле, 2008. 384 с.
25. Голубев А.В. 1917 год: между революцией и традицией. Проблемы языка описания // *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т.* / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.506–515.
26. Зданович А. Теплая компания «Красного Бонапарта» // *Родина*. 2013. №12. С.43–47.
27. Иванов А.Е. Высшая школа России в 1917 году. // *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура в 2 т.* / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. С.392–397.
28. Иванов А.Е. Между рефлексией и действием: высшая школа и наука перед лицом революции // *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура в 2 т.* / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.455–466.
29. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
30. Колоницкий Б.И. Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение. 2010. 664 с.
31. Красовицкая Т.Ю. История как политический ресурс «идеального отечества» в революционном популизме февраля – октября 1917 года. // *Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Международ. науч. конф.* (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: ИРИ РАН. 2017. С.398–405.
32. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. 1917–1923 гг. Документы и материалы. М.: ИРИ РАН. 2007. 448 с.
33. Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 гг. М.: ИРИ РАН. 2002. 448 с.

34. Купцова И.В. Художественная интеллигенция и массовая культура: творчество в экстремальных условиях // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.466–484.
35. Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. Дис. на соиск. степени доктора ист. наук. М., 2004. 500 с.
36. Лившиц А.Ф. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1920. М., 2010.
37. Лисенко А. Во главе повстанческих масс: атаман Никифор Григорьев. URL: <http://anarchyinkherson.narod.ru/ataman03.html> (дата обращения: 10.11.2017).
38. Марченя П.П. Февраль и Октябрь 1917 года в исторической памяти и политическом календаре России // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Международ. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: ИРИ РАН. 2017. С.678–680.
39. Мишина А.В. Н.А.Григорьев – атаман повстанцев Херсонщины // Новый исторический вестник. 2007. №1(15). С.169–171.
40. Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов гражданской войны. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. 351 с.
41. Морозова О.М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта. 1917–1920 гг. Дис. на соиск. степени доктора ист. наук. Ростов н/Д., 2012.
42. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
43. Нарский И.В. Первая мировая и гражданская войны как учебный процесс: Военизация жизненных миров в провинциальной России (Урал в 1914–1921 годах) // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С.179–201.
44. Ожегова О.А. Оппозиция «белые – красные» в исторической памяти и повседневной мифологии // Падение монархии, революция и гражданская война в России. М.: Социально-политическая мысль. 2010. 600 с.
45. Петров Ю.А. Послесловие // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.568.
46. Посадский А. Гражданская война: новый взгляд // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2011. 1520 с.
47. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура : в 2 т. / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017.
48. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2014.
49. Савин И.В. Социокультурный облик российской интеллигенции в годы гражданской войны: 1917–1920 гг. Дис. на соиск. степени канд. ист. наук. Крототкин. 2006. 208 с.
50. Савченко В.А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М: ООО «Изд-во АСТЪ», 2000. 368 с.
51. Соколов Б.В. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-Пресс, 2007. 448 с.
52. Соколов Б.В. Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть Красного маршала. Смоленск: Русич, 1999. 512 с.
53. Соловьев К.А. «Атлас» революции и «правила игры» в политике. // «Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2017. №1. С.41–42.
54. Соловьев К.А. Очерки политической культуры имперской России. URL: <http://gefter.ru/archive/11650> (дата обращения: 16.05.2016).

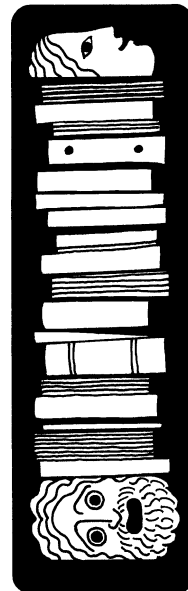
55. Тихонов В.В. Революционный миф и политика памяти в СССР в эпоху «оттепели». Великая российская революция, 1916: сто лет изучения. М.: ИРИ РАН. 2017. С.673–674;
56. Тихонов В.В., Журавлев С.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.515–546.
57. Филиппова Т.А. «Заменитель Наполеона». К вопросу о дефинициях «советского бонапартизма» // Вестник Тверского университета. Серия История. 2014. №3. С.18–33.
58. Филиппова Т.А. «Конфисковать революцию в свою пользу»? К вопросу о феномене «советского бонапартизма» // Вестник Тверского университета. Серия История. 2014. №1. С.39–57.
59. Филиппова Т.А. «Осмеян прозвищем героя...»: Призрак «советского бонапартизма» в реальности гражданской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып.4(20) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000616-6-1> (дата обращения: 25.11.2014).
60. Филиппова Т.А. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т.2. С.546–559.
61. Человек и война. Война как явление культуры / под ред. И.В.Нарского и О.Ю.Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. 408 с.
62. Шелохаев В.В. О пользе статистики и конце «двоевластия» // «Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2017. №1. С.39–40.
63. Ширинянц А.А. Вне власти и народа: Политическая культура интеллигенции России XIX–XX века. М.: РОССПЭН, 2002.
64. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск: ОмГПУ, 2008.
65. Ямпольский М. Революция как событие смысла // Антропология революции. Сб. ст. М., 2009.
66. Buldakov V.P. Mass Culture and the Culture of Masses in Russia, 1914–22 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 1. P.50.
67. Burke P. What is Cultural History? Cambridge, 2004.
68. Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2002. P.2.
69. Kolonitskii B.I. Russian Leaders of the Great War and Revolutionary Era in Representations and Rumors // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 2. P.50–52.
70. Lyons F.S.L. Culture and Anarchy in Ireland. 1890–1939. Oxford, 1979.
71. Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 1. Bloomington, Slavica Publishers Indiana, 2014.
72. Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions / Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks and Melissa K. Stockdale eds. Bloomington, Slavica Publishers Indiana, 2014.
73. Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 2: Political Culture / Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks and Melissa K. Stockdale eds. Bloomington, Slavica Publishers Indiana, 2014.
74. Thomas K. Ways of Doing Cultural History // Balans en Perspectief van de nederlandse cultuurgeschiedenis / ed. by R. Sanders et al. Amsterdam, 1991.

Для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановок – единственная родная стихия. Их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара. Построения миров, переходные периоды – это их самоцель.

Б.Л.Пастернак

Революция и революционные потрясения, конечно, являются для общества бедствиями, и потому оно может прибегать к ним только для достижения достаточно значительного, прочного и продолжительного благополучия, возмещающего временное нарушение спокойствия...

Поль Гольбах

Анна Быкова

**РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ,
НЕ ЮВЕЛИРЫ:**

**К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ
РУССКО-ИРЛАНДСКИХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

УДК

327.2, 327.81, 94(415)

Статья посвящена первым контактам представителей РСФСР и создаваемого независимого ирландского государства, результатом которых стали два денежных займа. Обеспечением для одного из них послужили так называемые «русские царские драгоценности». Драгоценности тайно хранились в Ирландии и были вовлечены в события ирландской политики. События, связанные с получением, перевозкой, хранением и возвращением СССР этих предметов, иллюстрируют, на взгляд автора, изменения в ирландско-советских отношениях. Упоминаются такие политические фигуры, как Гарри Боланд, Имон де Валера, Патрик МакКартан, Майкл Коллинз, Людвиг Мартенс, Сантери Нуортева, Георгий Николаевич Зарубин.

This article is devoted to the first contacts between the representatives of the Soviet Russia and the Irish Republic. As a result of these contacts there were two loans, which were given to the Soviet representatives in New York in 1920. The so-called "Russian Crown Jewels" secured one of the loans. The jewels were stored secretly in Ireland for about 30 years and even had been involved in some events of the Irish politics. In the author's opinion, the events connected with the receipt, transportation, storage and return of those items to the USSR illustrate changes in the Irish-Soviet diplomatic relations. The author mentioned such political figures as Harry Boland, Eamon de Valera, Patrick McCartan, Michael Collins, Ludwig Martens, Santeri Nuorteva, Georgi Zaroubin.

Ключевые слова: ирландско-советские дипломатические отношения; царские драгоценности; Гарри Боланд; Имон де Валера; Патрик МакКартан; Людвиг Мартенс; Сантери Нуортева; Георгий Зарубин.

Key words: Russian Crown jewels; Irish-Soviet Diplomatic Relations; Harry Bolland; Eamon de Valera; Patrick McCartan; Ludwig Martens; Santeri Nuorteva; Georgi Zaroubin.

E-mail: abykovaireland@gmail.com

29 сентября 2018 г. исполнилось 45 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Ирландией. В связи с этим хотелось бы напомнить об одной малоизвестной истории, которую можно рассматривать как первые контакты между представителями РСФСР и независимого ирландского государства. Эти контакты имели место в 1920 г. в Нью-Йорке, где встретились русские и ирландские революционеры.

Первый Дойл

Исторический контекст таков. В начале XX в., когда Ирландия была частью Британской Империи, отношения между Ирландией и Соединенным Королевством сильно обо-

стрились и активизировались революционно настроенные силы, ирландцами были созданы различные вооруженные формирования в целях борьбы за независимость. Восстание 1916 г., так называемое «Пасхальное восстание» (англ. Easter Rising), организованное на пасхальной неделе, во время которого впервые была провозглашена независимая Ирландская республика, было жестоко подавлено британскими войсками. Само восстание не имело широкой поддержки в Ирландии ни среди политических активистов, ни среди населения. Но жестокая расправа с восставшими и репрессии после событий привели к тому, что революционные настроения и идеи ирландской независимости стали приобретать все более широкую популярность и массовую поддержку. Этому способствовали и другие обстоятельства: откладывалось обещание предоставить Ирландии самоуправление, росли потери на фронтах Первой мировой войны и угрозы проведения в Ирландии призыва на военную службу.

В декабре 1918 г. во время всеобщих выборов¹ в британский парламент (Ирландия не имела своего парламента, только 105 мест из 707 в Палате Общин) республиканцы, представленные партией «Шин Фейн» (ирл. Sinn Féin), выиграли 73 места. Вместо того чтобы занять эти места, они образовали так называемый «Первый Дойл» – неофициальный независимый законодательный орган революционной Ирландской Республики, который не был признан ни Великобританией, ни международным сообществом, но

¹ Стоит отметить, что это были первые выборы, на которых право голосовать имели женщины, если им исполнилось 30 лет, и все мужчины, если им исполнился 21 год. До этого женщины не имели права голоса, а для мужчин действовал имущественный ценз.

фактически стал органом власти в Ирландии, – и подписали Декларацию независимости. Вскоре в Ирландии началась война за независимость, в связи с чем члены Первого Дойла задумались о получении финансовых средств.

Первый Дойл начал тайно посылать своих представителей в США с целью собрать средства на борьбу за независимость Ирландии, а также добиться признания Ирландской Республики у администрации США. Среди этих представителей были Имон де Валера² (которого называли «Президентом Ирландии»), Гарри Боланд³, Патрик МакКартан⁴, Джеймс О'Мара⁵, Шон Нунан⁶ и др. В 1919–1920-х гг. они ездят по Америке, выступают с речами, собирают деньги (в основном их поддерживают ирландцы, проживающие в США, и их потомки), встречаются с американскими политиками. Они получают поддержку Американской федерации труда (объединение отраслевых профсоюзов), активистов суфражистских движений и др. Де Валера и другие представители Ирландской республики эксплуатируют глубоко за-

² Валера, Имон де (1882–1975) – выдающийся государственный деятель и политический лидер Ирландии в XX в.; один из лидеров Пасхального восстания, в 1917 г. избран президентом Шин Фейн, в 1919–1921 гг. глава правительства революционной Ирландии (должность называлась *President of Dáil Éireann*, что можно перевести как премьер-министр или Президент правительства); лидер оппозиции во время Гражданской войны в Ирландии 1922–1923 гг.; в 1926 г. основал партию Фианна Фэйл (ирл. *Fíanna Fáil*), до сих пор одну из главных партий Ирландии, возглавлял ирландское правительство в 1932–1948, 1951–1954 и 1957–1959 гг., в 1959–1973 гг. Президент Ирландии.

³ Боланд, Гарри (1887–1922) – борец за независимость Ирландии; член Ирландского республиканского братства с 1904 г., затем член Ирландских волонтеров, участник Пасхального восстания 1916 г., член Первого Дойла, специальный представитель Первого Дойла в США; убит во время Гражданской войны.

⁴ МакКартан, Патрик (1878–1963) – ирландский политик; член Первого Дойла, представитель Шин Фейн в США; после голосования за Англо-ирландский договор оставил политику на 20 лет, в 1948 г. стал одним из основателей партии *Clann na Poblachta*, в 1948–1951 гг. назначен в Сенат (верхнюю палату Парламента Ирландии).

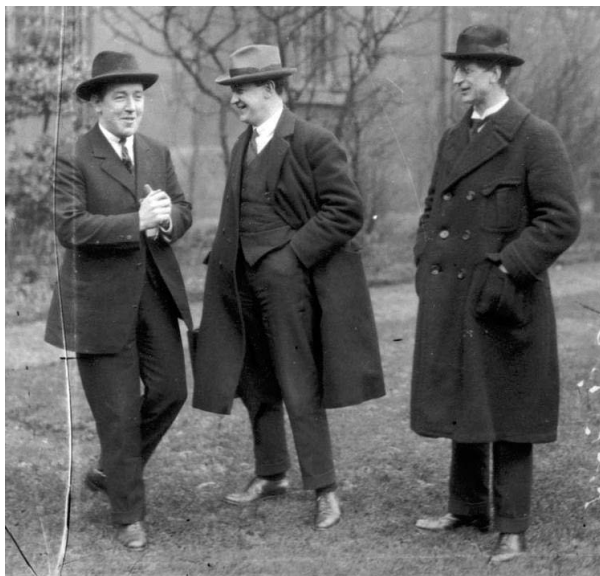
⁵ О'Мара, Джеймс (1873–1948) – ирландский бизнесмен и политик, в 1900–1907 гг. член Ирландской парламентской партии, с 1907 г. член Шин Фейн, член Первого Дойла и директор финансов Шин Фейн, отвечал за финансы Первого Дойла и был отправлен в США с де Валерой собрать средства для Ирландской республики, в 1921 г. из-за разногласий с де Валерой ушел из Шин Фейн, был первым послом Ирландии в США, в 1924–1927 гг. член четвертого парламента.

⁶ Нунан, Шон (1890–1981) – ирландский дипломат; член Ирландских волонтеров и участник Пасхального восстания 1916 г.; клерк в Первом Дойле; в 1919–1921 гг. секретарь Имона де Валеры и регистратор займов для Ирландской Республики в США; с 1930-х гг. занимал высокие дипломатические должности в США и Министерстве иностранных дел Ирландии.

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ РУССКО-ИРЛАНДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

севшую в американцах англофобию и сотрудничают с различными антиколониальными лобби, такими как Индийские друзья свободы и Всемирная ассоциация по улучшению положения негров [23, с.5]. Рассматривались возможности переговоров с Мексикой и Россией. «Признание со стороны любой нации стало бы мощным инструментом воздействия в нашей работе по получению признания от США» [19, с.201], – напоминает П.МакКартан в своей книге «С де Валерой в Америке». Но де Валера настаивал на том, что сначала надо заручиться признанием Америки.

В результате кампании было собрано более 5,5 млн долларов [28, с.25], что для 1910-х гг. довольно приличная сумма.

Гарри Боланд, Майкл Коллинз и Имон де Валера.
1919 г. The National Library of Ireland

«Общество взаимного восхищения»

Аналогичные цели были поставлены и перед представителями Советской России, находящимися в США. В начале 1919 г. в Нью-Йорке было основано Русское Советское бюро, – неофициальное посольство Советской России, задачей которого было

установить торговые связи с предприятиями США. Связи незаконные, так как США ввели эмбарго на торговлю с новым государством и не признавали его. Советская сторона активно добивалась установления дипломатических отношений с США и пропагандой позиции правительства большевиков.

Советское бюро располагалось в здании «World Tower» в Нью-Йорке по адресу: 110 West, 40th Street. Советская Россия заявляла о своей готовности покупать на американском рынке оборудование для железных дорог, инструменты, горное оборудование, сельскохозяйственные орудия, текстильные и медицинские товары, обувь, одежду, автомобили, химические товары, жиры, консервы и т.п. [9, с.7]. В обмен предлагали золото и сырье, меха, лен, минеральное сырье. Также выпускались информационные бюллетени и небольшой еженедельный журнал «Soviet Russia» («Советская Россия»), где публиковались статьи и выступления В.И.Ленина, декреты Советского правительства, широко освещалось экономическое, политическое и военное положение рабоче-крестьянской республики [9, с.8]. Деятельность Советского бюро была совсем не такой успешной, как у ирландцев: за сотрудниками следили, проводили обыски в самом бюро и в дружественных организациях, вызывали на допросы, угрожали судом, арестами и высылкой. Власти США опасались распространения коммунистических идей и симпатий к «красным», весной 1919 г. был создан специальный Объединенный законодательный комитет (англ. The Joint Legislative Committee to Investigate Seditious Activities) для расследования деятельности отдельных лиц и организаций в штате Нью-Йорк, подозреваемых в подрывной деятельности против США. Комитет более известен как комитет Ласка по имени его главы сенатора Клейтона Ласка. В ходе расследования совершались обыски – рейды на офисы, изъятие документов, многочисленные аресты и допросы.

Когда 12 июня 1919 г. на службы Советского бюро был совершен рейд представителями Комитета Ласка в связи с расследованием «о распространении большевизма в США», были найдены кипы переписки с американскими бизнесменами почти из тысячи фирм [10]. Что свидетельствует о большом интересе американских бизнесменов к торговле с Россией. Не совсем понятно, на какие деньги существовало бюро. Деньги поступали из неопределенного источника, которым, как думали, было советское правительство, и глава Бюро – Л.Мартенс – мог пополнять счет бюро при продолжающихся тратах, поддерживая баланс в 5–9 тыс. долларов [26, с. 231]. Скорее всего, Бюро получало большие партии драго-

ценных камней, драгоценных металлов и деньги от «международных доброжелателей». Так, в книге «Тайный мир американского коммунизма» доказываемся, что в период времени между июлем 1919 и январем 1920 г. Коминтерн снабдил американских агентов (например, писателя и журналиста Джона Рида) драгоценностями и ценными металлами на сумму 2 млн 728 тыс. руб. [17, с.22–24].

Возглавлял бюро Людвиг Карлович Мартенс⁷ – русский революционер, член партии с 1893 г. Будучи официальным представителем РСФСР в Америке, Мартенс встречался с бизнесменами и политиками, выступал в организациях и на митингах, давал интервью и выступал в прессе. Секретарем Л.Мартенса в Советском бюро был Сантери Нуортева⁸ – финский журналист, который многие годы работал в Финской Социалистической Организации в США и был редактором ряда изданий. В Нью-Йорке он создал представительство «Красной Финляндии», которое постепенно превратилось в представительство Советской России, после того как белые одержали победу в гражданской войне в Финляндии [8]. Нуортева отвечал за связи с общественностью и занимался дипломатической деятельностью, также выступал с публичными речами, искал контакты с прореволюционными и социалистическими организациями.

Ирландские революционеры и представители Советской России встречались неоднократно. Мартенс и МакКартан сформировали «что-то типа общества взаимного восхищения, основанного на том чувстве братства, которое может вызвать только общий опыт, пережитый для общей цели» [14, с.138]. В дневнике Гарри Боланда за 1920 год мы также видим упоминания о встречах:

⁷ Мартенс, Людвиг Карлович (1874–1948) – участник русского и международного революционного движения, советский ученый и хозяйственный деятель. В 1919 г. был назначен официальным представителем Советского правительства в США, организовал «Общество технической помощи Советской России». В 1921 г. был выслан из США, в СССР занимал различные руководящие должности, в 1927–1941 гг. также главный редактор «Технической энциклопедии».

⁸ Нуортева, Сантери (1881–1929) – урожденный Александр Нюберг, в 1906 г. сменил имя на финский вариант, финский журналист, депутат парламента Финляндии, выступал против власти Российской империи в Финляндии. Из-за угрозы ареста переехал в 1911 г. в США, где многие годы работал в Финской Социалистической Организации и был редактором ряда изданий. В феврале 1918 г. стал представлять интересы и защищать революционную «Красную Финляндию», а вскоре и Советскую Россию, после высылки в РСФСР работал в комиссариате иностранных дел, был арестован по подозрению в шпионаже, освобожден, затем занимал различные должности в Карельской АССР.

9 января. Пятница. Вашингтон. /.../ Обедали с Миллхолландом, Даунингом, Сантери Нуортевой, Мартенсом, МакБрайдом... Отличные советские.

27 января. Вторник. Вашингтон. Встречался с Мартенсом, Нуортевой и мисс Пол, мисс Пулицер...

3 марта. Среда. Вашингтон. /.../ встречался с Мартенсом, Нуортевой, Хэндом, Реймондом Роббинсом... Очень приятный вечер. Большевики в отличной форме [7].

Желание сотрудничать с большевиками не должно нас удивлять, так как «большевики были очень популярны в Ирландии сразу после Октябрьской революции, более всего, наверное, из-за их оппозиции Первой мировой войне и поддержке права наций на самоопределение» [22, с. 2]. Идеи антиимпериалистической борьбы были понятны и близки ирландским представителям.

Отношения были настолько доверительные, что в апреле 1920 г. Нуортева обращается к Гарри Боланду за помощью. Бюро в сложной ситуации, им срочно требуется сумма в 20 тыс. долларов. В качестве обеспечения залога показывают четыре украшения. По утверждениям Нуортева, это украшения из конфискованной у русского царя коллекции, которые теперь принадлежат Советской России, и стоят они примерно 25,5 тыс. долларов. Боланд не может принять решение самостоятельно, де Валера находится в туре по югу США, и тогда Боланд обращается к Джеймсу О'Мара, доверенному лицу Ирландского Парламента, который занимался займами в США. О'Мара соглашается на сделку и выписывает чек. В дневнике Боланда есть записи:

11 апреля. Воскресенье. Нью-Йорк. Нуортева в беде из-за доклада Сената. /.../

14 апреля. Среда. Нью-Йорк. /.../ Встретился с Нуо (Нуортева. – *А.Б.*), который попросил помочь ему. Посетил О'Мару, ждал его до полуночи, рассказал ему о предложении – о новом повороте с дамскими украшениями в качестве залога. Размышлял о словах «Но нет покоя голове в венце»⁹.

⁹ Фраза У.Шекспира из Генриха IV «Uneasy lies the head that wears a crown» дается в переводе Б.Пастернака.

15 апреля. Четверг. Нью-Йорк. Встречался со старым Нуо (Нуортева. – А.Б.) и обрадовал его. Рассматривал залог. Джас (Джеймс О’Мара. – А.Б.) удовлетворен [7].

Боланд встречается с Нуортевой и передает ему чек. В ответ получает коробку с драгоценностями и расписку, датированную 16 апреля 1920 г. и подписанную Л.Мартенсом, представителем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Расписка совсем короткая: «Настоящим подтверждаю, что я получил двадцать тысяч долларов от мистера Гарри Боланда в качестве займа, который будет выплачен по требованию и при возвращении переданного залога» [6, copy of the manuscript]. К расписке прилагались краткое описание камней и их стоимость. Согласно расписке о получении драгоценностей, было четыре предмета: первый содержал бриллиант в 12 карат, сапфир 8 карат и рубин 3 карата стоимостью 10 тыс. долларов, второй – бриллиант 16 карат стоимостью 8 тыс. долларов, третий – бриллиант 9 карат стоимостью 4,5 тыс. долларов и четвертый – бриллиант 6 карат стоимостью 3 тыс. долларов; общая сумма 25,5 тыс. долларов [6, Copy of receipt (unsigned) dated New York, April 16]. Документ не подписан, проставлена дата – 16 апреля и место – Нью-Йорк.

Де Валера, когда узнал о состоявшейся сделке, был очень недоволен, он считал, что собранные деньги не должны были одалживаться кому-то еще [18, с.116]. Вскоре Гарри Боланда отправляют назад в Ирландию, чтобы он отчитался перед Ирландским Парламентом и соратниками о работе, проделанной в Америке, и возникших трудностях. Он возвращается в Ирландию 29 мая 1920 г. и на четвертый день пребывания встречается с членами Кабинета министров, которым рассказывает о хороших взаимоотношениях между ирландской миссией и советской делегацией, также рассказывает о состоявшейся сделке. Эта идея вызывает смех у нескольких представителей Кабинета, и один из них предупреждает, что драгоценности могут быть фальшивыми [18, с.119]. 23 июня Боланд снова отправляется в Америку.

К этому времени де Валера понял, что ему не добиться признания Ирландской Республики у американской администрации, и он решает попытаться получить признание у Советской России. Де Валера поручает МакКартану разработать проект соглашения. МакКартан и Нуортева обсуждают проект соглашения между правительствами и готовят этот проект. А затем де Валера просит МакКартана отправиться в Россию, и 29 октября ирландская миссия через Боланда передает Мартенсу еще

один займ в 20 тыс. долларов [6, the receipt from L.Martens, No. A-11; authorisation for H.Bolland from E. De Valera, Oct. 27, 1920], уже без какого-либо обеспечения, с условием, что эквивалентная сумма будет передана официальному представителю правительства Ирландской Республики в Москве. Обращаясь к Первому Дойлу, де Валера, как действующий президент, просит санкционировать отправку дипломатической миссии в РСФСР с целью установить дипломатические отношения с правительством республики, и его предложение не встречает возражений [5, Note for the Tánaiste]. Около трех месяцев уходит на то, чтобы получить одобрение Ирландского Парламента и сделать необходимые приготовления. МакКартан покидает Нью-Йорк 29 декабря 1920 г., в Москву он прибывает 14 февраля 1921 г. Но к этому времени советское правительство теряет интерес к союзу с Ирландией. Как отмечает Эммет О'Коннор, один из ведущих ирландских историков, специализирующийся на истории рабочего класса в Ирландии, «в то время как русские были увлечены идеей заключения договора в 1920 г., президент Имон де Валера колебался, опасаясь навредить более важному делу получения признания от США. Когда же он, наконец, решился послать МакКартана в Москву, Советы охладели к установлению связей с республикой, опасаясь поставить под угрозу торговые переговоры с Британией» [21, с.119]. Действительно, к этому времени Белое движение было уже разгромлено, войска Антанты в основном выведены с территории России и шли переговоры об англо-советском торговом соглашении.

Охлаждение отношений

МакКартан встречается с сотрудниками Наркомата иностранных дел, а также с Сантери Нуортева, с которым они совсем недавно готовили проект соглашения между правительствами.

Находясь под угрозой высылки, Нуортева в июне 1920 г. вместе с женой и тремя детьми переехал через Канаду в Англию, где намеревался заняться дипломатическими и торговыми вопросами, связанными с Советской Карелией [8], но был практически сразу арестован и выслан. В Москве Нуортева был назначен начальником отдела в Наркомате иностранных дел. Он подтверждает, что идут переговоры с Великобританией и что все переговоры с Ирландией должны начаться заново и не на основе прежнего проекта договора [23, с.12]. Через несколько недель Нуортева арестован как британский шпион и, как ошибочно считал

МакКартан, расстрелян [22, с.47; 21, с.119]. МакКартан ничего не добился в России, даже соглашения о продаже военного снаряжения, и, полностью разочарованный, вернулся в Ирландию в конце 1921 г.

Забегая немного вперед, хочется отметить, что несмотря на то, что МакКартан вернулся с пустыми руками, симпатии в Ирландии к Советской России еще сохранялись. Так, в апреле 1922 г. Ирландским Парламентом была передана сумма в 1 тыс. фунтов стерлингов для борьбы с голодом на юге России [4]. Деньги, однако, были переданы не напрямую советскому правительству, а через организацию Фритьофа Нансена. Решение направить деньги через Лигу Наций показывает желание утверждающегося Правительства Ирландского Свободного Государства быть связанным с мировой организацией и при этом дистанцироваться от Советской России и развивающегося Советского Союза [23, с.13].

Деятельность Боланда и других представителей Первого Дойла в Америке заканчивается в декабре 1921 г. Предстоит голосование по Англо-ирландскому договору, и в самом начале 1922 г. Боланд и Шон Нунан возвращаются в Ирландию с «царскими драгоценностями». Боланд передает их Майклу Коллинзу¹⁰ – министру финансов революционной Ирландии, который пишет расписку о получении [6, manuscript receipt from M.C., 6 Jan., 1922]. Но затем они начинают обсуждать сложившуюся политическую ситуацию и Англо-ирландский договор, против которого Боланд выступает категорически, и серьезно ссорятся. Тогда Коллинз достает драгоценности из кармана и бросает их Боланду со словами «забери их назад, они запятнаны кровью» [18, с.172; 13]. На наш взгляд, эти слова звучат несколько странно из уст Майкла Коллинза, так как он возглавлял разведку Ирландской Республики, был одним из главных организаторов партизанской войны против британской армии, планировал и руководил многими успешными атаками и политическими убийствами. Но вернемся к драгоценностям.

Таким образом, у Гарри Боланда оказываются и сами драгоценности, и расписка в их получении. Гарри Боланд относит драгоценности в дом своей

¹⁰ Коллинз, Майкл (1890–1922) – ирландский революционер, военный и политический деятель, участник Пасхального восстания 1916 г., член Первого Дойла и его министр финансов, один из лидеров войны за независимость Ирландии, член делегации от Ирландии в переговорах о заключении мира с Великобританией. С января 1922 г. глава временного правительства Ирландского Свободного Государства и главнокомандующий национальной армии, в августе 1922 г. застрелен противниками Англо-ирландского договора.

матери миссис Кэтрин Боланд, расположенный по адресу 15, Marino Crescent, Clontarf, и просит их спрятать.

После подписания 6 декабря 1921 г. Англо-ирландского соглашения представителями Ирландии, включавшими Майкла Коллинза и Артура Гриффита, и продолжительных дебатов в Ирландском Парламенте происходит глубокий раскол среди депутатов Дойла и министров правительства. И хотя соглашение было ратифицировано Первым Дойлом с перевесом в 7 голосов, противоречия между сторонниками и противниками договора не были преодолены. В знак протеста де Валера отказывается от поста президента и участия в формировании правительства. 6 декабря 1922 г. начинает существовать Ирландское Свободное Государство (в качестве самоуправляющегося доминиона Британской империи), но с лета 1922 г. в стране идет гражданская война.

15 Marino Crescent, Clontarf, Dublin 3.

Дом миссис Боланд. Фото автора.

«Отдать их де Валере, когда... Ирландская Республика будет воссоздана»

Что же происходит с привезенными в Ирландию драгоценностями? Около года миссис Боланд хранит их зашитыми в ее длинную черную юбку [15], затем прячет в тайнике в подвале дома. Дом обыскивают представители Ирландского Свободного Государства, но тайник не находят. 31 июля 1922 г. Гарри Боланда смертельно ранят, и перед смертью он просит свою мать и сестру Кэтлин¹¹ хранить царские драгоценности и «отдать их де Валере, когда он придет к власти и Ирландская Республика будет воссоздана. Если же что-то случится с де Валерой, не отдавать их толпе Ирландского Сво-

¹¹ Кэтлин Боланд (1889–1954) – в замужестве О’Донован, сестра ирландского революционера Гарри Боланда.

бодного Государства» [14, с.371]. И семья выполнила наказ, хранила драгоценности в тайнике 16 лет.

Миссис Боланд умерла в 1932 г., хранителем драгоценностей стала Кэтлин. Эйлин Баррингтон, дочь Кэтлин О'Донован, рассказывала, что сначала драгоценности хранились в зольнике старой печки, но потом, когда ее мать вышла замуж за Шона О'Донована¹² и они переехали в дом по адресу 315, Clontarf Road, драгоценности забрали с собой и мать хранила их в тайнике в своем шкафу [13]. И только в 1938 г. драгоценности были переданы правительству Ирландии. В ряде публикаций дату передачи драгоценностей связывают с приходом де Валеры к власти [15], это не совсем так. Имон де Валера становится премьер-министром еще в 1932 г. Как рассказывала сама Кэтлин Боланд, семья посчитала пожелания Гарри Боланда выполненными после того, как в 1937 г. на референдуме была принята Конституция Ирландии и Ирландия получила контроль над своими портами [18, с.243; 12].

Расписка в приеме драгоценностей у миссис О'Донован датирована 18 ноября 1938 г., подписана премьер-министром Имоном де Валерой и министром финансов Шоном МакИнти и засвидетельствована секретарем правительства Морисом Мойниханом [расписка опубликована в 15; копия хранится в 6]. Вместе с драгоценностями были переданы следующие документы:

- 1) копия расписки (неподписанная), датированная 16 апреля, Нью-Йорк, с описанием и стоимостью драгоценностей;
- 2) расписка, подписанная Л.Мартенсом, датированная 16 апреля 1920 г., о займе в 20 тыс. долларов, обеспеченном драгоценностями;
- 3) расписка, подписанная Л.Мартенсом, датированная 29 октября 1920 г., о займе в 20 тыс. долларов как предоплата кредита на аналогичную сумму, которую выплатят в Москве;
- 4) указание, подписанное Имоном де Валера 27 октября 1920 г., совершить указанную в п. 3 сделку;
- 5) рукописная расписка Майкла Коллинза от 6 января 1922 г., относящаяся к указанному выше.

Копии первых двух документов и оригиналы документов, указанных в п.п. 3–5, хранятся в Национальном архиве Ирландии в деле TSCH/3/S14205. Сама миссис О'Донован описывала драгоценности как

¹² О'Донован, Шон (?–1975) – ветеринарный врач, ирландский политик, один из основателей партии Фианна Фейл, член Сената в 1938–1948, 1951–1954, 1957–1969 гг.

предметы, на которые очень приятно смотреть, но которые она никогда не примеряла. По ее словам, это были большая гроздь, которая, возможно, была частью короны, серьги и подвеска. Всего четыре предмета. Бриллианты с топазами, оправленные платиной и с защитными зажимами [27]. Это описание подтвердил и Шон Нунан (представитель Ирландии в США, который вместе с Г.Болландом возвращался в 1922 г. в Ирландию) [5, Sean Nunan to F.H. Boland, Jan. 24, 1948]. Он видел, как Гарри Боланд вручил пакет Майклу Коллинзу, но о дальнейшей судьбе пакета не знал.

Где драгоценности?

Следующие 10 лет драгоценности хранятся в незапертом ящике письменного стола секретаря Министерства финансов Джеймса МакЭллигота [15]. Хотя в ряде газетных публикаций говорится, что драгоценности хранились в сейфе Банка Ирландии [25]. Никаких попыток их оценить или вернуть Советской России не предпринимается. Все это время о драгоценностях, привезенных в Ирландию, знает весьма небольшой круг лиц.

Вспоминают о них во время предвыборной компании 1948 г. И вспоминает о них Патрик МакКартан, один из основателей партии Clann na Poblachta и кандидат в депутаты от данной партии в Корке, в ответ на обвинения в адрес Шона МакБрайда, лидера его партии, со стороны Шона МакИнти из партии Фина Фейл. МакИнти припомнил лидеру партии Clann na Poblachta его связи в 1931 г. с организацией Друзья Советской России и Saor Éire (ультралевой организацией, основанной коммунистически настроенными членами ИРА) и объявил его коммунистом или потенциальным коммунистом [20]. МакКартан направляет письмо в The Irish Press, которое публикуют 16 января 1948 г. В письме МакКартан говорит, что у него столько же оснований предполагать, что мистер де Валера был коммунистом в 1920 г., сколько у мистера МакИнти для предположений, что таковым являлся мистер МакБрайд в 1931 г. [29]. И напоминает, что де Валера вступал в переговоры с представителями Советской России в США и даже одолжил им то ли 10, то ли 20 тыс. под залог драгоценностей, и спрашивает, был ли выплачен займ и где драгоценности? В своей книге «С де Валерой в Америке» [19], опубликованной в 1932 г., он об этой истории не упоминал.

На следующий день, 17 января, де Валера выступал с предвыборной речью в небольшом городке под Корком и вынужден был ответить. Он подтвердил совершение сделки в США и ответил на вопросы. На вопрос

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ РУССКО-ИРЛАНДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

«Был ли выплачен займ?» сказал, что, насколько он знает, нет. На вопрос «Где обеспечение залога?» ответил, что «в безопасности на хранении у правительства». И еще заявил, что, насколько он знает, никогда не предпринимались попытки продать драгоценности или получить экспертное заключение об их стоимости – большая она или маленькая. Намерением было хранить их до того дня, как займ будет выплачен, тогда драгоценности будут возвращены [24]. Открывшаяся история о драгоценностях и связях с коммунистами «самого католического премьер-министра самой католической страны» вызвала большой шум.

Хотя полномочия, которыми обладал де Валера в США в 1920-х гг., позволяли ему использовать деньги в общественных интересах, он должен был связаться с Дублином до совершения сделки. Он мог это сделать, так как в отеле Waldorf Astoria, где проживали представители Ирландии, была отличная телефонная и телеграфная связь. Как отмечает историк Барри Вилан, «санкционируя в одностороннем порядке эту сделку, он, будучи в своем другом официальном качестве Президентом Ирландской Республики, совершил де юре признание большевистского государства без предварительного одобрения Парламента. Более того, быстрое исполнение сделки воодушевило и большевиков, и де Валеру наладить более тесные двусторонние связи, что было совершенно неприемлемо в глазах влиятельной католической иерархии и большинства ирландцев» [28, с.26]. Вызывало возмущение, что в то время как «ирландцы, голодные, плохо одетые и безденежные, сражались в холмах, за их спинами ценные тысячи были отданы за русские драгоценности» [11]. Добавим также, что непрописанные условия займа (срок займа, проценты), отсутствие детального описания и оценки драгоценностей, смерть непосредственного участника Гарри Боланда, отсутствие официального представительства Ирландии в СССР и связи де Валеры с Ватиканом были причинами того, что история о драгоценностях хранилась в секрете такое длительное время, и де Валера не желал, чтобы она была придана огласке.

Впервые после 1932 г. партия де Валеры не получает большинства мест в Парламенте и теряет право на формирование правительства. К власти приходит межпартийное правительство, премьер-министром становится Джон Кастелло от партии Фина Гейл (ирл. Fine Gael). Патрик МакКартан тоже проиграл на этих выборах (правда, вскоре новый премьер-министр назначил его членом Сената). 18 февраля 1948 г. де Валера и Шон МакИнти передали секретарю Министерства финансов МакЭллотту:

1) оригинал расписки, датированной 16 апреля 1920 г., Нью-Йорк, выданной Л.К.Мартенсом, представителем Российской Советской Республики в Соединенных Штатах Америки (на обороте визитной карточки м-ра Мартенса), покойному м-ру Гарри Боланду, члену Парламента, о займе в 20 тыс. долларов, выданному с американского счета Первого Парламента;

2) рукописную копию расписки, датированной 16 апреля (1920 г.), Нью-Йорк, выданной, по-видимому, упомянутым м-ром Боландом упомянутому м-ру Мартенсу за различные драгоценности, описанные в ней, и, как утверждается, стоимостью 25,5 тыс. долларов, которые предоставлены упомянутому м-ру Боланду в качестве обеспечения займа, упомянутого в п.1);

3) драгоценности, упомянутые в п.2).

Расписка засвидетельствована секретарем Правительства Морисом Мойниханом [6, Receipt from Mr. Eamon de Valera and Mr. Sean MacEntee, 1948, 18 Feb.].

Возможно, история с драгоценностями была бы забыта, но о ней напоминают правительству члены Парламента. В марте 1948 г. депутат от партии Clann na Poblachta П.Коуэн задал официальный вопрос министру финансов о настоящей рыночной стоимости драгоценностей и о планах правительства относительно обнаруженного займа [2]. К нему присоединился депутат от Фина Гейл капитан Джайлс с вопросом, находятся ли упомянутые во время всеобщей избирательной компании русские драгоценности на хранении у нынешнего правительства и если так, то намеревается ли правительство провести расследование их происхождения и уплаченной за них суммы [2]. Министр Патрик МакГиллиган подтвердил, что драгоценности находятся во владении его Министерства; нет ничего, что указывало бы на их происхождение за пределами того факта, что они были переданы в качестве обеспечения кредита в размере 20 тыс. долларов США, сделанного в апреле 1920 г. представителем Российской Советской Республики в Соединенных Штатах; драгоценности описаны в квитанции, отданной за них, и оценены в ней в 25,5 тыс. долларов [2]. Министр предложил оценить драгоценности и после оценки рассмотреть вопрос о том, следует ли ими распорядиться и как в интересах Казначейства.

В декабре того же года независимый депутат Оливер Фланаган снова напомнил министру финансов о займе и спросил о планах правительства относительно драгоценностей. Министр ответил, что вопрос рассматривается, но решение еще не принято [3]. Затем поступило предложение

показать драгоценности на выставке, а сборы передать какой-нибудь благотворительной организации, но ответа не последовало.

Война на истощение

Наконец драгоценности отвозят в Лондон для оценки. Аукционный дом Christie's оценивает их в 1,600 фунтов стерлингов, другая фирма-лидер по продаже драгоценностей, имя которой не называется в документах, утверждает, что ирландскому правительству крупно повезет, если они выручат от продажи порядка 2 тыс. фунтов стерлингов. Тогда министр финансов предлагает продать драгоценности обычным образом через дом Christie's, не раскрывая их происхождения или интереса ирландского правительства в сделке [5, Submission to the Government from the Department of External Affairs on the question of the Sale of Russian Jewels. P 135. 1949, 7 March]. На заседании 15 марта 1949 г. правительство решило, что Министерство иностранных дел должно обратиться от имени Министерства финансов к правительству СССР с предложением о выплате займа [5, Department of the Taoiseach to the Minister of External Affairs, 1949, 16 March]. Секретарь Министерства иностранных дел поручил Представителю Ирландии в Лондоне Джону Дюланти обратиться к послу СССР в Великобритании Георгию Николаевичу Зарубину с письмом с требованием выплаты долга в 20 тыс. долларов без комиссии. От Дюланти требовали получить ответ как можно быстрее, так что он направил в посольство еще несколько писем и нанес несколько незапланированных визитов. Советское посольство долго хранило молчание, видимо, ждали указаний из Москвы. И задержку можно понять: непосредственных участников сделки уже не было в живых: Сантери Нуортева умер в 1929 г., Людвиг Мартенс умер в 1948 г. за несколько месяцев до описываемых событий, документы Советского бюро были изъяты в США, вряд ли сохранились какие-либо свидетельства этой старой сделки.

И тогда Дюланти предлагает вести «войну на истощение»: пригрозить, что если ответа от советской стороны не последует в ближайшее время, то драгоценности будут выставлены на публичный аукцион [5, Confidential letter from M.J. Dulanty to F.H. Boland, 1949, 16 June]. Министерство иностранных дел поддерживает его [5, Confidential note of F.H. Boland to J.J. McElligott, 1949, 21 June], соглашается и Министерство финансов [5, J.J. McElligott to F.H. Boland, 1949, 23 June]. Министерство иностранных дел готовит для правительства бумаги с письменным требованием к послу СССР о выплате займа. Текст заявления гласит, что ответ должен быть

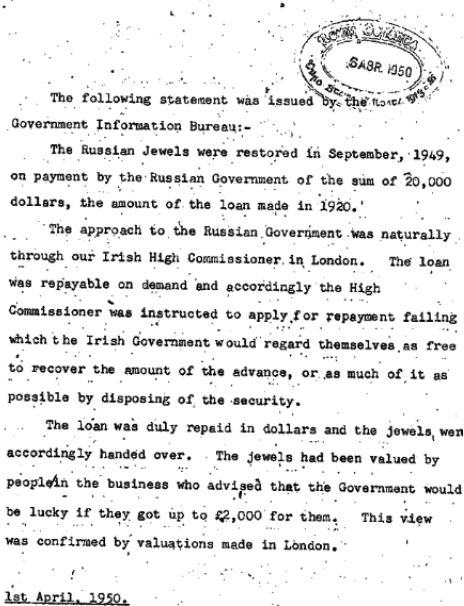
получен не позже установленного срока (конкретно 15 августа 1949 г.). В противном случае Ирландское правительство считает себя свободным распорядиться обеспечением [5, Submission to the Government from the Department of External Affairs, No. 135, 1949, 11 July]. На заседании 12 июля правительство санкционировало указанные действия [5, Secretary of the Government to the Secretary of the Department of External Affairs, 1949, 12 July]. Письмо послу СССР было написано 30 июля 1949 г. [5, Copy of the letter from High Commissioner J. Dulanty to H.E. Monsieur G.N. Zaroubin, 1949, 30 July] и оставляло ему всего лишь две недели для действий.

Кратким письмом от 9 августа 1949 г. посол СССР в Великобритании Г.Зарубин поставил Представителя Ирландии в известность, что, хотя сделка и была совершена ненадлежащим образом, Советское правительство признает долг и готово перевести нужную сумму на счет Ирландского правительства [5, G.Zaroubin to H.E. M. John W. Dulanty, 9 August 1949].

Некоторое время уходит на согласование, в какой валюте и на какой счет

должна быть выплачена сумма займа. 13 сентября 1949 г. посол СССР посетил Представителя Ирландии в Великобритании, вручил Дюланти чек Московского торгового банка (Finsbury Circus, London) на 20 тыс. долларов в счет уплаты займа, сделанного в 1920 г., и получил в ответ четыре драгоценности [6, Copy of receipt (signed G. Zaroubin) dated London, 13 September 1949].

Интересно, что со времени оценки до дня передачи драгоценности хранились в аукционном доме Christie's (Christie, Manson and Woods, Spenser House, S.W.1) и на день передачи 13 сентября 1949 г., с 10.00 до 18.00, были застрахованы «от всех рисков» на

Заявление Информационного бюро правительства Ирландии, 1 апреля 1950 г. Military Archives, Ireland. Bureau of Military History. W.S.372.

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ РУССКО-ИРЛАНДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

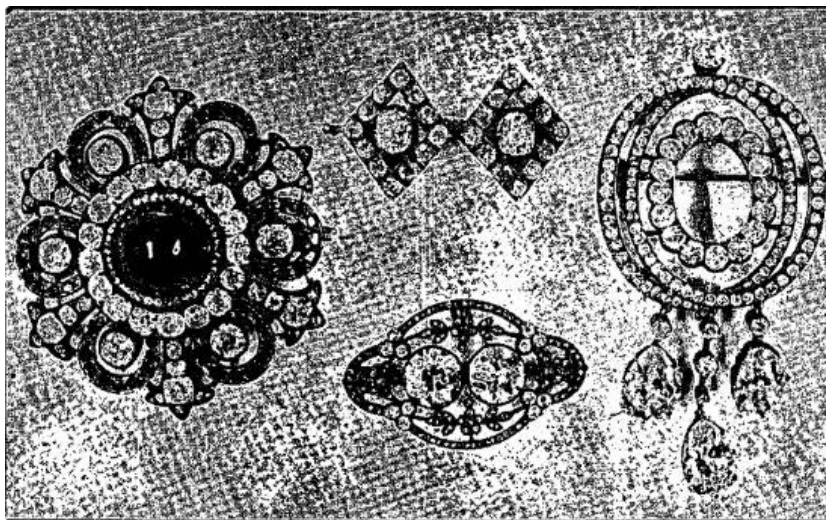
сумму 5 тыс. фунтов стерлингов в страховой фирме The Eagle Star Insurance Company Ltd [5, J. Dulanty to F. Boland, 1949, 20 Sept.].

Заявление ирландского правительства о том, что долг был выплачен должным образом и драгоценности возвращены советской стороне, было сделано 1 апреля 1950 г. с указанием, что специалисты оценили драгоценности всего лишь в 2 тыс. фунтов стерлингов [1, Government Information Bureau, 1 April 1950]. Оно появилось в газете The Irish Times 3 апреля 1950 г. [25] и ряде других газет. Но старались не привлекать особого внимания к данному делу.

«Жалкие драгоценности»

В Ирландии история малоизвестна, только в 1966 г. вышла большая подробная статья в газете The Sunday Express. В частности, там приводятся слова Джеймса МакЭллиготта, который был секретарем Министерства финансов: «В то время, как драгоценности лежали в ящике моего стола в здании правительства, мы считали их дохлым делом. В конце мы были благодарны избавиться от них» [15]. Кеннет Витакер, бывший помощником МакЭллиготта в то время, а впоследствии занявший пост секретаря Министерства финансов, вспоминал, что однажды МакЭллиготт открыл ящик и показал драгоценности ему и нескольким старшим служащим: «Они не произвели ни на одного из нас сильного благоприятного впечатления. Они смотрелись слишком большими и старомодными, и никто из нас не вздохнул от их красоты» [15]. В той же статье приведены слова Оливера Фланагана, который поднимал вопрос о драгоценностях в Парламенте, он утверждал, что МакКартан описывал их «как, возможно, самые ценные вещи такого рода в мире» [15]. Напомним, что эти свидетельства появились только в 1966 г. Тогда же была опубликована и фотография драгоценностей.

Автору удалось найти воспоминания детей тех людей, которые видели сами «русские царские драгоценности» или даже были вовлечены в события, с ними связанные. Так, Джим Воткинс рассказал, что его отец Томас Воткинс, участник Пасхального восстания 1916 г., войны за независимость Ирландии и последовавшей гражданской войны, бывал в доме Шона О'Донована и видел драгоценности. Он называл их «драгоценности, жалкие драгоценности. Ничего больше» [16]. Эйлин Баррингтон, дочь Кэтлин Боланд, рассказала, что спрашивала Мориса Дойла, бывшего сотрудником Министерства финансов в то время, когда драгоценности находились там, и он утверждал, что драгоценности не были царскими драгоценностями и они не стоили столько, сколько за них заплатили [13].

Русские драгоценности. Military Archives, Ireland. Bureau of Military History. W.S.372.
Фотография опубликована Sunday Independent. 1948, 18 April

Оригинал второй расписки Л.Мартенса о получении им займа в 20 тыс. долларов сейчас находится в Национальном архиве Ирландии в Дублине.

Как было установлено ведущими ювелирными домами Лондона, драгоценности, послужившие обеспечением займа из денег Первого Парламента Ирландии, не имели ни большой художественной, ни ювелирной ценности. Их связь с коллекцией русских царей тоже не была доказана, хотя вполне возможно, что они принадлежали кому-то из семьи Романовых или другой знатной семье. Вручили ли представители Советской России ирландцам подделку или сами не знали об истинной стоимости изделий, произошла ли подмена на какой-то из стадий хранения драгоценностей, или какая другая ошибка – установить невозможно, так как не было составлено детальное описание изделий и они не оценивались ювелиром до 1949 г.

События, связанные с получением, перевозкой, хранением и возвращением СССР предметов, известных как «русские царские драгоценности», хорошо иллюстрируют, на наш взгляд, изменения в ирландско-советских отношениях.

В 1920 г., когда представители Ирландии помогли представителям Советской России, предоставив им два займа по 20 тыс. долларов каждый без каких-либо условий, отношения были дружескими, довери-

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ РУССКО-ИРЛАНДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

тельными, соратническими. С Советской Россией связывали надежды на новый прекрасный мир, на справедливое устройство общества, вдохновлялись его примером. И мы видим, что решение о сделке было принято быстро, а полученные в залог драгоценности воспринимались Гарри Боландом как настоящее сокровище, которое он завещал хранить до дня возвращения Ирландии независимости. МакКартан тоже считал их очень ценными. Экспертиза или оценка не производились.

Да, займы были предоставлены и оформлены непрофессионально и неумело, но если рассматривать их не как обычные финансовые сделки, а как политические жесты, направленные на получение обоюдного признания со стороны только строящихся государств РСФСР и Ирландской Республики, то действия участников объяснимы. Они были революционерами и политиками, а не ювелирами. И тогда выплаченные суммы не кажутся такими уж большими.

В 1934 г. Ирландия выступала за принятие СССР в Лигу Наций и де Валера говорил об Ирландии как о «нации, у которой нет политических споров с Россией» [5, Note for the Tánaiste].

В 1938 г., когда Ирландия стала полноценной республикой и правительству Ирландии во главе с де Валерой были возвращены драгоценности как символ того, что революция в Ирландии, наконец, свершилась, о них предпочли забыть, хотя ирландскому государству не помешали бы средства, о возврате которых они могли бы попросить.

А в 1948 г., во время Холодной войны, когда история о займах стала известна общественности, причем известна скандальным образом, когда кандидаты старались найти компромат друг на друга, Патрик МакКартан вспомнил о старой сделке. Любые прошлые связи с коммунистами рассматривались теперь как что-то непростительное и неприемлемое и могли стоить карьеры. Опять же экспертиза и оценка драгоценностей до 1948 г. не производилась.

Процесс обращения к послу СССР, требования быстрого ответа и угрозы выставить драгоценности на публичный аукцион были не самым красивым ходом ирландской дипломатии. Не будь драгоценности оценены специалистами в столь низкую сумму (2 тыс. фунтов стерлингов), вполне вероятно, что их могли продать анонимно без обращения к СССР.

Библиографический список

1. Bureau of Military History. 1913–21. Military Archives, Ireland. W.S. 372.
2. Dáil Éireann Debate. Vol.110. No.3. 1948, 9 March: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/1948-03-09/26/> (дата обращения: 17.08.2018).

3. Dáil Éireann Debate. Vol.113. No.12. 1948, 15 Dec.: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/1948-12-15/11/> (дата обращения: 17.08.2018).
4. Dáil Éireann Report on Foreign Affairs, 26 April 1922: <http://www.difp.ie/docs/Volume1/1922/277.htm> (дата обращения: 17.08.2018).
5. National Archives of Ireland. Department of Foreign Affairs. DFA/10/P/135 “Irish Republican Loan to Russia (1920) – Russian Crown Jewels”.
6. National Archives of Ireland. Department of Taoiseach. TSCH/3/S14205 “Russian jewels deposited as security for Dáil Éireann funds loan, 1920”.
7. University College Dublin Archives. The Eamon de Valera Papers (1882–1975), Harry Boland Diaries. P150/1169a – Pocket diary covering period from 1 October 1919 to 18 August 1920.
8. Костиайнен А. Сантери Нуортева // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий: URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 17.08.2018).
9. Рейхберг Г.Е., Шапик Б.С. «Дело» Маргенса. – М.: Политиздат, 1966. – 80 с.
10. Саттон Э. Уолл-стриг и большевистская революция. Глава 7. Большевики возвращаются в Нью-Йорк // <http://www.e-reading.club/book.php?book=133676> (дата обращения: 17.08.2018).
11. Candidate on Eire’s Neutrality // The Irish Independent. 1948, 31 Jan.
12. Dying request on Russian jewels // Sunday Express. 1950, 2 Feb.
13. Eileen Barrington // The 1916 Rising Oral History Collections: <https://www.irishlifeandlore.com/product/eileen-barrington-b-1929/> (дата обращения: 30.06.2018).
14. Fitzpatrick D. Harry Boland’s Irish Revolution, 1877–1922. – Cork: Cork University Press, 2003. – 450 p.
15. Foxall R. Jewels hidden in grate – the secret of No. 15 // The Sunday Express, 1966, 11 Dec.
16. Jim Watkins // The 1916 Rising Oral History Collections: <https://www.irishlifeandlore.com/product/jim-watkins-b-1931-part-1/> (дата обращения: 30.06.2018).
17. Klehr H., Haynes J.E., Firsov F.I. The Secret World of American Communism – New Haven, Conn., 1995. – 380 p.
18. Maher J. Harry Boland. A Biography. – Dublin: Mercier Press, 1998. – 284 p.
19. McCartan P. With De Valera in America. – Dublin: Fitzpatrick, 1932. – 284 p.
20. Mr. Sean MacEntee’s letter // The Irish Press, 1948, 13 Jan.
21. O’Connor E. Communists, Russia, and the IRA, 1920–1923 // The Historical Journal. Vol. 46, No. 1 (Mar., 2003). P. 115–131.
22. O’Connor E. Reds and the Green. Russia, Ireland and the Communist Internationals, 1919–43. – Dublin: University College Dublin Press, 2004. – 260 p.
23. Quinn M. Irish-Soviet diplomatic and Friendship Relations, 1917–1991. – Maynooth: Iontas Press, 2017. – 333 p.
24. Republican Loan Not Redeemed, Mr. de Valera Says // Irish Independent, 1948, 19 Jan.
25. Russia repays debt to Ireland // Evening Herald, 1950, 1 Apr.
26. Service R. Spies and Commissars. Bolshevik Russia and the West. – London: Macmillan, 2011. – 440 p.
27. T.D. Brought the Russian Jewels Here // The Irish Press, 1948, 19 Jan.
28. Whelan B. Eamon de Valera, a Republican Loan and the Secret of the lost Russian Jewels // Scolaire Staire, 2013, Vol.3, Is.1. P.24–28: <https://issuu.com/scolairestaire/docs/vol3iss1print> (дата обращения: 17.08.2018).
29. Where are the jewels? // The Irish Press, 1948, 16 Jan.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургуиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г.Москва, ул.Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

ОТЧЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ФОНДА ЗА 2018 ГОД

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 5650 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 7025 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 4350 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 245 тыс. рублей. Чистая прибыль составила 981 тыс. руб. В 2018 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Наши авторы

Бызов Леонтий Георгиевич

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского социологического центра (Институт социологии РАН)

Голдин Владислав Иванович

доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова

Волвенко Алексей Александрович

кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А.П.Чехова (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории международных отношений Института всеобщей истории РАН

Филиппова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Быкова Анна

кандидат политических наук, Археологическое и историческое общество Грейстоунза, Ирландия

Our authors

Byzov Leonty Georgievich

Ph.D. in economics, leading researcher
at the Institute of sociology of the Russian Academy of
Sciences of the Federal research sociological center.

Goldin Vladislav Ivanovich

D.Sci., historian, Professor,
Dpt. of Regional Studies, International Relations
and Political Science of the Northern
(Arctic) Federal University
named after M.V.Lomonosov

Volvenko Aleksei Aleksandrovich

Associate Professor, Dean of the Faculty
of History and Philology of the Taganrog Institute
named after AP Chekhov (branch)
of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"Rostov State Economic University (RINH)"

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor,
Chair of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D., historian, Research Fellow at Center for the History of
international relations of the Institute of
World History, Russian Academy of Sciences

Filippova Tat'ana Aleksandrovna

Ph.D., Senior Researcher
of the Institute of Oriental Studies of RAS

Bykova Anna

PhD, Greystones Archaeological
and Historical Society, Ireland

Памяти

**Леонида Абрамовича Фридмана
(1930–2019), автора и члена редакционного совета нашего журнала**

7 февраля 2019 года умер Леонид Абрамович Фридман (1930–2019), выдающийся российский ученый, доктор экономических наук (1970), профессор (1973) кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова.

Л.А.Фридман работал в Институте с 1960 г. и являлся крупнейшим специалистом по экономике арабских и африканских стран, развивающихся стран, в последние

годы он специализировался на вопросах социально-экономического развития государств Центральной Азии и Закавказья.

Закончив МГУ им. М.В.Ломоносова в 1952 г., он был распределен (в условиях политической кампании по борьбе с космополитами) в Рязанский областной краеведческий музей, с 1956 по 1959 года работал во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы, в 1956–1958 гг. – в Институте востоковедения АН СССР. С 1967 г. он трудился в Институте международного рабочего движения АН СССР, одновременно (с 1960 г.) преподавал в Институте стран Азии и Африки МГУ.

Леонид Абрамович отличался исключительно широкими взглядами на научные проблемы. Он относился к числу редких теперь ученых-энциклопедистов. Список интересовавших его научных вопросов поистине обширен. Вот лишь малая часть проблем, исследованием которых занимался профессор Фридман: капиталистическое развитие Египта, динамика наукометрических показателей стран СНГ, модернизация экономических структур арабского мира, социально-экономическое развитие государств Центральной Азии и Южного Кавказа, оценка душевых ВВП Древнего Рима и Ханьской империи в первые годы нашей эры, методика и методология международных экономических сопоставлений, особенности систем ипотечного жилищного кредитования в бывших советских республиках... Каждая из названных тем относится к разным направлениям ряда гуманитарных (отнюдь не только экономических) дисциплин. Однако даже такой широкий спектр изученных

вопросов – лишь небольшая доля поистине обширного диапазона научных проблем, которыми Леонид Абрамович занимался.

Под руководством Леонида Абрамовича было защищено несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций. География этих работ, помимо Азии и Африки, охватывает также Европу, Северную и Южную Америки. Среди подготовленных профессором Фридманом специалистов не только граждане России и бывшего СССР, но и представители многих других государств Запада и Востока. Отличительной чертой Леонида Абрамовича была персональная вовлеченность в процесс исследования. Как авторитетный ученый, он вполне мог ограничиться формулировкой проблем, указанием перспективных направлений исследований и контролем за ходом работ. Однако Леонид Абрамович всегда принимал самое активное участие в исследованиях на каждом этапе своих проектов.

Помимо колоссального объема знаний и практических навыков научного исследования, Л.А.Фридман обладал высокими качествами человека и гражданина. В трудные сталинские годы, когда его жизнь могла круто измениться, он проявлял себя как человек мужественный и стойкий в своих убеждениях. Его честность и прямота стали эталоном научного работника, не склонного ни к каким компромиссам с совестью. Эти личные и научные качества Фридмана соединялись легко и гармонично в силу его глубокого оптимизма, веры в человека, в добро. Ему не была интересна экономика ради экономики, ему не была интересна математика и статистика ради них самих, – единственное, что его по-настоящему интересовало, когда он увлеченно высчитывал те или иные проценты по экономической статистике, – как чувствует себя в экономике человек, каково ему жить, трудиться. Он всю жизнь страстно интересовался жизнью людей в разных странах, сравнивал разные уровни благосостояния, чтобы увидеть истинную цель развития экономики – ради человека, его духовных и материальных потребностей.

Таким талантливым ученым и честным гражданином он останется в нашей памяти.

*Ренат Карамурзов, доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и экономической
географии Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В.Ломоносова*

*Андрей Юрганов, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории России
средневековья и Нового времени РГГУ*

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2019.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54

E-mail: russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 10.02.2019. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 ¼ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

1.2019 january-february

Theory and Practice of the Political Games

Leonty Byzov

The Dynamics of Ideological and Political Preferences
for 25 Years. Three Stages of Transformation
of Social Consciousness _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Vladislav Goldin

The Northern Sea Route in Russia's Arctic Policy:
Historical Experience, Modernity and Prospects _____ **32**

Pages of History

Aleksei Volvenko

Power and Cossacks in the Epoch
of "Great Reform" of Alexandr II (1860–1870s):
Historiographic Notes (the end) _____ **60**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Yurganov

Religious and Philosophical Conception of Good and Evil in the Russian Modernism _____ **90**

Labels and Myths

Ol'ga Zaichenko

Between “Great Fear” and “Great Hope”. Russia in the Perception of the German Elite Before and During the Patriotic War of 1812: National-Patriotic Discourse__ **116**

Tat'ana Filippova

Culture, Revolution, War. The “Cultural Dimension” of the Crisis of 1917–1922 in Modern Russian Historiography ____ **144**

Topical Archive

Anna Bykova

Much Better Revolutionists than Jewellers: to the Question about the Beginning of Irish-Soviet Diplomatic Relations__ **168**

РОССИЯ XXI